

Введение

Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике

Л. П. Крысин

1. Единство и целостность языка не означают его однородности: каждый национальный язык един и целостен в многообразии своих проявлений — в диалектах, койне, жаргонах, литературно обработанных формах.

Лингвистов издавна интересует вопрос о характере членения национальных языков на подсистемы (в иной терминологии — формы существования языка). Интерес этот не праздный. Выяснение указанного вопроса важно теоретически, с точки зрения функциональной структуры языка и способности этой структуры удовлетворять разнообразные коммуникативные потребности общества. Правильное представление о подсистемах необходимо и для нужд речевой практики, в частности, для выбора функционально наиболее пригодной подсистемы, с помощью которой можно «обслужить» большую часть социальных сфер общения.

Обычно такой полифункциональной подсистемой является литературный язык (в западной и американской лингвистике используется термин «стандартный язык», или «стандарт») как язык культуры, науки, образования, законотворчества и делопроизводства, как средство общения образованной и культурной части общества.

Выделившись из состава национального языка в ходе его исторического развития, литературная форма не порывает связей с другими формами существования национального языка — диалектами, просторечием, жаргонами. На каждом этапе языковой эволюции взаимодействие этих подсистем своеобразно и отражает — не прямо, путем сложных опосредствований — социальные процессы, протекающие в обществе. Регулятором взаимодействия литературного языка с иными подсистемами является норма: она призвана фильтровать средства, идущие в литературное употребление из диалектной, просторечной и жаргонной среды. Но, как известно, и сама норма подвержена изменениям во времени; кроме того, и социальные оценки нормативных установок также колеблются в зависимости и от времени, и от характера тех процессов, которые происходят в обществе.

Например, демократизация состава носителей русского литературного языка в 20-х годах XX столетия привела к расшатыванию традиционной литературной нормы, к допущению в литературный оборот таких средств, которые раньше оценивались как неправильные, недопустимые в нормативном употреблении (ср., например, смену традиций в произношении: старомосковские образцы заменяются вариантами, более близкими к письменному облику слова — см. об этом [РЯиСО, кн. 4]; проникновение в литературный словарь диалектных и просторечных лексических элементов вроде слов *учёба*, *неполадки*, *косовица*, *доярка*, *напарник* и под., которые довольно быстро укрепили свои позиции в литературном языке и сейчас не ощущаются как нечто для него инородное).

Вторую волну изменений в составе носителей русского литературного языка можно наблюдать в конце XX в. Эти изменения связаны не столько с демократизацией контингента владеющих литературной речью (как было в 20-е годы, когда к традиционному носителю литературного языка — интеллигенции — прибавились значительные по численности группы выходцев из рабочих и крестьян), сколько с вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях привержены разного рода жаргонам и другим формам некодифицированной, нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказывается, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. Ср.:

«Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком зэков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отмененными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты» («Известия», 11 ноября 1997 г.).

В 80—90-е годы XX в. литературный русский язык, особенно в своей устно-разговорной форме, испытывает сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды. Это влияние выражается и в потоке жаргонной и просторечной лексики и фразеологии, хлынувшей на страницы художественной литературы, публистики, в язык средств массовой информации (что уже неоднократно отмечалось исследователями¹), и в более свободном, чем раньше, использовании обсценной лексики, в том числе на страницах печати, в радио- и телевидении, и в экспансии морфологических

¹ Из работ, вышедших в последнее десятилетие, см., например, [О состоянии... 1991; Дуличенко 1994; Костомаров 1994; Русский язык... 1996; Ферм 1994; Кёстер-Тома 1993; Кёстер-Тома 1994; Zybatow 1995] и нек. др.

и синтаксических моделей, не характерных или малохарактерных для традиционной системы литературного языка: ср., например, широкое распространение форм на *-а(-я)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный (*инспектора*, *ввода*, *флота*, *нитпеля*, *слесаря* и т. п.), расширение функций некоторых предлогов, например, предлога ПО: *принять решение по банкам*, *определиться по этой проблеме, обсуждение по Ираку* и т. п., изменения в синтаксическом управлении некоторых глаголов (заказать кого вместо нормативного заказать что в контекстах типа *Киллерам заказали этого бизнесмена — вместо ... заказали убийство этого бизнесмена*) и т. п.

2. Взаимоотношения стандарта с другими подсистемами национального языка, а также внутренние процессы, происходящие в каждой из этих подсистем и связанные с условиями ее функционирования, имеют двоякую природу — языковую и социальную. Изучение как собственно языковых, так и социальных механизмов, управляющих этими процессами, ведется в русистике достаточно давно². Однако, несмотря на значительность результатов, полученных в ходе такого изучения, нельзя сказать, что проблемы, связанные с функционированием русского национального языка и, в частности, с его социальной и функциональной дифференциацией, исследованы в достаточной мере и что здесь имеется полная ясность. Напротив, многие вопросы еще ждут всесторонне обоснованных ответов.

Таковы, например, вопросы, касающиеся соотношения социальной структуры общества и социальной структуры языка (исследователи спрашивали говорят об отсутствии изоморфизма в этих отношениях³, но каковы же они, если не изоморфны?); социальной дифференциации языка и его функциональной вариативности, причин локализации или, напротив, распространения в разных слоях общества и в разных функциональных стилях языковых новшеств, вопросы, относящиеся к различным аспектам речевого поведения представителей тех или иных социальных групп (зависимость характеристик речевого поведения от изменения социальной

² Помимо ставших классическими работ Е. Д. Поливанова, Б. А. Ларина, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура и других лингвистов первой трети XX в., в которых описывались социально обусловленные изменения в русском языке после революции, — это исследования, осуществленные во второй половине нынешнего столетия; см. [РЯиСО; РЯДМО; цикл работ по русской разговорной речи, выполненных под руководством Е. А. Земской; Социально-лингвистические исследования 1976; Городское просторечие 1984; Разновидности... 1988; Русский язык... 1993; Крысин 1989а; Русский язык... 1996; Русский язык 1997] и др.

³ Ср. мнение немецкого лингвиста М. Бирвиша: «Нет простого и очевидного соответствия между характером социальных и экономических условий, с одной стороны, и языковыми особеностями, с другой. Иначе говоря, основные различия между экономически неоднородными социальными группами не имеют прямого отражения в системе языковых разновидностей, существующих в данном речевом обществе» [Bierwisch 1976: 420].

роли говорящего, от смены адресата, от того, общается ли человек со «своими» или с «чужими», и т. п.), к формированию социальных оценок, выносимых говорящими по поводу тех или иных языковых фактов, той или иной манеры речевого поведения, и многое другое.

3. Весь этот комплекс вопросов и составляет тему, сформулированную в названии нашей книги, — «Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка». Совершенно очевидно, что, начиная исследование столь сложной и многоплановой темы, мы проявили бы излишнюю самонадеянность, если бы заявили, что она будет изучена нами детально и всесторонне. Более плодотворным представляется такой подход к ее освещению, когда в центр исследовательского внимания ставятся некоторые актуальные, но недостаточно изученные вопросы (подобные перечисленным выше): их обсуждение, с привлечением мнений других ученых и с анализом конкретного языкового материала, может наметить наиболее перспективные пути решения данной проблемы.

Однако, прежде чем обращаться к анализу социальной и функциональной дифференциации русского языка, необходимо представить, хотя бы в общих чертах, состояние разработки соответствующей проблематики в современной лингвистике.

4. Социальную дифференциацию языка многие исследователи считают наиболее отчетливой формой связи между языком и обществом. Поэтому, например, В. М. Жирмунский полагал задачу изучения социальной дифференциации языка одной из двух главных задач, стоящих перед социолингвистикой (вторая, органически связанная с первой, — изучение социально обусловленного развития языка; см. [Жирмунский 1969: 14]); высказывается также мнение о том, что ограничение предмета социолингвистики двумя этими задачами неправомерно; см. [Звегинцев 1982].

Проблема социальной дифференциации языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Она берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртене о «горизонтальном» (= территориальном) и «вертикальном» (собственно социальном) членении языка [Бодуэн де Куртене 1963]. Этой проблеме уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкоznании, как А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, А. Сеше, а также В. Матезиус, Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фэрс (Великобритания) и др.

Значителен вклад в изучение этой проблемы отечественных ученых — Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина и других (обзор работ 20—30-х годов по социологии языка см. в [Орлов 1969б; Баранникова 1970; Гухман 1972]; специально о социолингвистических работах Е. Д. Поливанова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура см. в [Крысин 1980, 1981, 1999]).

Для современного этапа разработки этой проблемы характерны следующие особенности.

1. Отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества: согласно этому взгляду, расслоение общества на классы прямо ведет к формированию классовых диалектов и «языков» (особенно отчетливо такая точка зрения выражена в известной книге А. М. Иванова и Л. П. Якубинского «Очерки по языку» [Иванов, Якубинский 1932], а также в статьях Л. П. Якубинского, публиковавшихся в 30-е годы в журнале «Литературная учеба»).

Более убедительной и в настоящее время разделаемой большинством лингвистов представляется точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны. В социальной дифференциации языка получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества (ср. известное положение об отставании темпов развития языка от темпов, которыми развивается общество).

«Социальная дифференциация языка данного общественного коллектива, — писал по этому поводу В. М. Жирмунский, — не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка. Язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Механическое сопоставление последовательного ряда синхронных срезов также не в состоянии воспроизвести динамику этого движения. Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, то есть всю потенциальную перспективу ее социального развития» [Жирмунский 1969: 14].

Надо сказать, что отказ от прямолинейности в трактовке проблемы социальной дифференциации языка иногда и до сих пор осуществляется чисто декларативно, в описании же конкретных социально-языковых связей нет-нет да и проявляется вульгарно-социологический подход к интерпретации этих связей.

Так, с рассматриваемой точки зрения явным анахронизмом представляется теория «языкового дефицита», разработанная современным английским психологом и педагогом Б. Бернстайном и получившая широкую известность в странах Западной Европы и в США. Эта теория напрямую соотносит так называемый ограниченный языковой код с низшими слоями общества, а разработанный код — с высшим и средним классами. Как убедительно, с привлечением экспериментального материала показал

У. Лабов, в использовании более или менее разработанных языковых кодов существенную роль играют не только социальные различия между говорящими, разность их культурного уровня, уровня образования и т. п., но и те условия, в которых происходит реализация различных языковых кодов. Изучая группы подростков-негров, принадлежащих к низшим слоям современного американского общества, он установил, что в естественных коммуникативных условиях — главным образом, при внутригрупповом общении — речь подростков весьма гибка и разнообразна. С другой стороны, подростки из обеспеченных, культурных семей не всегда прибегают к разнообразным речевым средствам; например, в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются однообразным словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций [Labov 1972: 201—240].

В большинстве современных социолингвистических исследований проблема социальной дифференциации языка изучается с преимущественным вниманием к таким языковым образованиям, существование которых определяется в конечном счете различиями в собственно социальных, профессиональных, образовательных, культурных и некоторых других «приобретенных» характеристиках говорящих.

Вместе с тем отмечается одна важная черта, свойственная социальной дифференциации многих языков в современных условиях:

«...возникает новая структура социальной дифференциации языка, в которой многие издавна используемые категории наполняются новым содержанием. Вместо традиционно противопоставлявшихся друг другу социальных и территориальных диалектов... формируются новые образования, лежащие на пересечении социальных и несоциальных измерений, — социально-территориальные, этносоциальные, социально-демографические и др. диалекты» ([Швейцер 1982: 47]; в качестве одного из примеров превращения территориального диалекта в диалект этносоциальный автор приводит так называемый Black English — диалект американских негров).

В последние десятилетия усилился интерес к изучению дифференциации языков в зависимости от пола говорящих. При этом одним из основных является тезис о том, что влияние половых различий между говорящими на их речь характерно не только для так называемых примитивных языков, но и для языков, обслуживающих современные цивилизованные общества.

Так, справедливо отмечая, что «контакты между полами столь постоянны и интенсивны, что значительные языковые различия не могут долго удерживаться», Дж. Хертцлер всё же считает, что «в нашем обществе (имеется в виду прежде всего современное американское общество. — Л. К.) мужчины и женщины всё ещё имеют речевые особенности, которые создают известные трудности в осуществлении точной коммуникации» [Hertzler 1965: 320—321].

Кажется, что в этом утверждении есть некоторое преувеличение роли половых различий в современных языках. В действительности, как показывают исследования различий между «мужской» и «женской» речью в конкретных языковых сообществах, эти различия касаются достаточно периферийных участков языка и едва ли могут создавать трудности при коммуникации. Например, Р. Лаков обнаружила любопытные несходства в наборе цветообозначений (у мужчин-американцев их значительно меньше, чем у американок), этикетных и оценочных единиц (типа *darling, fine*), в использовании некоторых типов синтаксических конструкций английского языка [Lakoff 1973]. Различия проявляются также в зависимости от пола адресата речи (см. об этом [Brouwer et al. 1978]), а также от того, в какой среде происходит речевое общение — однородной или смешанной по половому признаку: очевидно, например, что мужчины в общении между собой могут использовать такую лексику, которая мало пригодна для общения с женщинами.

Формируется особое направление социолингвистических исследований — так называемая gender-linguistics, или гендерная лингвистика, изучающая все виды языкового и речевого варьирования, обусловленные полом носителей языка (см. об этой проблематике [Земская, Розина 1994; Потапов 1997; Language and sex 1975; Social markers... 1979] и др.). Это направление в социолингвистике возникло не без влияния социологии, в которой издавна изучаются различия в статусах и в ролевом поведении людей, обусловленные их различиями по полу, и термин «гендерный» используется достаточно широко (см. об этом [Смелзер 1994]).

2. С отказом от прямолинейной трактовки проблемы социальной дифференциации языка и признанием сложности социально-языковых связей сопряжена другая особенность разработки указанной проблемы в современном языкоznании: при общей тенденции к выявлению системных связей между языком и обществом социолингвисты указывают на механистичность и априоризм такого подхода к изучению этой проблемы, который декларирует полную изоморфность социальной структуры языка и структуры обслуживаемого им общества (критику теории изоморфизма см. в [Ярцева 1968: 41 и сл.; Швейцер 1976: 27 и сл.; Швейцер 1982: 40—41]).

Преувеличенное (и потому неправильное) представление об изоморфности языковой и социальной структур в определенной мере объясняется отсутствием вплоть до середины 60-х годов XX в. эмпирических социолингвистических исследований: в трактовке социально-языковых связей преобладал умозрительный подход. С появлением работ, опирающихся на значительный по объему и достаточно надежный языковой и социальный материал (из наиболее ранних публикаций этого рода см. прежде всего [Labov 1966а и РЯиСО]), шаткость теории изоморфизма стала более очевидной.

Как показывают эти исследования, социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальной структуре языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, которые хотя и обусловлены социальной природой языка, но не находят себе прямых аналогий в социальной структуре общества. Таковы, например, типы варьирования средств языка, зависящие от двух классов переменных — от социальных характеристик говорящих и от условий речи (соответственно — социальная и ситуативно-стилистическая вариативность, по Лабову; см. [Лабов 1975а: 150—151]).

Даже в тех случаях, когда социальные факторы выступают в качестве более или менее жестких детерминантов речевого поведения, между этими факторами, с одной стороны, и обусловливаемой ими языковой вариативностью, с другой, не наблюдается взаимно-однозначного соответствия. Например, структура ролевых отношений (о понятии социальной роли и использовании этого понятия в социолингвистике, в частности для изучения социальной дифференциации языка, см. в настоящем «Введении» ниже), в значительной мере обуславливает выбор говорящими функциональных стилей языка, однако дифференциации социальных ролей нет полного соответствия в дифференциации языка на функциональные стили: с одной стороны, разные социальные роли могут исподняться с использованием средств одного и того же функционального стиля, а с другой, разные функционально-стилистические средства могут активизироваться при «проигрывании» одной социальной роли. Кроме того, механизм изменения стилистического рисунка речи не адекватен механизму изменения ролевой структуры речевого общения: ослабление социального контроля над ролевым поведением может не приводить к снятию контроля нормативно-языкового (например, меня роли с официальной на обиходную — скажем, роли начальника на роль отца — может не изменять установки говорящего использовать строго нормативные средства языка).

3. Для разработки проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике характерен более широкий, чем прежде (в первой половине XX в.), взгляд на эту проблему. Она начинает рассматриваться в контексте общей проблематики варьирования средств языка (которое может обуславливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами) — в том числе и таких средств, которые принадлежат к гомогенным языковым образованиям, каким является, например, в общепринятом представлении литературный язык.

Некоторые исследователи говорят об уже сформировавшейся теории языкового варьирования, которая описывает различного рода колебания в языке и в его использовании. Плодотворная разработка этой теории ставит вопрос о необходимости включения в лингвистическое описание компонента, содержащего сведения о вариативности языковых единиц. Например, М. Бирвиш считает, что лингвистическая теория должна быть

дополнена теорией языковой гетерогенности. Эта теория опирается на постулат, согласно которому реальное языковое поведение человека определяется не только его языковой компетенцией (в смысле Хомского), но и знанием *социально обусловленных коннотаций*, имеющихся у языковых знаков [Bierwisch 1976: 410]. Кроме того, поскольку разные люди усваивают язык в разных социальных условиях, они в результате, по мнению М. Бирвиша, овладевают «разными грамматиками языка», и описание этих различий должно осуществляться с помощью так называемых расширительных правил (extension rules), учитывающих сведения как о самих языковых единицах, так и об их коннотациях (под коннотациями Бирвиш понимает разного рода *у слов и я употребления языкового знака в речи*; см. [Bierwisch 1976: 442 и сл.]).

4. В непосредственную связь с таким аспектом изучения социальной дифференциации языка можно поставить и всё более настойчивые попытки отказаться от слишком «жесткого», опирающегося исключительно на социальные критерии подхода к расслоению языка на различные подсистемы и привлечь для решения этой проблемы функционально-стилистическую варьируемость языковых образований. В ряде работ последняя рассматривается именно как один из видов социальной дифференциации языка; см. [Labov 1966a; Labov 1970; Винокур 1974; Винокур 1993a; Семенюк 1974; Швейцер 1983] и др. Например, Н. Н. Семенюк пишет: «Наметившийся в последнее время отход от узкого понимания социальной дифференциации языка, при котором к числу социально обусловленных языковых единиц относили лишь некоторые специфические образования типа жаргонов, позволяет трактовать функционально-стилистические различия как один из видов социального варьирования языка в его конкретном историческом бытии» [Семенюк 1974: 15].

Такие социальные категории, как статус, престиж, социальная роль, некоторые исследователи рассматривают в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка. Например, И. Краус положил в основу предложенной им классификации именно эти категории при исследовании стилеобразующих факторов, среди которых он различает: 1) связанные с характером языковых сообщений и их функцией, 2) связанные с ориентацией говорящего на слушающего и 3) связанные с оценкой личности говорящего [Kraus 1971]. Внимание к фигуре говорящего как к одному из основных факторов, обуславливающих варьирование речи, выделение различных типов говорящего в зависимости от социальных и ситуативных признаков характерно для ряда современных исследований в области стилистики (см., например, [Labov 1966a; Doležel 1969; Долинин 1978; Винокур 1993a] и др.).

5. Таким образом, для современного этапа изучения проблемы социальной дифференциации языка характерны два основных подхода — традиционный, опирающийся лишь на социальную стратификацию общества,

обслуживаемого данным языком, и более новый, учитывающий, помимо собственно социальных факторов, факторы ситуативные и стилистические, а также статусные и ролевые характеристики носителей языка как участников тех или иных коммуникативных актов. Первый подход дает нам своего рода **статическую картину социального расслоения данного языка** на определенные подсистемы, вне зависимости от условий и характера функционирования каждой из выделенных подсистем в процессе речевой коммуникации. Второй подход позволяет видеть социально дифференцированный язык в динамике его функционирования (и поэтому он может быть назван **динамическим**).

При статическом подходе мы жестко делим носителей национального языка на группы в зависимости от того, какую подсистемой этого языка они пользуются (носители диалекта, носители просторечия, носители литературного языка и т.д.). При динамическом подходе одни и те же группы носителей языка могут характеризоваться использованием в их речи средств разных языковых подсистем — в зависимости от социальных и ситуативных параметров коммуникативного акта.

Ограничения на такого рода использование накладывает языковая компетенция индивида: если он не владеет данной подсистемой, то средства ее, естественно, оказываются вне сферы его речевой деятельности. Однако в современных условиях границы между подсистемами развитых национальных языков становятся всё более **затуманенными**, и в этих условиях можно говорить о той или иной степени **полиглоссии**, характерной для большинства носителей языка. Как писал Р. Якобсон, «любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» [Якобсон 1985: 411].

Тот факт, что между подсистемами размываются границы (ранее бывшие вполне определенными), что эти подсистемы как бы «перетекают» одна в другую, не означает, однако, что традиционная схема социальной дифференциации языка неверна. Она приобретает качественно иной вид: наряду с основными подсистемами в ней необходимо предусмотреть подсистемы дополнительные, промежуточные по своей природе, — полудиалекты, **интердиалекты**, **интержарготы** и т. п., в которых объединяются черты, скажем, территориального диалекта и городского просторечия, социального жаргона и устной формы литературного языка и т. д. Кроме того, сами социальные различия начинают характеризовать в большей степени **использование языковых единиц**, а не их набор.

В использовании же языковых средств существенными оказываются как социальные характеристики говорящего — например, его возраст, пол, уровень образования и культуры, профессия и др., — так и соответствующие характеристики адресата, а также отношения между говорящим и адресатом, тип коммуникативной ситуации и цель речевого акта и ряд других обстоятельств, в той или иной степени являющихся социальными.

6. Наиболее существенное влияние на использование языковых средств оказывают такие динамические социальные факторы, как социальная роль (говорящего и адресата) и вхождение индивида в так называемые малые социальные группы. Рассмотрим эти факторы, введя определение самих названных понятий, принятые в современной социологической литературе, и высказав (пока самые общие) соображения о характере влияния указанных факторов на использование языка говорящими и на их речевое поведение.

6.1. **Социальная роль** — это «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» [Кон 1967: 23]. Социальная позиция, или социальный статус, — это формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии общества или каких-либо составляющих общество групп [Белл 1980: 137].

Термином «социальный статус» обозначается соотносительная (по оси «выше — ниже») позиция человека в социальной системе, определяемая по ряду признаков, специфичных для данной системы.

«Статусы делятся на **приписанные (предписанные)**, получаемые человеком при рождении (например, статусы, обусловленные полом, расовой и территориальной принадлежностью, фамилией семьи) и **достигнутые (приобретенные)**, определяемые тем, что человек осуществил в жизни (например, статус писателя, мужа)» [Смелзер 1994: 73].

Статус отвечает на вопрос: «кто этот человек?», социальная роль — на вопрос: «что он делает?». Поэтому можно сказать, что роль — это динамический аспект статуса.

Существенным компонентом социальной роли является **ожидание**: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него, он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Например, приходя в гости, вы обязаны поздороваться первым и имеете право на внимание к вам со стороны хозяев. Социальные роли — это своеобразные шаблоны взаимных прав и обязанностей.

Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и в обществе, профессией (таковы, например, роли мужа, отца, начальника, сослуживца, кондуктора и т. п.), так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.

Роли, связанные с постоянными или долговременными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже на образ жизни человека, «оказывают заметное влияние на его личные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям)» [Кон 1967: 24]. Сказываются они и в речи; ср. расхожие «квалифицирующие» определения вроде таких: *говорит, как учитель; хорошо поставленным*

актерским голосом; начальственный окрыл; оставь свой прокурорский тон; кричит, как базарная торговка и т. п.

Исполнение одних и тех же ситуативных ролей (пациента, покупателя и др.), скажем, студентом и домохозяйкой, столяром и учителем математики различно: хотя данная ситуация (например, купля — продажа, прием у врача) предъявляет к ее участникам определенные требования, ролевое поведение каждого из участников бывает обусловлено их постоянными или долговременными социальными характеристиками, их профессиональным или служебным статусом.

Многие роли, характерные для данного общества, имеют специальные обозначения в языке: отец, жена, сын, дочь, брат, сестра, одноклассник, сосед, учитель, покупатель, пациент, пассажир, председатель собрания, член парламента, судья, посетитель, клиент и т. п. Все взрослые члены данного общества более или менее хорошо знают, чего ожидать от человека при исполнении им каждой из подобных ролей, так что даже простое произнесение имени роли обычно вызывает в сознании говорящего или адресата представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т. п.

Пары социальных ролей — наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей (хотя нередки ситуации, когда человек при исполнении определенной социальной роли взаимодействует не с одним ролевым партнером, а с множеством: ср., например, ситуации «лектор — аудитория», «священник — прихожане церкви» и под.). Соотношение ролей в таких парах может быть тройким:

- 1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника ситуации (Y): $P(X) > P(Y)$;
- 2) роль первого участника ситуации (X) ниже роли второго участника ситуации (Y): $P(X) < P(Y)$;
- 3) роли участников ситуации равны: $P(X) = P(Y)$.

Социальная роль X-а выше социальной роли Y-а тогда, когда в некоторой группе или в ситуации общения Y зависит от X-а; и наоборот: социальная роль X-а ниже социальной роли Y-а, если в некоторой группе или в ситуации общения X зависит от Y-а. При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов группы или участников ситуации.

В соответствии с типами ролевых отношений все ситуации общения можно подразделить на симметричные и асимметричные.

Исполнение человеком различных социальных ролей как в симметричных, так и в асимметричных ситуациях отличается некоторыми закономерностями. Такие закономерности характеризуют и речевой аспект ролевого поведения. Сформулируем некоторые из них:

- 1) исполнение определенной роли требует использования определенных языковых средств, ожидаемых партнером по ролевому взаимодействию и окружающими людьми; нарушение этих ожиданий ведет к тому, что ролевой партнер или окружающие оценивают речь данного лица как неуместную, как противоречащую нормам языка или нормам человеческого общения, общепринятым правилам этикета и т. п.;
- 2) при изменении социальной роли происходит переключение с одних языковых средств на другие (ср., например, исполнение ролей пассажира и пациента); отказ говорящего от такого переключения — сознательный или по неспособности выбрать нужный регистр общения — ведет, как правило, к коммуникативной неудаче;
- 3) в асимметричных ситуациях речь коммуникантов более эксплицитна, чем в ситуациях симметричных. Например, просьбы, жалобы, самооправдания (тип ролевого отношения $P(X) < P(Y)$) должны быть изложены максимально понятно для того, кому они адресованы: это в интересах самого говорящего. С другой стороны, в речевых актах приказа, выговора, наставления (тип ролевого отношения $P(X) > P(Y)$) речь X-а также должна быть эксплицитна, хотя Y в этом далеко не всегда заинтересован; в речевых актах рекомендации, совета (тот же тип ролевых отношений) в эксплицитности речи заинтересованы оба ролевых партнера.

В симметричных ситуациях степень эксплицитности речи зависит от характера отношений между ролевыми партнерами: чем более официальны они, тем выше степень эксплицитности, и наоборот, чем неформальнее отношения, тем ниже степень речевой эксплицитности (в предельном случае вербальные средства могут замещаться жестами, мимикой или элементами ситуации: ср. общение близких приятелей, субтыльников, любовников и т. п.);

- 4) механизм переключения с одних языковых средств на другие при изменении ролевых отношений между коммуникантами предполагает некое соответствие между набором социальных ролей, присущих данному социуму, и набором языковых кодов и субкодов — языков, диалектов, стилей, речевых жанров, речевых клише и стереотипов и т. п. Успех коммуникации зависит от того, насколько хорошо владеют участники общения и тем, и другим набором (т. е. набором ролей и набором кодов и субкодов). Невладение какою-либо социальной ролью (т. е. неумение исполнять ее в соответствии с ожиданиями

окружающих), как правило, означает и невладение соответствующей манерой речи: когда нам приходится исполнять чуждые для себя, неосвоенные роли, то мы чувствуем себя неуютно прежде всего от того, что не знаем, что и как надо говорить при проигрывании этих ролей.

Таким образом, члены социума в норме **полиглоссы**: они владеют разными коммуникативными кодами, обращающимися в данном социуме. Их социальный успех, в частности естественность и эффективность ролевого поведения, зависит от того, насколько совершенно это владение, насколько легко может индивид переключаться с одного кода на другой при смене социальной роли (подробнее об этом см. в [Крысин 1976а], а также в ч. III данной книги).

6.2. Перейдем теперь к рассмотрению понятия **малой социальной группы** и самого факта **вхождения** носителей языка в те или иные малые группы. Эта сторона социального и речевого поведения членов социума оказывается (как мы надеемся показать в основной части настоящей книги) весьма существенной с точки зрения социальной дифференциации единого национального языка (в частности, русского).

Под малой обычно понимают «малочисленную социальную группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе (симпатии, неприязни и безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения. К малым группам относят семью, производственный, научный, спортивный, воинский коллективы и нек. др.» [Философская энциклопедия 1975].

Различают несколько типов малых групп: формальные и неформальные, первичные и вторичные, референтные (эталонные) и нек. др. (см. об этом [Шибутани 1969: 45; Миллз 1972: 82—92; Крысин 1989а: 78—86]). Общепризнанно, что речевое поведение человека при общении с членами его группы отличается от его же речевого поведения вне этой группы (иногда это описывается в иных терминах: общение в своей, привычной среде и общение в среде чужой, непривычной; см., например, [Якубинский 1923]).

В разные периоды своей жизни человек является одновременно членом нескольких малых групп — семьи, игровой группы (в детстве), служебной, производственной, спортивной, учебной, групп, формирующихся на основе общих увлечений (болельщики, коллекционеры, автолюбители, цветоводы и т. п.). Однакочество в каждой из подобных групп он ценит неодинаково. Та группа, принадлежность к которой индивид расценивает особенно высоко, членством в которой он особенно дорожит, называется **референтной**. Влияние такой группы на поведение индивида, на систему разделяемых им оценок и ценностей, на особенности

речи важно и значимо. «За немногими исключениями, — пишет по этому поводу Т. Шибутани, — человек рассматривает мир с точки зрения, которая разделяется людьми, непосредственно его окружающими. Стандарты первичной группы ощущаются сильнее, если благодаря конъюнктивным (объединительным) чувствам социальная дистанция между членами группы сокращается... Трудно нарушить ожидания тех, с кем человек себя объединяет, ибо понимание их огорчения вызывает острое чувство вины. Чем привлекательнее группа для ее участников, тем выше давление, обеспечивающее единообразие поступков и мнений» [Шибутани 1969: 45].

С лингвистической точки зрения важны такие особенности группового поведения людей: наличие в группе лидера и аутсайдеров; речевая гомогенность группы; групповые шаблоны речи; **диглоссия** и **полиглоссия**.

Коротко рассмотрим каждую из этих особенностей.

1) **Групповые лидеры и аутсайдеры.** Не вдаваясь в достаточно сложную проблему лидерства, успешно изучаемую современной социальной психологией, подчеркнем лингвистический аспект этой проблемы: речь лидера обычно влияет на речь других членов группы. «Речевое давление» лидера на группу обычно не осознается членами группы или осознается постфактум. Как правило, результаты такого давления проявляются при внутригрупповом общении, при исполнении индивидом ролей, предписываемых ему его положением в структуре данной группы и в групповых коммуникативных ситуациях. Но известны случаи, когда и в отсутствие лидера или членов группы, и в ситуациях, когда членство в данной группе перестаёт быть для индивида актуальным, речь его сохраняет черты, обусловленные влиянием речи группового лидера. Интенсивность, сила и глубина речевого влияния лидера на других членов группы обычно зависит от яркости личности лидера, от силы его характера, от умения влиять на умы и настроения окружающих и — не в последнюю очередь — от своеобразия его речевой манеры, наличия в речи тех или иных специфических слов, выражений и т. п.

Ср. следующие свидетельства влияния речи выдающегося биолога Н. В. Тимофеева-Ресовского на речевое поведение людей, составлявших профессиональную группу, общепризнанным лидером которой он был:

Другие подражали ему с восторгом. Для меня же... Ведь я соприкасался с ним вплотную. Ближайший сотрудник. На меня давила его речь, интонации, словечки. Мы все повторяли за ним: «трёп», «душеспасительно», «душеласкательно», «это вам не жук накакал», «досихпорешние опыты», — прелест, как он умел играть голосом, словами. «Кончай при!» — в смысле пререкания. «Что касаемо в рассуждении... — Сплошной бонжур! — добавил я. — Заметили? И это тоже. А жесты, а манера говорить! Голосице — труба громовая, всё на пределе чувств. Темперамент. При нем нельзя оставаться вялым, спокойным. Всё начинает резонировать. Самые упорядоченные, благонравивые граждане возбуждаются. Тоже орут, ручками машут. Сила

влияния или обаяние его личности были таковы, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры. — Годами я говорил, интонационно подражая Энвэ, — признался мне Молчанов. — Я даже не сопротивлялся, а активно вживался в эту роль, обезьянничал (Д. Гранин. Зубр).

В позиции, противоположной позиции лидера, находятся *аутсайдеры* — лица, недостаточно адаптировавшиеся в данной группе, воспринимаемые остальными ее членами как чужаки. У. Лабов называет аутсайдеров термином *lames* [Labov 1972: 255–272], которому трудно подыскать идиоматичное русское соответствие (буквально *lame* — хромой, а также неудачник, «слабак»). Основываясь на полученном им экспериментальном материале по изучению групп американских подростков, У. Лабов делает важное наблюдение: аутсайдеры обычно не усваивают культурные и языковые нормы и ценности группы, следя в своем поведении, в частности речевом, тем привычкам, которые они приобрели как члены других групп, например, семьи.

2) *Речевая гомогенность группы*. Дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентацией на групповые ожидания, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Членом группы в его внутригрупповом речевом поведении руководят два взаимосвязанных мотива: с одной стороны, не отличаться по речевой манере от остальных членов группы (насколько это возможно: как известно, некоторые фонетические и интонационные стороны речи не поддаются самоконтролю), а с другой, показать, что он принадлежит к данной группе, что он «свой». В последнем отношении особенно характерна *символьная функция языковых знаков*: определенные единицы — слова, обороты, синтаксические конструкции наряду с номинативной и коммуникативной функциями приобретают свойства символа принадлежности говорящего к данной группе. Слова, манера произнесения, интонации, играющие роль групповых символов, служат индикаторами, по которым опознаётся «свой»; напротив, человек, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как «чужак». Ср.:

Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос: — Кто едет? Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул бы: кто гребет? (Б. Житков. Компас).

Можно назвать ряд факторов, способствующих речевой гомогенности группы: *фактор сплоченности* (чем сплоченнее группа, тем вероятие ее речевой гомогенности); *фактор лидера* (чем больше сила речевого влияния лидера на группу, тем вероятнее «следы» такого влияния в речевой манере всех остальных членов группы); *фактор времени* (чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее нивелировка их речевых индивидуальностей, выработка общей манеры общения); *фактор регулярности* (речевая гомогенность прямо пропорциональна частоте и

регулярности внутригрупповых контактов); *фактор кода*: выработка общей манеры внутригруппового речевого поведения возможна лишь в условиях, когда все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом (языком, диалектом, жаргоном и т. п.). Во вполне возможной ситуации, когда члены группы пользуются разными подсистемами национального языка (скажем, одни — литературным языком, а другие — местным диалектом), вначале преодолеваются языковые контрасты путем подавления большинством группы тех речевых особенностей, которые оцениваются этим большинством негативно, и лишь затем может начаться процесс выработки какой-либо специфической групповой манеры речевого поведения.

3) *Групповые шаблоны речи*. Это один из ярких образцов речевой специфики той или иной группы, ее отличий от иных социальных общностей. Подобно тому, как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определенные стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к выработке определенных речевых шаблонов. В качестве таковых могут выступать отдельные языковые единицы, фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие коммуникативный опыт данной группы, цитаты — как из устных высказываний кого-либо из членов группы (в частности, лидера), так и из литературных произведений. При этом шаблон — вопреки своему названию — используется, как правило, в эмоциональном контексте, специально (шутливо, иронически, с пародийными целями и т. п.) обыгрывается; тем самым к нему привлекается внимание окружающих (ср. приведенные выше словечки и выражения Н. В. Тимофеева-Ресовского).

В жизни малых социальных групп велика роль *языковой игры*. Это характерно не только для таких групп, которые формируются на основе общности интеллектуальных интересов (ср. малые неформальные научные коллективы, семинары, кружки и клубы «по интересам» и т. п.), но и, например, для игровых групп детей и подростков, для учебных классов в школе, для спортивных команд и др. Ср. в этом отношении прозвища, дразнилки, любимые присловья (типа *Наше вам с кисточкой, бонжур-пожедова* и т. п.), переделки слов и выражений (*большое пожалуйста* — по аналогии с *большое спасибо, калёной метлой* — как объединение двух фразеосочетаний: *калёным железом* и *новая метла*), бытующие как раз в устном речевом общении малых групп и являющиеся шаблонами, отличающими данную группу от всех других.

4) *Диглоссия и полиглоссия*. Эти свойства речи членов малых групп проявляются в том, что при внутригрупповом общении они используют одни языковые средства, привержены одной манере речевого поведения (в предельном случае это может быть особый групповой жаргон), а при общении вне группы переключаются на иные коммуникативные средства.

Поскольку (как уже отмечалось выше) человек является одновременно членом нескольких групп, постольку можно говорить о его диглоссности и даже «полиглоссности» или хотя бы об элементах этих явлений. В современном обществе, где контакты между различными слоями и группами регулярны и интенсивны, речевые различия между малыми группами не могут быть резкими. Скорее, можно наблюдать частотные различия в использовании тех или иных языковых средств, предпочтение определенных вариантов (из числа «разрешаемых» языковой нормой) и т. п. Однако в принципе вхождение индивида в несколько разных малых групп обуславливает совмещение в его идиолекте разных речевых манер, каждая из которых актуализируется при общении в пределах соответствующей группы (семьи, учебного класса, бригады, спортивной команды, компании приятелей и т. п.).

Переключение с одной манеры на другую происходит под влиянием таких факторов, как социальная роль говорящего (например, в роли члена семьи он активизирует одни речевые навыки, в роли члена спортивной команды — иные и т. д.)⁴, адресат (ср. общение с членами семьи и с прохожими), тема (обсуждение тем, связанных с производственной деятельностью говорящего, может «включать», активизировать манеру речи, свойственную ему как члену определенной производственной группы), наличие / отсутствие социального контроля и самоконтроля (при наличии социального контроля или самоконтроля — обычно это бывает в официальных условиях общения — преобладает манера речи, «изобличающая» говорящего как члена формальных социальных групп; в отличие от этого, при снятии социального контроля и ослаблении самоконтроля — в условиях непринужденного общения — активизируется манера речи, свойственная говорящему как члену неформальных объединений) и нек. др.

Подведем некоторый итог сказанному выше о понятии «социальная роль» и понятиях, связанных с вхождением индивида в малые социальные группы. Эти понятия обозначают социальные и социально-психологические по своей природе факторы, которые в наибольшей степени обуславливают использование языка его носителями. Динамический характер этой обусловленности очевиден: такого рода переменные, как роль

⁴ Ср. пример, который приводит в одной из своих работ А. Д. Швейцер: «...в пьесе английского драматурга А. Уэскера „Chips with everything“ солдатские жаргонизмы *civvy street* 'жизнь вне армии', *lark* 'испытальная работа', *Ops* 'оперативный пункт' и др., сами по себе являющиеся маркерами статуса говорящих, используются лишь при реализации ролевых отношений „солдат — солдат“ ... Использование солдатского жаргона при обращении к офицерам было бы явным нарушением речевого этикета и шло бы вразрез с ролевыми предписаниями» [Швейцер 1982: 43]. Этот пример, в частности, свидетельствует о своеобразии ролевых предписаний в каждом национальном обществе: как известно, в современной русской армии солдатским жаргоном активно пользуются не только рядовые, но и офицеры среднего звена, в том числе и в ситуациях общения между солдатами и офицерами.

и членство в группе, могут получать различные значения в процессе речевой коммуникации. Очевидно, что носители языка, принадлежащие к разным социальным слоям, по-разному используют языковые средства при одинаковых значениях указанных переменных. Тем самым социальная дифференциация языка получает как бы двоякое выражение: 1) в виде социально обусловленных подсистем (таких, как местные диалекты, городские койне, социальные и профессиональные жаргоны, литературный язык) и 2) в виде социально маркированных языковых средств, используемых говорящими, которые принадлежат к тем или иным общественным слоям и группам, в зависимости от условий коммуникации, от функционально-стилистических характеристик речи.

Часть I

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА**

Глава 1

Формы существования (подсистемы) русского национального языка*

Л. П. Крысин

В большинстве работ, затрагивающих проблему социального членения русского национального языка, выделяются следующие подсистемы (или, как их еще иногда называют, формы существования) русского национального языка: литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, профессиональные и социальные жаргоны. Это членение мы находим не только в специальных лингвистических и социолингвистических исследованиях, но и во всех учебниках и учебных пособиях по русскому языку для вузов. Хотя выделение указанных подсистем в целом верно отражает картину социальной и функциональной дифференцированности русского языка, в таком членении недостает историзма, исторической перспективы: совершенно очевидно, что содержание таких понятий, как «литературный язык», «территориальный диалект», «просторечие», «социальный жargon», различно, имеем ли мы в виду русский язык пушкинских времен или же русский язык, которым пользуются жители России конца ХХ в.

Между тем, в ряде работ, посвященных дифференциации *современного* русского языка, при рассмотрении, скажем, социальных жаргонов фигурирует материал из языка оfenей, шаповалов и др. (см., например, работы В. Д. Бондалетова). При анализе взаимоотношений между литературным языком и территориальными диалектами и тот и другие рассматриваются как жестко разграниченные языковые образования (при этом в качестве исходного принимается постулат о внутренней гомогенности каждого из этих образований); при описании городского просторечия также преобладает ретроспективный взгляд на эту подсистему русского языка как на коммуникативное средство, используемое той частью населения города, которая не имеет образования.

* В данной главе Л. П. Крысина использован материал ранее опубликованной книги «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (М., 1989) — в той ее части, где говорится о социальной дифференциации русского языка (гл. II).

Очевидно, что в современных условиях указанные подсистемы изменили свою языковую и социальную природу. Так, литературный язык, относительно периода конца XIX – начала XX вв. рассматривавшийся как единое образование, сейчас отчетливо подразделяется на две самостоятельные разновидности – книжную и разговорную. Территориальные диалекты, подвергшиеся сильнейшему расщатывающему и нивелирующему влиянию литературного языка, почти нигде не существуют в чистом виде – все большее распространение получают промежуточные образования, совмещающие черты диалекта, литературной речи и просторечия. Среди социальных жаргонов корпоративные «языки», вроде «языка» оценей, не имеют социальной базы для своего существования (хотя бы «реликтового»), зато получают развитие различные формы профессионального просторечия, и в социальном, и в функциональном отношении принципиально отличающиеся от корпоративных жаргонов. Наконец, социальный статус просторечия и его языковая сущность за последние полстолетия претерпели столь значительные изменения, что в настоящее время можно говорить об определенной гетерогенности этой подсистемы русского национального языка (см. об этом ниже).

Рассматривая социальную дифференциацию современного русского языка, мы будем характеризовать каждую из выделяемых подсистем в двух отношениях: 1) с точки зрения социального субстрата (кто, какие социальные слои и группы русскоязычного общества являются носителями данной подсистемы) и 2) с точки зрения различий в наборе коммуникативных средств и в характере их использования.

Литературный язык

Понятие русского литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих данной подсистеме национального языка, так и путем отграничения совокупности носителей этой подсистемы, выделения ее из общего состава людей, говорящих по-русски. Первый способ определения лингвистичен, второй – социологичен.

Примером лингвистического подхода к выяснению сущности литературного языка может служить определение, данное М. В. Пановым: «...если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим» [Панов 1966: 56].

В этом определении имплицированы такие важные свойства литературного языка, как его последовательная нормированность (не просто наличие единой нормы, но и ее сознательное культивирование), общеобязательность его норм для всех говорящих на данном литературном языке, коммуникативно целесообразное использование средств (оно вытекает из

тенденции к их функциональному разграничению) и нек. др. Определение обладает большой дифференцирующей силой: оно четко отграничивает литературный язык от других социальных и функциональных подсистем национального языка.

С точки зрения целей социолингвистического исследования языка собственно лингвистический подход к определению языковых подсистем, и в частности литературного языка, недостаточен: он не дает ответа на вопрос, кого же, какие слои населения надо считать носителями данной подсистемы, и в этом смысле определения, основанные на чисто лингвистических соображениях, не operationальны. Поэтому при решении задач социолингвистического изучения современного русского языка был предложен иной, «внешний» критерий определения понятия «литературный язык» – через совокупность его носителей (см. [Крысин 1968: 14; Земская 1968: 37]).

В соответствии с этим критерием современный русский литературный язык – это та подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие следующими тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и / или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке. Такое определение соответствует традиционному представлению о литературном языке как языке образованной, культурной части народа. Однако лингвисту, который привык иметь дело с достаточно абстрактными сущностями вроде нормы, кодификации и т. п., выделенные признаки могут показаться чересчур нелингвистичными и при этом огрубляющими, «заземляющими» понятие литературного языка, делающими это понятие излишне широким. Поэтому имеет смысл обсудить данное выше определение более подробно, обосновав (1) необходимость каждого из выделенных признаков, (2) их достаточность и (3) указав на лингвистические следствия, вытекающие из этого определения и касающиеся природы того, что мы называем литературным языком.

(1) Во-первых, наблюдения показывают, что лица, для которых русский язык не родной, даже в том случае, когда говорящий владеет им свободно, обнаруживают в своей речи черты, в той или иной степени обусловленные влиянием родного языка (см. об этом, например, [Махарбидзе 1963; Тулина 1966; Крысин 1989а; Авина 2000] и др.). Это лишает исследователя возможности считать таких людей однородными в языковом отношении с лицами, для которых русский язык родной.

Во-вторых, вполне очевидно, что город способствует столкновению и взаимному влиянию разнодialectных речевых стихий, смешению диалектов. Влияние языка радио, телевидения, прессы, речи образованных слоев населения в городе проявляется гораздо интенсивнее, чем в деревне.

Кроме того, в деревне литературному языку противостоит организованная система одного диалекта (хотя и — в современных условиях — значительно расшатанная воздействием литературной речи), а в городе — своего рода интердиалект, составляющие которого находятся между собой в неустойчивых, меняющихся отношениях. Это приводит к нивелировке диалектных речевых черт или к их локализации (ср. «семейные языки»)¹, либо к полному их вытеснению под давлением литературной речи. Поэтому люди, хотя и родившиеся в деревне, но всю свою сознательную жизнь живущие в городах, также должны быть включены — наряду с коренными горожанами — в понятие «жители городов» и, при прочих равных условиях, в понятие «носители литературного языка».

В-третьих, критерий «высшее или среднее образование» представляется необходимым потому, что годы учения в школе и вузе способствуют более полному, более совершенному овладению нормами литературного языка, устраниению из речи человека черт, противоречащих этим нормам, отражающих диалектный или просторечный узус.

(2) Если необходимость трех указанных выше признаков в качестве совокупного критерия для выделения общности говорящих на литературном языке как будто не может вызвать сомнений, то их достаточность требует более детальных обоснований. И вот почему.

Интуитивно совершенно ясно, что внутри таким образом выделенной общности достаточно велики различия в степени владения литературной нормой. В самом деле, университетский профессор — и рабочий со средним образованием, журналист и писатель, профессионально имеющие дело со словом, — и заводской инженер или геолог, профессии которых не основываются на использовании языка, учитель-словесник — и шофер такси, коренной москвич — и выходец из костромской деревни, с детства живущий в Москве, — все эти и другие представители разнородных социальных, профессиональных и территориальных групп оказываются у нас объединенными в одну совокупность «носители литературного языка». А между тем очевидно, что владеют они этим языком по-разному, и мера приближения их речи к идеально литературной весьма различна. Они располагаются как бы на разном расстоянии от «нормативного ядра» литературного языка: чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его профессиональная связь со словом, тем ближе его речь к этому ядру,

¹ Локализация диалектной речи происходит и в условиях жизни в деревне, в особенности у молодых ее носителей, под влиянием школьного образования, радио, телевидения диалектические речевые черты замещаются литературными. Однако последние выступают не в качестве постоянных, а в качестве ситуативно обусловленных элементов: в школе, в разговорах с приезжими, во время поездок в город и т. п. подросток стремится использовать именно эти, новые для него средства, но среди «своих», в семье особенно, он может переходить с осваиваемого литературного языка на диалект.

тем совершение владение литературной нормой и, с другой стороны, тем обоснованное сознательные отступления от нее в практической речевой деятельности.

Понятно, что далеко не все, кого мы причислили к кругу носителей литературного языка, отличаются этими качествами. Что же объединяет столь разнородные и в социальном, и в профессиональном, и в культурном отношении группы людей, помимо выдвинутых нами трех признаков? Все они в своей речевой практике следуют литературной языковой традиции (а не, скажем, диалектий или просторечной), ориентируются на литературную норму². Разумеется, «следование» это различно и по характеру, и по тем результатам, которые можно наблюдать в речи тех или иных групп. Можно было бы, конечно, считать литературной речь лишь высокообразованных, высококультурных людей, как, например, это делают некоторые английские лингвисты (см. об этом [Quirk 1967; а также Земская 1968: 36]). Но в таком случае «за бортом» оказались бы многочисленные слои общества, язык представителей которых — не территориальный диалект, не просторечие, не профессиональный или социальный жargon, а... что? Образование, промежуточное между литературным языком и всеми названными подсистемами русского национального языка? Для ответа на такой вопрос, утвердительного или отрицательного, необходимо было бы провести специальные исследования.

К концу XX столетия русистика располагает некоторыми данными, свидетельствующими о том, что язык той совокупности, которая выделена по трем указанным выше признакам, — это русский литературный язык. Речь идет о предпринятом в начале 60-х годов, по инициативе и под руководством М. В. Панова и завершенном в начале 70-х годов массовом обследовании говорящих по-русски. Результаты обследования отражены в четырехтомной монографии «Русский язык и советское общество» (М.: Наука, 1968), в ряде сборников, а также в книге «Русский язык по данным массового обследования» (М.: Наука, 1974).

Поскольку в специальной литературе отсутствовали (и отсутствуют до сих пор) такие определения понятий «литературный язык» и «носитель литературного языка», которые были бы пригодны для целей социолингвистического анализа, исследователи, осуществлявшие массовое изучение говорящих, предположили, что носитель литературного языка должен обладать по крайней мере тремя (названными выше) признаками.

² В прошлом ориентация на норму не была единственной тенденцией в языковой практике носителей литературного языка. Так, на рубеже XVIII—XIX вв., т. е. в эпоху формирования русского литературного языка, для такой авторитетной в культурном и языковом отношении группы деятелей русского общества, как карамзинисты, была характерна «принципиальная установка на узус, а не на стабильную норму» [Успенский 1985: 30].

Предположение это полностью подтвердилось: речевые навыки обследованных людей оказались в целом нормативными, соответствующими современному литературному узусу.

При этом, однако, было выяснено одно важное свойство русского литературного языка наших дней: в отличие от таких языков, как, например, латинский, использовавшийся в качестве литературного в ряде стран средневековой Европы, а также от искусственных языков типа эсперанто, которые изначально литературны и не имеют ветвлений на функциональные или социальные подсистемы, — русский литературный язык гетерогенен (по всей видимости, это свойство присуще многим современным литературным языкам, о чем свидетельствуют многочисленные исследования последнего времени³).

На первый взгляд кажется, что этот вывод противоречит главной аксиоме, связанной со статусом литературного языка, — аксиоме о единстве и общеобязательности нормы для всех говорящих на литературном языке, о его кодифицированности как об одном из основных свойств. Однако в действительности никакого противоречия здесь нет. Напротив, и названная аксиома, и свойство гетерогенности не только прекрасно уживаются вместе, но и дополняют, поддерживают друг друга.

В самом деле, рассмотренное с собственно языковой, коммуникативной и социальной точек зрения свойство гетерогенности литературного языка оборачивается такими характернейшими для него явлениями, как вариативные способы выражения одного и того же смысла (на этом покоится система перифразирования, без которой немыслимо подлинное владение любым естественным языком), множественность реализации системных потенций, стилистическая и ситуативная градация средств литературного языка, использование некоторых разрядов языковых единиц как средств социального символизма (ср. различия в способах прощания, предусматриваемых нормой современного русского литературного языка: от социально не маркированного до свидания до просторечного пока и жаргонных хоп и чао) и т. п.

«Наличие вариантов и гетерогенных структур в уже изученных языковых коллективах есть, разумеется, твердо установленный факт, — пишет У. Лабов. — Можно сомневаться лишь в том, существуют ли языковые коллективы иного рода». И дальше: «...гетерогенность — это не только обычный, но и естественный результат действия основных языковых факторов...; отсутствие стилевых сдвигов и многослойных систем общения является нарушением естественной жизни языкового организма» [Лабов 1975а: 114, 115].

³ См. об этом, например, в работах [Социальная и функциональная дифференциация литературных языков 1977; Типы наддиалектных форм языка 1981; Функциональная стратификация языка 1985; Литературная норма и культурная традиция 1994; Языковая норма: Типология нормализационных процессов 1996].

Норма литературного языка, обладая свойством единства и общеобязательности, не запрещает, а предполагает различные, вариативные способы речи. И с этой точки зрения вариативность — как одно из проявлений более общего свойства гетерогенности — естественное, нормальное явление в литературном языке. «Допустимость исторически обусловленных вариантов, — писал А. Едличка, — вообще не может быть подвергнута сомнению, она связана с признанием динамического характера норм, с признанием эволюционных процессов, совершающихся в литературном языке. Включение исторически обусловленных вариантов в норму должно рассматриваться как средство снять противоречие между статичной по своей сущности кодификацией и динамичной нормой, как средство отразить внутреннюю динамику нормы. Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...» [Едличка 1967: 553].

(3) Гетерогенность литературного языка проявляется не только в функциональной его поливалентности, не только в хорошей приспособленности к целям перифразирования, к стилистическому варьированию и т. п., но и в локально и социально обусловленной вариативности его: при общем и едином наборе средств литературного языка (фонетических, лексических, грамматических) и правил их использования эти средства различаются частотностью употребления их разными группами говорящих.

Поскольку это достаточно наглядно показано в ряде предшествующих наших работ (см. [РЯДМО; СЛИ; Крысин 1973, 1989а]), на этой особенности современного русского литературного языка мы останавливаться не будем. Подчеркнем лишь, что локальное и социальное варьирование литературного языка является результатом территориальной и социальной неоднородности коллектива говорящих на нем людей. Это одно из тех лингвистических следствий социолингвистического подхода к выяснению природы литературного языка, о которых мы упомянули выше.

Другое следствие — наличие в наборе средств, используемых выделенной нами совокупностью говорящих, наряду с традиционно литературными, таких, которые находятся на грани нормы и некодифицированных форм речи (диалектов или просторечия). Доля этих элементов невелика; однако важно в принципе оценить их совместимость с понятиями «норма», «литературный язык», их статус в речи носителей литературного языка.

Приведем несколько примеров.

В речи академика В. В. Виноградова наблюдалась одна фонетико-морфологическая особенность: в непринужденной обстановке, так сказать — при снятом контроле, он мог произнести *пáл[к'и]ми*, *вéт[к'и]ми* (вместо *пáл[къ]ми*, *вéт[къ]ми*), тем самым обнаруживая в своей речи следы диалектного влияния. Вместе с тем во всех остальных отношениях это был носитель образцового литературного языка, в том числе и орфоэпической его нормы.

К. И. Чуковский, родившийся в Петербурге, но с раннего детства до двадцати лет живший в Одессе, на всю жизнь сохранил в своей речи, главным образом в произношении, некоторые черты, обычно квалифицируемые как результат южнорусского (и украинского) языкового влияния. Он, например, произносил мягкий [ч] в словах типа *станция*, *порция*, говорил [ш'ч']⁴ёдрый, а не [ш']ёдрый, *ко[ш'ч']унственный*, а не *ко[ш']унственный*⁴. Был ли он носителем литературного языка? Бессспорно.

А принадлежат ли к кругу лиц, владеющих литературным языком, широко пользующийся (в нейтральной устной речи и даже в выступлениях с трибуны) диалектной сибирской лексикой В. Астафьев, знающие только [γ] фрикативное поэт А. Жигулин, журналист В. Песков и другие уроженцы южнорусских областей, ставшие писателями, учеными, общественными деятелями? Вне всяких сомнений: ведь во всех остальных отношениях их речь последовательно литературна.

Что же получается? Мы говорим о строгой нормативности литературного языка и вместе с тем признаем носителями этого языка людей, в речи которых наблюдаются факты, отклоняющиеся от нормы.

Здесь самое время поговорить об изменениях в статусе русского литературного языка — современного, в отличие, например, от русского литературного языка конца XIX — начала XX вв.

Носителями русского литературного языка до революции были образованные слои имущих классов, в основном — буржуазно-дворянская интеллигенция [Поливанов 1968б: 213]. Круг говорящих на литературном языке был сравнительно невелик; ясно, что при таком условии легче сохранялось единство нормы. После революции происходит процесс демократизации состава носителей литературного языка. Е. Д. Поливанов указывает на расширение этого состава по двум линиям — социальной («красная интеллигенция», культурные верхи рабочего класса и крестьянства) и национальной (освоение русского литературного языка представителями многочисленных национальностей нашей страны) [Поливанов 1968б: 213—214].

Новые слои населения, приобщавшиеся к литературному языку, одновременно привносили в литературный речевой оборот свои языковые навыки, которые имели корни в диалектах, просторечии, профессиональных жаргонах. Это, естественно, расшатывало традиционную литературную норму. И хотя к тридцатым годам наблюдается явная тенденция к ее стабилизации, изменения в контингенте носителей литературного языка не прошли бесследно: меняется состав средств, квалифицируемых как нормативные, меняются традиции усвоения литературного языка (раньше — преимущественно в семье, от старшего поколения к младшему, теперь,

⁴Современная орфоэпическая норма снисходительна к такому произношению лишь в случаях, когда [ш'ч'] находится на стыке морфем, а не внутри корня, как в приведенных примерах; см. [Аванесов 1984].

в новых условиях, — преимущественно через книгу, через образование; подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1; Крысин 1967]).

Перестав быть привилегией интеллигентии, литературный язык начал обслуживать слои нового общества, различающиеся по своим социальным, географическим, профессиональным характеристикам, по уровню образования и культуры. Хотя интеллигентия продолжает оставаться основным носителем литературного языка, им пользуются и культурные слои рабочего класса, и значительные по численности группы учащейся молодежи. Иначе говоря, состав носителей современного русского литературного языка и количественно, и качественно иной, чем состав литературно говорящих в начале XX в. Естественно, что неоднородность нового состава проявляется в том, как различные социальные и территориальные его группы используют литературный язык. Более того, речевая практика людей, пользующихся литературным языком, обгоняет нормативные рекомендации: в их речи могут появляться элементы, не предусмотренные ею, «запрещенные», отражающие тенденции развития современного просторечия или каких-либо иных разновидностей живой речи.

Петербургские русисты, в течение ряда лет изучавшие проблему вариирования фонетической системы русского языка, пришли к выводу, что «некоторые региональные особенности произношения являются распространенными и устойчивыми». Так, речь жителей городов, относящихся к северному региону, характеризуется в первую очередь своеобразием ударного и безударного вокализма [рецидивы оканья. — Л. К.], произношение жителей городов, расположенных на территории южнорусского наречия, — наличием устойчивых консонантных черт: [γ] вместо [г], [в] перед глухим и в конце слова, ослабленность аффрикат: *привы[ш']но*, *дево[ш']ка* и т. п. [Вербицкая и др. 1984: 79—80].

По нашим наблюдениям и по данным других исследователей, речь интеллигентии таких городов, как Ярославль, Кострома, Вологда, содержит достаточно яркие рецидивы оканья, а в произношении интеллигентов-калужан, воронежцев, тамбовцев обнаруживаются следы влияния южнорусской диалектной речи — в виде тех фонетических примет, о которых пишут петербургские ученые.

Итак, предлагая социологическую по своей природе интерпретацию понятия «литературный язык» и очерчивая, с помощью трех социальных признаков, довольно широкий круг лиц, которых следует считать носителями литературного языка, мы тем самым постулируем принципиальную гетерогенность этой подсистемы русского национального языка.

Гетерогенность имеет как социальные, так и языковые проявления; она отражается по крайней мере в трех основных формах: 1) неоднородности состава носителей — субстратная гетерогенность; 2) в варируемости языковых средств в зависимости от социальных характеристик говорящих (возраста, социальной принадлежности, профессии, уровня образования,

территориальной характеристики и др.) — социальная, или стратификационная [Лабов 1975а], гетерогенность; 3) варьируемости языковых средств в зависимости от коммуникативных и стилистических факторов — функциональная гетерогенность.

Разумеется, все эти виды варьирования средств литературного языка не следует понимать как «нормативный хаос». Напротив, каждый из видов варьирования подчиняется достаточно строгой, но динамичной норме, действующей в соответствии с общим принципом коммуникативной целесообразности использования языковых единиц.

О первой и второй формах мы уже достаточно говорили выше; кроме того, этому посвящены некоторые предыдущие наши работы (см. [РЯДМО; Крысин 1970, 1973, 1980]. Третья форма гетерогенности — функциональная — широко обсуждается в ряде работ в связи с социолингвистическим подходом к вопросам функциональной стилистики (см. [Винокур 1974; Долинин 1978; Швейцер 1976; Функциональная стратификация... 1985] и др.). Мы коснемся ее здесь лишь в связи с нашей непосредственной задачей — характеристикой литературного языка как одной из социально обусловленных подсистем русского национального языка.

Не имея целью хотя бы в малой степени отразить все многообразие точек зрения на характер функциональной дифференциации литературного языка (заметим только, что число исследований по этой проблематике чрезвычайно велико; обзор их см., например, в [Туманян 1985: 170—212]), да и не ставя себе такой задачи, укажем лишь на основные функциональные разновидности современного русского литературного языка.

Членение последнего в функционально-стилистическом отношении «ступенчато»: первое, наиболее очевидное, — это дихотомия книжно-письменного и разговорного языков. Называя это разделение литературного языка на две функциональные разновидности «самым общим и самым бесспорным», Д. Н. Шмелев писал по этому поводу: «...на всех этапах развития литературного языка, даже при преодолении так или иначе проявлявшейся отчужденности языка письменности, при потускнении ореола просто грамотности и владения особым книжным языком, у говорящих в общем никогда не исчезает ощущение различия между тем, „как можно сказать“, и тем „как следует написать“» [Шмелев 1977: 20].

Книжный язык — достижение и достояние культуры. Он основной носитель и передатчик культурной информации. Все виды непрямого, дистантного общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную литературу, деловую переписку, законодательство, газетно-журнальную продукцию и даже такие устные по форме, но в целом строго кодифицированные сферы использования литературного языка, как радио и телевидение, невозможно себе представить без книжного языка.

Современный книжно-литературный язык — это мощное средство коммуникации. В отличие от другой разновидности — разговорного литературного языка (и тем более в отличие от таких подсистем национального языка, как диалекты и просторечие), он полифункционален: он пригоден для использования в самых разных сферах общения, для разных целей и для выражения самого разнообразного содержания. Письменная форма как основная форма реализации книжного языка обуславливает еще одно важное его свойство: письмо «удлиняет время жизни каждого текста (устная традиция постепенно меняет текст); тем самым оно усиливает способность литературного языка быть связью между поколениями. Письмо стабилизирует язык, замедляет его развитие — и этим его усовершенствует: для литературного языка медленное развитие — благо» [Панов 1972: 14].

Разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако в последние десятилетия она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система — внутри общей системы литературного языка, — со своим набором единиц и правилами их сочетания друг с другом, используемая носителями литературного языка в условиях непосредственно го, заранее не подготовленного общения при неофициальных отношениях между говорящими (см. [PPP 1973: 9; PPP-Тексты 1978: 4]).

Добавим к этому, что, в отличие от книжного, разговорный литературный язык не является предметом кодификации: в нем, безусловно, действуют определенные нормы (благодаря чему, например, легко отличить устную речь носителя литературного языка от устной речи носителя диалекта или просторечия), но эти нормы сложились исторически и никем сознательно не регулируются и не закрепляются в виде каких-либо правил и рекомендаций. Тем самым кодифицированность / некодифицированность — еще один, причем весьма существенный, признак, различающий книжную и разговорную разновидности литературного языка.

Хотя взгляд на сущность и статус разговорного языка как самостоятельной системы не является общепринятым (некоторые исследователи рассматривают разговорную речь как функциональный стиль литературного языка или же просто не усматривают в этой разновидности самодостаточности — см., например, работы О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и некоторых других русистов), многочисленные описания современного русского разговорно-литературного языка, насыщенные богатейшим материалом, убедительно свидетельствуют о его своеобразии сравнительно с книжным литературным языком (см., например, [PPP 1973; Лаптева 1976; PPP-Тексты 1978; Земская и др. 1981; PPP 1983] и нек. др.).

С социолингвистической точки зрения важно подчеркнуть, что носителями и книжной, и разговорной разновидностей литературного языка являются одни и те же лица (то есть совокупность говорящих — одна и та же), хотя между ними могут наблюдаться различия в степени владения

той и другой разновидностями. Чем выше общая и речевая культура говорящего, тем естественнее сочетаются в его идиолекте обе разновидности и тем налаженное механизм переключения с одной на другую в повседневной речевой деятельности. При этом характер владения книжным языком, с одной стороны, и разговорным, с другой, различен: первый находится, так сказать, в поле социального внимания, его использование осуществляется при сознательной ориентации на норму, в то время как использование разговорного языка вне социального и нормативного контроля. Ср.: «...представление о нормах литературного языка связано главным образом с письменной формой его существования, свойства же разговорной речи... обычно попросту не замечаются говорящими» [Шмелев 1977: 7].

Следующая ступень членения литературного языка — деление каждой его разновидности, книжного и разговорного языков, на функциональные стили. По определению В. В. Виноградова, функциональный стиль — это «общественно, осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общеноародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. Коротко говоря, варианты литературного языка, обусловленные различными сферами общения, и есть функциональные стили.

Традиционно принято выделять в современном русском книжном литературном языке такие функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический; кроме того, иногда выделяют еще производственно-технический стиль, а в последнее время высказана мысль о необходимости дополнить функционально-стилистическую парадигму литературного языка религиозно-проповедническим стилем (см. об этом [Крысин 1996б; Шмелев 1999; Крылова 2000]).

Представляется, однако, что по крайней мере одна из единиц этого членения — научный стиль — слабо отражает специфику языка науки в современных условиях. Ведь стиль — это, скорее, манера, способ использования определенных средств, нежели сами эти средства. Язык же современной науки весьма специфичен не только по характеру использования средств литературного языка, но и по самому их набору: достаточно указать на системы специальных терминов, обслуживающие различные отрасли знания и техники и насчитывающие каждое от нескольких десятков тысяч до нескольких миллионов терминов (ср., например, терминологию современной химии). Кроме того, язык науки отличается от общелитературного языка и по активно используемым моделям образования слов и терминов, и по набору синтаксических конструкций, и, наконец, по способам организации всех этих средств в тексте (что и составляет собственно научный стиль).

Учитывая столь разноаспектные отличия языка науки от общелитературного языка, иногда говорят о подъязыках различных отраслей знания и техники: подъязыке электроники, подъязыке математики, подъязыке атомной физики, подъязыке медицины (или каких-либо ее отраслей) и т. п.

Так же, как и книжный литературный язык в целом, специальные подъязыки представляют собой строго кодифицированные системы (степень кодификации здесь даже выше, чем в собственно литературном языке, поскольку создание терминологий в различных отраслях целиком находится под контролем специалистов, а не происходит спонтанно).

Помимо специальных подъязыков, в сфере науки и техники обращаются профессиональные жаргоны, у которых со специальными подъязыками примерно те же отношения, в каких разговорная литературная речь находится с книжной: профессиональные жаргоны используются исключительно в устном виде коммуникации, при непринужденном общении людей одной профессии на специальные темы; в официальных ситуациях, связанных как с письменным, так и с устным — ср. научные доклады, симпозиумы и т. п. — видами общения, используется специальный подъязык. Подобно разговорной речи, профессиональные жаргоны не являются объектом кодификации. Люди, владеющие профессиональным жargonом, диглоссы: кроме жаргона они владеют и специальным подъязыком.

Разговорный язык не членится столь же определенно на функциональные стили, что вполне понятно: книжный язык сознательно культивируется, общество в целом и различные его группы и институты заинтересованы в функциональной гибкости книжного языка (без этого невозможно эффективное развитие таких сфер общественной жизни, как наука, делопроизводство, массовая коммуникация и др.); разговорный же язык развивается спонтанно, без направляющих усилий со стороны общества. Однако и здесь можно наблюдать некоторые различия, определяемые (а) сферой применения разговорного языка, (б) коммуникативными целями речи, (в) социальными характеристиками говорящего и слушающего и психологическими отношениями между ними, а также некоторыми другими переменными⁵.

Так, различаются семейные разговоры — и диалоги сослуживцев, разговор с ребенком — и общение взрослых, речевые акты осуждения или упрека — и речевые акты просьбы или увещевания и т. д.

Функциональные стили членятся на речевые жанры. Речевой жанр представляет собой совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), обладающую, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими данный жанр от остальных, а с другой — определенной общностью, которая обусловлена принадлежностью некоторой группы жанров одному функциональному стилю⁵.

⁵*Ряд текстов может принадлежать к одному речевому жанру, т. е. может объединяться одинаковыми принципами использования стилистических средств языка.

Так, в пределах научного стиля выделяются такие речевые жанры, как статья, монография, учебник, рецензия, обзор, аннотация, реферат, научный комментарий текста, лекция, доклад на специальную тему и нек. др. Официально-деловой стиль реализуется в текстах таких речевых жанров, как закон, постановление, указ, резолюция, дипломатическая нота, коммюнике, различные виды юридической документации: протокол допроса, обвинительное заключение, акт экспертизы, кассационная жалоба и нек. др.; широкое распространение имеют такие жанры официально-делового стиля, как заявление, справка, объяснительная записка, отчет, объявление и т.п. Публицистический стиль имеет такие речевые жанры, как передовая статья в газете, корреспонденция, очерк, репортаж, обзор на международные темы, интервью, спортивный комментарий, выступление на собрании и т.п.

В функционально-стилистических разновидностях разговорного языка речевые жанры не столь четко противопоставляются друг другу, как речевые жанры языка книжного. «В отличие от кодифицированного языка, где границы между жанрами строго определены, в разговорной речи эти границы размыты, и один жанр естественно перетекает в другой. Это вполне объяснимо спонтанным характером устной речи» [PPP-Тексты 1978: 12].

Кроме того, жанрово-стилистическое многообразие разговорной речи еще недостаточно изучено. Имеющиеся же в этой области результаты позволяют выделять такие речевые жанры разговорного языка: по числу говорящих и характеру их участия в общении выделяют рассказ, диалог и полилог [там же: 13], по целевой направленности, характеру ситуации и социальным ролям участников общения можно выделить такие разновидности, как семейный разговор за обеденным столом, диалог сослуживцев (а) на бытовые и (б) на профессиональные темы, выговор взрослого ребенка, разговор человека с животным (например, с собакой); так называемое одностороннее общение, обнаруживающее, однако, все характерные черты разговорного языка; см. об этом [Ермакова 1988]), перебранка, разнообразные жанры речевой инвективы (см. [Жельвис 1992, 1997] и нек. др.).

В последние годы обострился интерес к изучению речевых жанров современного русского языка, в том числе и таких, которые ранее не были объектом исследовательского внимания: рекламы, торговых зазывов, выступлений на митинге, телевизионного интервью, парламентских и телевизионных дебатов, исповеди, анекдота, частного письма, флирта и др. (см. об этом [Баранов, Казакевич 1991; Китайгородская, Розанова 1996; Голанова 1996; Земская 1996а, 1996б; Жанры речи 1997, 1999, 2002]).

ка» [Панов 1962: 97]; см. здесь же выделение речевых жанров, изучение которых особенно важно для выявления внешних (т.е. социальных) и внутренних закономерностей в развитии русского языка XX в.

Особо выделяются стереотипные коммуникативные ситуации: разговор покупателя с продавцом, пассажира с кондуктором, парикмахера с клиентом и т.п., — которые содержат значительное число клишированных оборотов (см. раздел «Стереотипы» в [PPP-Тексты 1978]).

Заключая общую характеристику русского литературного языка как одной из подсистем языка национального, подчеркнем, что, как ни многообразен литературный язык в функционально-стилистическом отношении, от других подсистем современного русского национального языка он отличается рядом присущих ему в целом лингвистических свойств, которые необходимо перечислить:

- 1) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов (которые есть на каждом этапе развития литературного языка);
- 2) коммуникативная целесообразность нормы (это свойство естественным образом вытекает из членения литературного языка на функциональные стили и речевые жанры);
- 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации, в связи с этим;
- 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменяемость: норма должна отставать от развития живой речи (ср. известный афоризм А. М. Пешковского: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»).

В социальном и коммуникативном отношениях одним из важнейших свойств литературного языка является его высокая социальная престижность: будучи компонентом культуры, литературный язык представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какою-либо другой. («Ориентация» в данном случае означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его более высокого социального престижа по сравнению с престижем территориальных диалектов, просторечия, социальных и профессиональных жаргонов.)

Территориальные диалекты

В этом разделе мы, разумеется, не собираемся давать обзор диалектологических исследований, посвященных состоянию и развитию современных русских говоров. Так же, как и в предыдущем параграфе, нас будут интересовать два вопроса: о составе носителей данной подсистемы (точнее —

подсистем, поскольку речь будет идти не об одном территориальном диалекте, а о разных, о диалекте как форме существования национального языка) и о ее языковой специфике на современном этапе развития.

Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели о социальном, членении языка. Однако территориальная локализованность — лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка; одновременно это и социальная языковая разновидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях это крестьяне⁶ старшего поколения⁶.

Вопрос о круге носителей современной диалектий речи заслуживает более подробного обсуждения. Он тесно связан с вопросом о характере современного говора, происходящих в нем процессов, меняющих его лицо.

Исследователи современных русских говоров единодушно признают, что более или менее чистый диалект сохраняется у сельских жителей старшего поколения, в основном у женщин, не связанных с современными, в значительной степени индустриализованными, формами ведения хозяйства. Остальные слои и группы сельского населения в той или иной степени подвержены влиянию других языковых подсистем, прежде всего литературного языка, а также просторечия и профессиональных жаргонов.

Отмечая гетерогенный характер современного говора, Р. И. Аванесов на основании исследований, проведенных в 30—40-х годах XX в., выделял два основных типа диалектий речи: «язык той части населения, которая не испытала заметного воздействия общенационального языка или испытала его в наименьшей степени», говор «передовых сельских кругов — молодежи, комсомольцев, активистов, местной интеллигенции, — который более или менее приближается к нормам общенационального языка», и ряд переходных, промежуточных типов, «границы которых зыбки и трудно поддаются определению» [Аванесов 1949: 27]; см. также [Русская диалектология 1964: 23], где выделяются «традиционный тип говора» (носители — старшее поколение крестьян, преимущественно женщины), «говор передовых сельских кругов» (носители — молодежь, колхозные активисты, местная интеллигенция) и переходные формы.

В ряде работ, появившихся в более позднее время (см., например, [Баранникова 1967; Коготкова 1970; Орлов 1969а; Соколова 1971] и др.), наблюдения Р. И. Аванесова подкрепляются множеством новых данных, свидетельствующих о все большем сужении круга носителей «чистого»

⁶ Ср.: «...современные территориальные диалекты в социальном отношении ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьянства» [Русская диалектология 1964: 20]. В. М. Жирмунский подчеркивал, «что традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является минимум, что всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной» [Жирмунский 1969: 23].

говора и об увеличивающемся многообразии смешанных форм диалектной речи.

Влияние литературного языка и других языковых подсистем особенно заметно в речи молодого и среднего поколений, представители которых воспринимают литературную речь через образование в школе и в специальных учебных заведениях (ПТУ, курсы механизаторов, шоферов и т. п.), через общение с приезжающими из города в село специалистами.

Узкий (и все более суживающийся) состав носителей диалекта сказывается и на характере его функционирования. Обычно говорят, что сфера употребления диалекта — устные формы общения. Однако для современного состояния диалектных систем такое указание недостаточно. Функции более или менее чистого диалекта постоянно уменьшаются, и сейчас наиболее типичными сферами его использования являются семья и разного рода ситуации неофициального, непринужденного общения односельчан друг с другом. Такие же формы устной коммуникации, как, например, выступление на собрании, обсуждение производственных вопросов, речевые контакты с посторонними (например, с приезжими) и т. п., обслуживаются смешанными типами речи, в которых диалект осложнен разного рода иносистемными элементами — словами и синтаксическими конструкциями литературного языка, городского просторечия (так называемая «полудиалектизированная речь»; см. [Баранникова 1967; Коготкова 1970; Орлов 1969а]). А. С. Герд ввел в научный оборот термин «региолект», под которым он имеет в виду «особый переходный тип между диалектом, наречием, с одной стороны, и просторечием, жаргоном, с другой стороны... Региолект охватывает ареал ряда смежных диалектов, но ярче всего он представлен в городах и поселках городского типа» [Герд 1998: 21, 20].

Это означает, что речь жителей современной деревни, во-первых, расслоена социально, и, во-вторых, имеет ситуативную, обусловленность; иначе говоря, она отличается свойствами, которые традиционно считаются специфическими для литературного языка. Социальная и ситуативная неоднородность современного диалекта — следствие происходящих в нем изменений, совершающихся под мощным влиянием литературного языка, а также следствие значительных социально-экономических преобразований в деревне, в нынешних условиях ведущих к утрате деревенским хозяйством экономической самостоятельности, к его зависимости от города и его экономики. Отсюда — более тесные, чем раньше, контакты с городским населением, которое в массе своей является носителем литературного языка или носителем просторечия.

В основе социальной дифференциации современного говора, писал Л. М. Орлов, «лежит уровень образования говорящих, их возраст, профессия (квалификация), а главное — их отношение к общественному производству, характер участия в нем, степень активности в коллективно-трудовой, общественно-политической и культурной жизни» [Орлов 1968: 159].

Вследствие процессов смешения «разнородные элементы соединившихся в говоре языковых систем неодинаково реализуются в речи местного населения. Разные представители одного коллектива, одного села, как и одной семьи, говорят по-разному» [Орлов 1969б, т. 1: 86]. Исследователь выделял в современном говоре три типа речи: тип Д, содержащий «все сохранившиеся черты территориального диалекта-основы», тип Л, близкий к литературному языку, и тип С, в котором «в наиболее полном виде обнаруживается соединение элементов диалекта и литературного языка» [Орлов 1968: 156–158]. Владеющие типом С — самая многочисленная по составу группа; типы Д и Л «обслуживают ограниченные группы местного населения». Носители типа Д — «старшее поколение (крестьян), ограниченно грамотное и общественно не активное», носители типа С — «основная масса производственников, среднеграмотных, активно участвующих в трудовой и общественной жизни села», носители типа Л — «местная интеллигенция и передовая в культурном отношении часть населения» села [Орлов 1969б, т. 1: 13]; на социальное расслоение современных говоров — на материале уральских диалектов — указывает также А. Н. Соколова; см. [Соколова 1971].

Следует заметить также, что при постоянном воздействии на жителя современной деревни радио- и телеречи, языка печати во всем их жанровом многообразии у него создается некоторое представление о функционально-стилистических вариантах языка, о прикрепленности тех или иных форм речи к определенным ситуациям общения. И хотя это представление не перерастает в активный навык — носитель диалекта не может строить свою речь в повседневной практической деятельности в соответствии с нормами функционально-стилистических разновидностей литературного языка, — оно оказывает известное влияние на речевое поведение сельского жителя в разнообразных коммуникативных ситуациях.

«...В говоре, — писал А. М. Орлов, — заметно выделяются средства выражения (слова и формы, фразеологические обороты, конструкции предложений, варианты произношения и ударения), которые постоянно или преимущественно употребляются в данных ситуациях, при одних (коммуникативных) заданиях и не используются в иных условиях» [Орлов 1969б, т. 1: 196], что служит основанием для выделения функционально-стилистических разновидностей диалектной речи⁷.

⁷Хотя А. М. Орлов считал эти разновидности принципиально теми же, что и в литературном языке (он выделял в изученных им волжских и донских говорах обиходно-разговорный стиль, профессионально-технический, официально-деловой, публицистический и народно-поэтический; см. [Орлов 1969б, т. 1: 197 и сл.]), правомернее говорить всё же об элементах таких стилей, о подобии и стилистического членения говора стилистической дифференциации литературного языка (этот вывод, кстати говоря, прямо вытекает из проанализированного автором диалектного материала), а не о полном их тождестве. Как бы ни менялся совре-

В арсенале речевых средств, которыми пользуются жители современной деревни, диалектологи отмечают элементы публичного стиля, которые проявляются в ситуациях собраний, совещаний и т. п., официально-деловой речи, а в области словоупотребления — общественно-политическую и производственно-техническую терминологию (см. [Баранникова 1967; Освецкий 1968; Орлов 1969б]).

Конечно, диалект с такими «ингредиентами» представляет собой уже смешанное образование, отличающееся от чистого диалекта. Такого рода смешанные образования чрезвычайно характерны для диалектологической карты современной России. Это свидетельствует о том, что литературный язык в своем влиянии на диалекты не только нивелирует их своеобразие, но и оказывает более глубокое воздействие на систему диалектных выразительных средств, расслаивая их в зависимости от ситуативно-коммуникативных функций и обогащая эти средства «недостающими» стилистическими компонентами. Можно сказать, что уменьшение социальной и коммуникативной роли современных территориальных диалектов сопровождается качественной их перестройкой. Перестраивается не только сама система диалекта, типичные для нее модели и т. п. [Баранникова 1967: 75], но и лежащие в основе этой системы принципы и закономерности. Так, подобно литературному языку, диалект во все большей мере начинает характеризоваться тенденцией к преодолению нефункциональных различий между единицами, к их социальному, функционально-стилистическому и ситуативному разграничению. Эта черта присуща именно современному этапу развития диалектов; в прошлом они характеризовались как раз отсутствием такой тенденции, наличием многочисленных функционально не разграниченных дублетов как в области лексики и словообразования, так и в области синтаксических средств.

Получается определенное противоречие между тем социально-коммуникативным статусом, который имеют местные говоры, и их современной структурой: с одной стороны, ими владеет всё меньшее число людей, они играют всё меньшую роль как средство общения, а с другой — они усложняются и структурно, и функционально. Изменения, ведущие к преобразованию диалекта в полудиалект, — это не только процессы смешения диалектной речи с литературной и просторечной, но и формирование таких отношений между компонентами системы, которые отсутствуют в «чистом» диалекте, в частности, отношений функциональной дополнительности.

Еще одной, существенной в социолингвистическом отношении особенностью современного функционирования диалектов является определенная специфика языкового сознания их носителей: отношение к диалекту менный говор под влиянием литературного языка, между ними остается коренное различие: нормы литературного языка, в том числе и стилистические, постоянно культивируются, «опекаются» обществом, а нормы диалектной речи стихийны и никакой кодификации не подлежат.

как единственному и естественному средству общения замещается у большинства говорящих на диалекте отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой его как более престижной коммуникативной системы, а своего говора — как системы социально и функционально ущербной. Ср.: «...в самосознании носителей диалекта их собственная речь воспринимается „вторым сортом“ по сравнению с „городской“ речью: „Мы серо говорим“ и т. п.» [Булатова и др. 1975: 37]; «Как показывают наши наблюдения, теперешний житель деревни признает образцовым для себя уже литературное словоупотребление. Поэтому для состояния языкового сознания его весьма показателен факт постоянного сравнения своего, местного словоупотребления с возможным для данной речевой ситуации словоупотреблением литературным...». В присутствии постороннего, городского наблюдателя «один деревенский собеседник поправляет другого, указывая при этом, как надо, как правильно, как „культурно“ говорить» [Коготкова 1970: 115]. Немалую роль в таком самоуничижении сыграла советская школа, в которой преподавание русского языка велось (и ведется до сих пор) с исключительной ориентацией на литературный язык при одновременном третировании диалектной речи как неграмотной, при полном пренебрежении к культурной ценности диалектов и к их роли как в истории национального русского языка, так и в процессе пополнения литературной речи новыми выразительными средствами (подробнее см. об этом в работе [Касаткин 1999, гл. 1]).

Итак, состояние современных местных диалектов характеризуется рядом особенностей, присущих как самой диалектной системе, ее социальной базе, ее функционированию, так и языковому сознанию носителей диалекта:

- 1) социальная и возрастная ограниченность круга носителей «чистого» диалекта;
- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;
- 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектических систем;
- 4) социальное и ситуативно-стилистическое варьирование диалектных средств;
- 5) негативная оценка носителями диалекта их собственной речи и соизнательная ориентация на литературную норму.

Просторечие

Просторечие — наиболее своеобразная подсистема русского национального языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких прямых аналогов нет⁸.

Не вдаваясь здесь в детальное сопоставление русского просторечия с близкими (по их функциональным свойствам) подсистемами других национальных языков (это сделано в работе [Крысин 1989а, гл. II]), укажем на неоднозначное понимание самого термина «просторечие» в лингвистической литературе.

«Проблема просторечия до сего времени остается малоисследованной», — писал Д. Н. Шмелев в предисловии к сборнику «Городское просторечие». Д. Н. Шмелев указывал на нечеткость понятия «просторечие», на многозначность самого этого термина: «...с одной стороны, просторечием называют совокупность стилистических средств сниженней экспрессии, с другой — имманентно нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами литературного языка. Дело усложняется еще и тем, что в исследованиях по истории русского языка существует и своя традиция употребления этого термина, под которым понимается живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературной стихии с заметным церковнославянским компонентом, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности. Ввиду уже этих обстоятельств понятна настоятельная потребность в четком определении статуса и места в структуре современного русского языка такого явления, как просторечие» [Городское просторечие 1984: 3].

В цитируемой работе просторечие понимается как «ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка» [там же: 5].

В этом определении, которое, по-видимому, не претендует на строгость, не очерчен круг носителей просторечия (заметим, что литературно ненормированной может быть и речь тех горожан, которые пользуются социальными жаргонами). Кроме того, бросается в глаза «дифференциальность» указанного определения: просторечие описывается в сравнении и с литературным языком, в противопоставлении последнему, его же собственные структурные и функциональные свойства в определении не фигурируют.

⁸Отмечая, что понятие «просторечие» отсутствует в германистике и романистике, В. Д. Девкин приводит примеры более или менее удачных переводов этого понятия на немецкий язык (см. [Девкин 1984: 17]). С. А. Миронов указывает на то, что, хотя термин «просторечие» иногда используется в германистике, он не является синонимом терминов «полудиалект» и «обычно-разговорный язык» [Миронов 1981: 82].

Между тем вопрос о носителях современного просторечия едва ли не самый сложный в общей проблеме изучения городской речи. Выявление специфических свойств этой подсистемы современного русского языка может осуществляться как в сопоставлении ее с другими подсистемами, в частности с литературным языком, так и без подобного сопоставления, «изнутри» (что, кстати говоря, и сделано в ряде статей названного сборника).

Традиционно под просторечием как социально обусловленной подсистемой национального языка понимают «речь определенных социальных кругов носителей языка», речь «простых людей», не владеющих нормами литературного языка [Баранникова 1977: 60]; «...носители городского просторечия — это горожане по рождению или лица, долго живущие в городе, но не владеющие совсем или не овладевшие полностью литературными языковыми нормами» [Земская и др. 1981: 23]. Опираясь на современные социологические разработки, касающиеся изменений в социальном составе российского общества, петербургская исследовательница В. Д. Черняк отмечает весьма характерное явление — формирование «маргинального типа личности городского жителя, лишь частично порвавшего с деревней». Те, кто не получили образования, в зависимости от индивидуальных социальных ориентаций, от того, насколько прочными и регулярными оставались связи с деревней, представляли в своей речи пестрый сплав сугубо диалектных черт и специфических, социально престижных языковых элементов, характерных для горожан» [Черняк 1994: 115]. Этот промежуточный социальный слой полуобразованных носителей языка в качестве средства общения использует просторечие.

Просторечие реализуется исключительно в устной форме; при этом, естественно, оно может получать отражение в художественной литературе и в частной переписке лиц — носителей просторечия (см. об этом [Земская 1996а]). Наиболее типичные места реализации просторечия: семья (общение внутри семьи и с родственниками), «посиделки» во дворе коммунальных домов, суд (свидетельские показания, прием у судьи), кабинет врача (рассказ пациента о болезни) и немногие другие. В целом сфера функционирования просторечия весьма узка и вполне сопоставима с функциональными сферами местных говоров⁹.

Отмечая наддиалектность и территориальную неприкрепленность как важнейшие отличительные признаки просторечия, исследователи указывают на большую неоднородность просторечия и по составу носителей, и в

⁹ Л. И. Баранникова считает, что просторечие функционально более ограниченно, чем диалектная речь [Баранникова 1974: 10–11]. Не располагая точными данными о коммуникативных формах, в которых существует современное русское просторечие, трудно судить, насколько верно это мнение. Важно, однако, как кажется, не преумножать роль просторечия (особенно «молодой» его разновидности — просторечия-1), которое, несмотря на значительные изменения в его социальной базе, функционально еще достаточно активно.

собственно лингвистическом отношении: «Носители просторечия представляют более резкие различия с точки зрения тех факторов, которые формируют язык, чем носители литературного языка и диалектов» [Земская, Китайгородская 1984: 67], — имеются в виду следующие факторы: место, где прошло детство, уровень образования, профессия, образ жизни, регулярность общения с носителями литературного языка и нек. др. Многие коренные жители города, несмотря на низкий образовательный уровень, овладели литературным языком, поэтому «носители просторечия — коренные жители больших городов в настоящее время представляют собой малочисленную группу лиц» [там же: 68].

Указывая на такие черты просторечия, как его аномативность, непрестижность, стихийность его функционирования (в отличие от таких кодифицированных сфер, как литературный язык), «моноглоссность» носителей просторечия, их неспособность варьировать свою речь в зависимости от характера ситуации, цели и адресата, исследователи особое внимание обращают на собственно лингвистическую «разношерстость» этой подсистемы русского языка: в ней существуют элементы, пришедшие из территориальных диалектов, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка и многое другое. Немецкая исследовательница З. Кёстер-Тома предлагает следующую интерпретацию самого термина «просторечие», делая акцент на несоответствии просторечного узуса нормам литературного языка и считая это несоответствие определяющим признаком просторечия: «Просторечие является социально обусловленной некодифицированной разновидностью русского этноязыка и представляет собой конгломерат различных языковых явлений — широко распространенных несоответствий нормам литературного языка — на всех языковых уровнях».

Просторечие не является особой лингвистической формацией. Оно обладает, однако, специфическим узусом функционирования языковых единиц, выявление своеобразия которых происходит контрастию к литературному языку — стандарту» [Кёстер-Тома 1996: 51].

Еще одной — и при этом немаловажной — осью неоднородности просторечия¹⁰ является его временная гетерогенность: в нем достаточно отчетливо выделяются два пласта — пласт старых, традиционных средств и пласт сравнительно новых коммуникативных средств.

¹⁰ В прошлом неоднородность просторечия была еще больше, главным образом благодаря тому, что сохранялись более тесные связи его с местными диалектами, а также из-за социальной неоднородности лиц, владевших просторечием. Недаром, говоря о просторечии XVIII—XIX вв., исследователи выделяют дворянское, мещанское, купеческое и другие виды просторечия; см. об этом, например, [Виноградов 1982; Баранникова 1974]. В. В. Виноградов при этом отмечал «социальную разнородность и даже враждебность [друг другу] разных стилей просторечия» [Виноградов 1982: 232].

Например, в области просторечной лексики, с одной стороны, обращают на себя внимание единицы типа *пушай*, *страмить*, *ндравиться*, *ейний*, *скидавать* и под., обнаруживающие близость с соответствующими диалектными фактами, а с другой — слова и обороты типа *поправиться* (= ‘прибавить в весе’), *оформить брак*, *организовать закуску* [Капанадзе 1984: 129], *деловой* (*Ишь ты, деловая какая!* *Сама прошла бы* [в троллейбусе]), *будь здоров* (*Девка тоже будь здоров*), *костили* в значении ‘ноги’ [Ермакова 1984: 131, 133, 136] и т. п., явно не диалектного происхождения. В связи с такого рода различиями делаются попытки «выделить среди носителей просторечия две возрастные группы, различающиеся по употреблению» тех или иных средств: до 60 лет и после. «В речи старшей возрастной группы встречаются некоторые слова, характерные для так называемого старого просторечия: *туды*, *отследова*, *охальник*, *хворый*, *кликатъ*, *дух* (в значении ‘запах’)… Эта категория людей, как правило, не употребляет современную просторечную фразеологию, очень характерную для речи молодежи и людей среднего поколения. Речь более молодых носителей просторечия сближается с современным молодежным жаргоном и не всегда отличается в употреблении некоторых фразеологизмов от речи носителей литературного языка: *рога обломать*, *выпастъ в осадок*, *вешать кому-то лапшу на уши* (‘обманывать кого-то’) и т. п. [Ермакова 1984: 139—140]; см. также [Винокур 1980: 212—213].

Таким образом, выделяются два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полуdialectом (в работе [Крысин 1989а] мы обозначили эту разновидность как просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (просторечие-2).

Возрастная дифференциация носителей просторечия дополняется различиями по полу: владеющие просторечием-1 — это преимущественно пожилые женщины, а среди пользующихся просторечием-2 значительный (если не преобладающий) процент составляют мужчины¹¹.

¹¹ В языковом сознании носителей литературного языка эти две разновидности просторечия, по-видимому, не расчленены ни социально, ни лингвистически (в то время как, скажем, просторечие и жаргон обычный носитель литературного языка — не лингвист — может различать). Ср., например, удачную имитацию просторечной манеры говорить в рассказе М. Роцина «Синдром Сушкина». [Дело происходит в больнице]: «А подвешенный-то, который за ногу-то, опять жрет, ну, рожа несытая; гибимот, куда в его влезит! Ему вчера баба, дрянь, полну сумку притаранила... — все сожрал, хромоножина!.. Во, у их обход... а наши не чешутся, кофий молют, интеллигенты щипаные, кровососы». Хотя в целом это просторечие-1: *вчера*, *полну сумку*, *у их*, *в его* (вместо *у них*, *в него*), *гибимот*, *кофий*, *молют*, — в нем есть бесспорные вкрапления более молодого просторечия-2 (ср. *не чешутся*, а также полуярконое *притаранила*); вложена же эта речь в уста сорокалетнего повара, т. е. человека относительно молодого.

Опираясь на опубликованные работы, описывающие современное русское просторечие, и на собственные наблюдения, укажем наиболее характерные языковые признаки каждой из этих двух разновидностей просторечия.

Просторечие-1 отличается специфическими чертами на всех уровнях — фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, а носители просторечия-1 характеризуются, кроме того, некоторыми паралингвистическими особенностями в их речевом поведении: оберучная жестикация, в среднем большая, чем у носителей литературного языка, громкость речи и др.

Заслуживают изучения также особенности речевого этикета, свойственные носителям просторечия-1. Ср., например, отвергаемое культурной средой использование местоимений *з* л. ед. ч. по отношению к человеку, участвующему в речевом акте и присутствующему при нем¹²; употребление апеллятивов типа *уважаемый* без добавления определяемого существительного (*Уважаемый, как пройти к ГУМу?*), *эй* и др.

В области фонетики¹³ специфика просторечия-1 заключается не в наборе фонем — в основном он тот же, что и в литературном языке¹⁴, а в их речевой реализации и особенно в их сочетаемости друг с другом. В частности, обращают на себя внимание следующие явления:

- устранение так называемого зияния путем вставки между двумя соседними гласными [j] или [v]: [n'иjan'ина] (*пианино*), [kакава] (*какао*), [рад'ива] (*радио*) и под.;
- стяжение гласных (это явление свойственно и разговорной разновидности литературного языка, однако в просторечии-1 оно представлено гораздо более широко и последовательно): [pr'ibr'ila] (*приобрела*), [n'ukavo] (*ни у кого*), [закном] (*за окном*), [афродом] (*афродом*) и под.;

¹² Впрочем, это утверждение не абсолютно, оно имеет исключения. Так, при определенном социальном статусе человека или же при некоторых его физических и психических состояниях носители литературного языка допускают в своей речи местоимения *он*, *она* в присутствии этого человека. Ср., например, ситуацию беседы с иностранцем, не знающим или плохо знающим русский язык: русские, участвующие в такой беседе, могут употреблять местоимение *он* между собой, комментируя высказывания или поведение иностранца. Врач в присутствии больного часто говорит о нем в третьем лице (— *Вы ему пенициллин уже делали?* — может сказать он, сидя у постели больного и обращаясь к медсестре). О маленьких детях, немощных стариках, людях, находящихся в состоянии сильного опьянения, психически неполноценных также нередко говорят *он*, *она*, и такое словоупотребление не вызывает явного или скрытого осуждения со стороны окружающих — носителей литературного языка.

¹³ Фонетические особенности просторечия-1 излагаются в основном по работам [Аванесов 1984; Розанова 1984], с некоторыми дополнениями в иллюстративной части.

¹⁴ Ср. с территориальными диалектами, где немало специфики также и в наборе фонем: ср., например, такие фонемы, как {ч} твердое, {ձ՝} {՛շ} и др.

- ассимиляция гласных соседних слогов: [карас'ин] (керосин), [н'ир'им'ида] (пирамида), [в'ил'идол] (валидол) и под.;
- упрощение групп согласных путем вставки гласного: [жыз'ин'] (жизнь), [руб'ел'] (фубль), [съмарод'ина] (смородина) и под.;
- упрощение слоговой структуры слов, в особенности иноязычных: [в'ит'инар] (ветеринар), [мътелефон] (магнитофон), [м'ин'истратбр] (администратор) и под.;
- отсечение части консонантных сочетаний в финалах слов: [инфарк] (инфаркт), [сп'иктак] (спектакль), [нъпачтам'е] (на почтамте) и под.;
- диссимилияция согласных по месту и способу образования: [къл'идор] (коридор), [съкл'итар] (секретарь), [транваи] (трамвай), [кън'икорм] (комбикорм) и под.;
- ассимиляция согласных по месту и способу образования, главным образом в окончаниях глагольных форм 2 л. ед. ч., сопровождающаяся межслоговой ассимиляцией гласных: [баис'и] (боишься), [воз'ис'и] (возишься), [кат'ис'и] (катишься) и под.;
- сохранение некоторых типов ассимилятивного смягчения согласных, для современного литературного языка являющихся ненормативными: *ко[н'ф]юта*, *ко[н'в']ерт*, *о[т'в']етить*, *ла[п'к']и*, *ка[р'т']ина* и под.

В области морфологии и словообразования просторечие-1 отличается такими особенностями (см. [Земская, Китайгородская 1984]):

- для морфемной и морфонологической структуры слова при его изменении по падежам или лицам чрезвычайно характерно аналогическое выравнивание основ: *рот* — *в роту* (*в роте*), *ротом*; *хочу* — *хочем*, *хотете*, *хотят* или же *хотим*, *хотите*, *хотят* — *хотишь*, *хотит*; *пеку* — *пекеш*, *пекет*, *пекем*; *ездить* — *ездино*, *ездишь*, *ездим*, *ездигут*; *требовать* — *требоваю*, *требовашь*, *требует* и т. п.;
- иная, чем в литературном языке, родовая отнесенность некоторых существительных: *густая повида*, *свежая мяса*, *кислый яблок*, *этот попотенец* или иной тип склонения: *церква*, *простынь*, *мысля*, *болезня* и т. п.;
- меньшая, чем в литературном языке, лексическая обусловленность форм местного падежа на *-у* у существительных мужского рода с основой на твердый согласный: *на газу*, *в складу*, *на пляжу* и под., форм родительного партитивного (*дождю*, *хлебу*), форм именительного множественного: *торта*, *шофера*, *инженера* и под., в том числе от ряда существительных женского рода: *площадя*, *очередя*, *матеря*, *скатертия*, *местностя* и др.;

- смешение форм родительного и дательного падежей у существительных женского рода: *у сестре* — *к сестры*, *от маме* — *к мамы* и под.;
- флексия *-ов(-ев)* в родительном падеже множественного числа у существительных среднего и мужского рода: *делов*, *местов*, *от соседев*, *пять рублей* и под.;
- склонение несклоняемых иноязычных существительных: *без пальта*, *ехать на метре*, *шли из кина*, *две бутылки систра* и под.;
- тенденция к «прозрачности» словообразовательной структуры слова: *об-вернуть*, *об-городить*, *об-дурачить* и под. (ср. литературные *обернуть*, *огородить*, *одурачить*);
- взаимовлияние различных словообразовательных моделей, результатом чего являются окказиональные образования типа: *мозговатый* (вместо более употребительного *мозговитый*), *хлебница* в значении ‘продавщица хлебного отдела’ (*А у Шуры-то недостача была тридцать рублей, мне хлебница рассказывала*), *поддобрить* в значении ‘поощрить’: *Правильно, надо его поддобрить, а то мы их всё ругаем* (в ситуации, когда мать хвалит за что-то шестилетнего сына; реплика принадлежит посторонней пожилой женщине, слышащей похвалу), или иная, по сравнению с литературным языком, словообразовательная структура слова в его финальной (суффикс + флексия) части: *чувствие* (*упал без чувствиев*), *наследствие* (*Говорят, эта болезня по наследству передается*), *учительша*, *хулиганничать* и под.

Особенно своеобразным в фонетико-морфологическом и словообразовательном отношении является функционирование в просторечии-1 иноязычной лексики: оно сопровождается ложной этимологией, упрощением морфемной и слоговой структуры слова, явлениями метатезы и гаплоглии и т. п.: ср. факты типа *куператив* (*кооператив*), *полуклиника*, *флан* вместо *плафон*, *лизарюция* (*резюляция*), *саши* (*шоссе*) и под., отмеченные в [Журавлев 1984].

В области лексики и лексической семантики характерным является наличие довольно значительного числа слов, преимущественно для обозначения обиходно-бытовых реалий и действий, отсутствующих в литературном языке. Исследователи относят сюда слова типа *серчать*, *пущай*, *черед* (очередь), *акурат* (точно), *шибко*, *намедни*, *шитво*, *харчи*, *давеча* и под. [Капанадзе 1984: 125], многие из которых исторически являются диалектизмами. С другой стороны, в просторечии-1 отсутствуют многие разряды отвлеченной лексики, описывающей абстрактные понятия и отношения. Помимо этого, достаточно очевидного, внешнего своеобразия просторечие-1 отличается рядом специфических признаков в использовании лексики. Например:

- иное, чем в литературном языке, осмысление слова: *гулять* в значении 'праздновать' и 'иметь интимные отношения' (*Она два месяца с ним гуляла*); *уважать* в значении 'любить' (о пище): *Я осуфры не уважаю; завесить* в значении 'взвесить'; *признать* в значении 'узнать' (*А я тебя и не признала, думала, кто чужой*); *цвет* в значении 'цветок' [Городское просторечие 1984: 127–128, 131]; *разнос* в значении 'поднос'; *обставиться* 'обзавестись мебелью'; *чумовой* в функции бранного эпитета 'сумасшедший, взбалмошный и т. п.' (*Вот чумовой! Куда побег-то?*); *взйти* в значении 'войти' (ср. в реплике просторечного персонажа: «*Соседка не взойдет [в квартиру], ключи другие.*» (Л. Петрушевская. Лестничная клетка)); *кого* вместо *что* в функции вопросительного местоимения: —*Ты будешь обедать? — Кого?; — Кого ты говоришь?* и т. п.;
- размытость значения слова: *атом* (*Они без конца с этим атомом носятся* — могут иметься в виду и исследования в области атомной энергии, и испытания атомного оружия, и угроза атомной войны и т. п.), *космос* (*Ни зимы, ни лета путного теперь нет — а всё космос!* — имеются в виду космические исследования, запуски спутников и т. п.) [Журавлев 1984: 120].

Наблюдения над использованием научных и технических терминов в современном просторечии показывают, что процессы переделки, касающиеся фонетической, морфологической и семантической структуры слова, сходны с теми, которые характеризуют освоение просторечием иноязычной лексики вообще. Вместе с тем наблюдаются и такие изменения, которые характерны для просторечной обработки именно специального термина. Речь идет прежде всего об изменениях в семантике слова.

Одно из таких изменений, наиболее специфичное и яркое, можно кратко охарактеризовать как **персонификацию** свойства. Суть его заключается в следующем.

Присущие человеку свойства, особенности его отношений с другими людьми и с окружающим миром, а также совершаемые им действия, процессы, в которых он участвует в качестве субъекта или объекта, и т. п. могут персонифицироваться: названия этих свойств, действий, процессов выступают как метонимические номинации данного лица.

Необходимо оговориться: метонимические переносы названия действия на его объект, инструмент или результат характерны и для других подсистем, в частности для литературного языка; ср.: *исследование колебаний* (действие) — *интересное исследование* (результат), *передача движения* (действие) — *велосипедная передача* (инструмент), *верстка текста* (действие) — *читать верстку* (объект), *реанимация больного* (действие) — *Больного отвезли в реанимацию* (помещение, где осуществляется это действие), *анализ мочи* (действие) — *У него плохие анализы* (результат действия) и т. п. (эти

и другие виды регулярной многозначности рассмотрены в работе [Апресян 1974, гл. 3]). Однако в тех случаях, когда надо обозначить лицо как носителя определенного свойства, литературный язык, даже в разговорной своей разновидности, прибегает к аффиксальным способам (от слова, обозначающего свойство, с помощью того или иного аффикса образуется существительное со значением лица) или к заимствованию иноязычного элемента. Ср., например, именование лиц по чертам характера и склонностям (*весельчик, склонник, педант, интроверт*), социальным, профессиональным, интеллектуальным и т. п. качествам (*властитель, умелец, мастер, виртуоз*), по принадлежности к определенному кругу лиц, обладающих теми или иными дифференциальными чертами (*валютчик, лимитчик, меломан, бизнесмен*), по различным отклонениям в поведении (*чудак, зануда, психопат*), по виду болезни, которой страдает данное лицо (*ревматик, язвенник, диабетик* или *диабетчик*), и т. д.

Просторечие также использует аффиксацию как способ образования имен лица по определенному свойству, присущему этому лицу (в особенности, если в результате создается оценочное наименование: ср. слова типа *чудик, придурак, очкарик* и под.). Но наряду с этим оно активно пользуется прямым метонимическим переносом: название какого-либо из перечисленных выше аспектов человека и его свойств может становиться названием самого человека. При этом, как правило, такой перенос происходит в случаях, когда внутренняя форма наименования «непрозрачна» и поэтому непонятна носителю просторечия; наиболее характерны в этом отношении как раз иноязычные термины.

Например, в тех ситуациях, когда в разговорной разновидности литературного языка используется слово *лимитчик* ('лицо, приехавшее на работу в Москву из других районов страны и имеющее право на получение жилплощади из резерва, оставляемого для представителей дефицитных профессий'), просторечие наделяет личным значением само слово *лимит*: *В соседней квартире лимит живет; У лимитов еще один ребенок родился.* Ср. также слово *лимита*, употребляемое в современном просторечии с пейоративной окраской применительно и к совокупности лимитчиков, и к одному такому лицу: *Понаехала тут всякая лимита! Эх ты, лимита — несчастная!*

Термин *диабет* используется, помимо своего основного значения, и для называния лица, страдающего сахарной болезнью: *Это все диабеты без очереди идут* (реплика у дверей процедурного кабинета).

Рентген в просторечии значит не только 'рентгеновский аппарат' (*Мне грудь рентгеном просвечивали*) и 'рентгеноскопия' (*А тебе рентген уже делали?*), но и 'врач-рентгенолог': *Она рентгеном работает; Дочка, это кто — не рентген по коридору-то сейчас прошел?*¹⁵

¹⁵ Ср. любопытный случай просторечного стяжения целого словосочетания *врач — специалист по болезням уха, горла и носа* в слово *ухоголос*, имеющее личное зна-

Термин *автоген* употребляется в просторечии не только в значении 'газовая сварка и резка металла' (Там применяют автоген) и 'аппарат для газовой резки и сварки металла' (резать стальной лист автогеном), в которых этот термин используется и в литературном языке, но и в значении 'лицо, профессионально занимающееся газовой сваркой и резкой; автогенщик': У ей сын *автогеном* на заводе. Ср. подобное употребление в просторечии и слов *автокар*, *бульдозер* и нек. др.: Он в цеху *автоКаром* работает (вместо: *автоКарщиком*); У них *бульдозеры* знаешь сколь получают! (в значении 'бульдозеристы') и т. п.

Показательно, что термины, «прозрачные» по своей морфологической структуре, в частности содержащие суффиксы неличного значения, не могут претерпевать в просторечии подобные семантические трансформации (так, носитель просторечия не скажет: Он *электросваркой* работает — в смысле 'Он электросварщик').

Метонимическому переносу в просторечии могут подвергаться термины, в литературном употреблении обозначающие только множества или совокупности и не имеющие значения 'один элемент множества, совокупности'. Ср.: Она вышла замуж за *контингента* (в речи медсестры) — фраза, понятная лишь при описании соответствующей ситуации: совокупность пациентов, обслуживаемых спецполиклиникой, на «административно-медицинском» языке называется *контингентом*; ср.: Этот больной принадлежит к *контингенту* лиц, обслуживаемых нашей поликлиникой. Естественно, что приобретя значение 'один из множества лиц', слово *контингент* попало в разряд одушевленных существительных (*вышла замуж за контингент*). Ср. в речи зооценковского персонажа: *А это кто, не президиум на трибуну вышел?*

Приведенные примеры свидетельствуют о чрезвычайно свободном обращении носителей просторечия с иноязычной терминологической лексикой. Однако эта свобода — не следствие владения соответствующими понятиями, а, напротив, результат незнания их или весьма приблизительного представления об их содержании. Аномативный характер просторечия как определенной подсистемы русского, национального языка делает возможным активизацию в нем таких видов метонимии, которые не встречаются в литературном языке (при переносном или расширительном употреблении специального термина).

Исследователи отмечают еще одну черту, характерную для просторечного словоупотребления, — семантическую ущербность слова: отсутствие

чение (*Сегодня ухогорлонос принимает?*); в профессиональном жаргоне медиков в этом значении употребляется усечение *лор* (*Лор у нас на полставке работает*), образовавшееся путем «стяжения» неудобопроизносимого термина *оториноларинголог* (обращает на себя внимание фонемная модификация, произошедшая при стяжении: (а), находящаяся в слабой, неударной позиции в слове *оториноларинголог*, прояснилась в (о) в слове *лор*).

у него многих значений, присущих этому слову в литературном языке. Так, слово *мотив*, при сохранении значения 'мелодия', не употребляется в смысле 'причина, повод чего-либо' (побудительные мотивы); *партия* не имеет значений 'одна игра (в шахматы и проч.)', 'определенное количество товара'; у слова *дисциплина* отсутствует значение 'учебный предмет' и т. п. [Журавлев 1984: 121].

Частным случаем семантических сдвигов в слове является специфическое употребление его вследствие чрезвычайно характерной для просторечия-1 тенденции к гиперкоррекции¹⁶: ср. *отдыхать* в значении 'спать', *кушать* в значении 'есть', *супруга* по отношению к жене говорящего и т. п., а также более старое, но имеющее рецидивы и в современном просторечии употребление местоимения *они* и соответствующих глагольных форм множественного числа применительно к одному лицу, которое говорящий воспринимает как представителя иного, более высокого социального статуса: — Где врач? — *Они* обедать ушедши; — Я вот за *ними* стою, который в *шляпе*.

Попутно заметим, что гиперкоррекция отражается также и в некоторых фонетических и фонетико-морфологических чертах речи: ср. ситуативно обусловленное произношение носителями просторечия-1 [чт]о вместо [шт]о, *коне[чи]но* вместо *коне[шн]о*, тщательное выговаривание финалей в инфинитивных формах типа *учиться*, *заниматься* (т. е. произнесение этих форм как *учи[т'с'a]*, *занимá[т'с'a]*, а не как *учи[ц'a]*, *занимá[ц'a]*), в соответствии с литературной орфоэпической нормой) и т. п.

Механизм переключения на такого рода манеру речи может быть объяснен следующим образом. Так же, как и большинство людей, носители просторечия чувствительны к изменению ситуативных условий общения, в частности к смене непринужденной обстановки, бытовой тональности на официальную. Однако, не владея литературным языком, они не могут переключаться на иные средства выражения, более подходящие к изменившимся условиям речи (ср. высказанное выше замечание о «моноглоссности» носителей просторечия: они не владеют никакой другой коммуникативной системой, кроме просторечия, а последнее функционально не дифференцировано, аморфно). Поэтому они прибегают к тем средствам, которые представляются им более культурными, правильными; культура же и правильность языка воплощаются для них чаще всего в книжном, письменном облике слова.

В области синтаксиса для просторечия-1 характерны такие черты (они отмечаются Т. С. Морозовой; см. [Морозова 1984]):

¹⁶При этом гиперкоррекция не является индивидуальной, специфичной чертой русского просторечия. Она свойственна, например, и *français populaire* (см. [Guiraud 1965: 16]), и некоторым типам речи в American English (см. [Labov 1966a: 88 и сл.]). По всей видимости, это общая черта речи недостаточно культурных слоев населения, особенно рельефно проявляющаяся при общении представителей этих слоев с носителями более престижных разновидностей языка.

- употребление полной формы страдательных причастий с перфективным значением и полных прилагательных в именной части сказуемого: *Обед уже приготовленный; Пол вымытый; Дверь была закрытая; Я согласная; А она чем больная?*
- употребление в той же функции деепричастий на -ши и -ши (последние — специфически просторечная форма): *Я не мывши (т.е. не мылся) вторую неделю; Все цветы поваливши* (т.е. повалились, были повалеными); *Он был выпитши и т. п.;*
- употребление конструкции с *никто* (при местонимении может быть и существительное, но необязательно), в которой сказуемое имеет форму множественного числа, — своего рода согласование по смыслу: *Гости никто не приехали; А у нее из цеха никто не были?*
- употребление творительного падежа некоторых существительных для обозначения причины: *умер голодом* (= от голода), *ослеп катарафтой* (= от катаракты);
- специфическое управление при словах, совпадающих (формально и по смыслу) с литературными: *никем не нуждаться* (ср. нормативное *ни в ком не нуждаться*); *Что тебе болит?* (вместо: *у тебя*); *Мне (или ко мне) это не касается* (вместо: *меня*); *Она хочет быть врачом* (вместо: *врачом*) и т. п.;
- употребление предлога *с* вместо *из*: *пришел с магазина, вернулись с отпуска, стреляют с автоматов и т. п.*

Таков далеко не полный перечень наиболее характерных черт просторечия-1. Он достаточно ясно указывает на значительную диалектную окрашенность этой разновидности русского национального языка: хотя само по себе просторечие-1 наддиалектно и внитерриториально, хотя оно является речью известной части городского населения, в нем обнаруживаются явные следы влияния диалектов (особенно в области фонетики и морфологии, отчасти лексики и синтаксиса).

Та разновидность просторечия, которую выше мы называли **просторечие-2**, представляет собой подсистему, менее яркую и менее определенную по набору типичных для нее языковых черт. В значительной мере это объясняется тем, что просторечие-2 как своеобразная разновидность городской речи относительно молодо. При этом оно занимает промежуточное положение не столько между литературным языком и территориальными диалектами (это характерно для просторечия-1), сколько между групповыми и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком — с другой.

Занимая такое положение, просторечие-2 играет роль проводника, через который в литературную речь идут различные **иностраные элементы** — профессиональные, жаргонные, арго-тические. Такое посредничество вполне объяснимо — как собственно языковыми, так и социальными причинами. В социальном отношении совокупность носителей просторечия-2 чрезвычайно разнородна и текуча во времени: здесь и выходцы из сельской местности, приехавшие в город на учебу и на работу и осевшие в городе; и уроженцы городов, находящихся в тесном диалектном окружении; и жители крупных городов, не имеющие среднего образования и занятые физическим трудом; носителей просторечия-2 немало среди представителей таких несхожих профессий, как продавцы, грузчики, портные, парикмахеры, официанты, железнодорожные проводники, сапожники, уборщицы и др.

Поскольку, как мы уже выяснили, просторечие в целом аноматично, и, стало быть, в нем нет фильтра, подобного литературной норме, который избирательно допускал бы в просторечное употребление средства, принадлежащие другим языковым подсистемам, поскольку языковые особенности, присущие уроженцам определенных мест, представителям определенных профессий или социально специфической среды, могут становиться достоянием просторечия.

И действительно, многие языковые элементы, принадлежавшие ранее социально или профессионально ограниченному словоупотреблению, заимствуются литературным языком не прямо из групповых или профессиональных жаргонов, а через просторечие-2. Таковы, например, активно употребляющиеся в современной речи¹⁷ слова жаргонного происхождения *беспредел* ‘действия, далеко выходящие за рамки допустимого’, *возникать* ‘высказывать свое мнение, когда о нем никто не спрашивает’, *отморозок* ‘человек, не считающийся ни с законом, ни с какими бы то ни было нормами человеческих отношений’, *оттянуться* ‘получить от чего-либо удовольствие’, *придурак* ‘глупый, бесстолковый человек’ (в жаргоне — ‘заключенный, имеющий более легкую, чем у других работу’), *прокол* ‘ошибка, неудача’, (*всё*) путем ‘правильно, как надо’, *разборка* ‘выяснение отношений, обычно с применением силы и даже оружия’, *штука* ‘тысяча денежных

¹⁷ Размывание границ между подсистемами, характерное для современного этапа развития русского языка, выражается, в частности, в том, что те или иные лексические элементы не могут быть однозначно отнесены к определенной подсистеме: слова типа *баксы*, *штука* ‘тысяча денежных единиц’, *тусовка* и под. — это и жаргон, и просторечие одновременно (о функциональной близости просторечия и так называемого общего жаргона см. [Земская, Розина 1994; Земская 1996а]), а некоторые из подобных слов уже фиксируются толковыми словарями литературного языка как вполне допустимые к употреблению в нем с экспрессивными целями (см., например, [Ожегов, Шведова 1997; ТСРЯ]).

единиц' и др. Эти и многие другие слова не редкость и в текстах литературного языка, главным образом в средствах массовой информации, в устно-разговорной речи носителей литературного языка.

В области фонетики и морфологии просторечие-2 менее специфично, чем просторечие-1: фонетические и морфологические особенности имеют спорадический, случайный характер и нередко локализованы в отдельных словах и словоформах. Так, если просторечию-1 присуща определенная последовательность в реализации указанных выше фонетических и морфофонетических явлений (ассимиляция и диссимилляция звуков в пределах слова, упрощение его слоговой структуры, метатеза и т. п.), то в просторечии-2 эти явления представлены непоследовательно, с лексическими ограничениями, а некоторые отсутствуют совсем. Это связано с общей тенденцией, свойственной, на наш взгляд, просторечию-2 как более молодой разновидности городской речи — к уменьшению контрастности средств выражения (сравнительно с литературным языком), к сближению их, по крайней мере в формальном отношении, со средствами выражения, присущими социально престижным разновидностям национального языка — разговорной и кодифицированной литературной речи.

Например, диссимилляция согласных по месту и способу образования представлена в просторечии-2 фактами типа *транвой*; в словах же типа *диктор*, *коридор*, где расподобление согласных [р'] — [р] [λ'] — [р] более ярко, заметно, оно не происходит. Метатетические формы типа [саи̯] вместо [ша̯с̯] / [шос̯] также не характерны для просторечия-2. Устранение зияния, типа [ака́ва] или [п'и́жам'и́на], — наиболее яркая черта просторечия-1, в просторечии-2 почти не встречается.

Отличия от литературного языка в родовой отнесенности некоторых существительных хотя и наблюдаются, но у значительно меньшего круга слов и в менее «бросающихся в глаза» случаях: так, *толъ*, *толъ*, *шампунъ* склоняются как существительные женского рода, а *мозоль* — как мужского (*стояли в очереди за толъю*, *покрыли крышу толъю*, *вымыла голову новой шампунью*, *замучился с этим мозолем*), но слова типа *село*, *кино*, *мясо* не употребляются как существительные женского рода (что свойственно просторечию-1).

Склоняемые формы от иноязычных существительных типа *метро* образуются весьма избирательно: они появляются в основном на тех участках речевой цепи, где возможно неоднозначное осмысление несклоняемой формы слушающим (*ехали метром*, но *вышел из метро*, а не *из метро*).

Для просторечия-2 характерно использование диминутивов типа *огурчик*, *номерок*, *документики*, *газифеочк*, среди которых встречаются формы, образованные по специфической модели, не имеющей распространения в литературном языке (ср. *мяско* при разговорно-литературном *мясце*: выражение своеобразно понимаемой вежливости. Диминутивы

не только от имен с конкретной семантикой, но и от слов, имеющих абстрактное значение.

Ср. в речи медсестры при обращении к взрослому пациенту: *Подбородочек вот сюда поставьте, а грудочки прижмитесь к краю стола*; в речи официантки: *Вот ваш лангетик, а водичку я сейчас принесу*; в речи парикмахера: *Височки прямые или косые?*; в речи водителя автобуса: *Вошедшие, за проездчик передавайте, пожалуйста. Задняя площадочка, передавайте, пожалуйста*; покупатель — продавцу: *Мне, пожалуйста, колбаски батончик и сырку полкило*, и т. п. Такие формы обычно употребляются при обращении к собеседнику и сравнительно редко — в речи, не имеющей индивидуального адресата (ср. рассказ, размышления вслух и т. п.). Впрочем, подобные диминутивы могут рассматриваться не только как принадлежность просторечия, но и более широкого речевого употребления: см., например, [Гак 2000], где «гастрономические» диминутивы типа *ветчинка*, *закусочка* анализируются на материале художественной литературы XIX века и современности.

В просторечии-2 употребительны некоторые фразеологизмы, которые служат своеобразными «лакмусовыми бумажками», указывающими на просторечность говорящего. Это, например, выражение *надо же!*, употребляемое в функции восклицания, передающего удивление (*У нас уже вторую неделю воды нет. — Надо же!*); сравнительный оборот *как этот* (эта, эти) с незаполненной семантической валентностью у местоимения: *Проходите вперед! Стала, как эта* (в троллейбусе); *Я ему говорю: выйди погуляй. Нет, сидит целый день, как этот* (см. [Ермакова 1984: 134]); без разницы (*Мне это без разницы*), *по нахалке* в значении 'нахально' (*Приселись по нахалке, я их не звала — о неожиданных гостях*); *типа того, что: А она мне типа того, что я, мол, и не была там никогда*¹⁸, и нек. др.

Среди лексических средств, присущих просторечию-2, выделяются различные формы обращения, в функции которых используются термины родства и наименования некоторых социальных ролей: *папаша*, *мамаша*, *отец*, *мать*, *дед*, *дедуля*, *бабуля*, *друг*, *парень*, *мужик*, *шеф*, *начальник*, *хозяин*, *командир*, в последнее время — *женщина*, *дама*, *мужчина*. По мнению исследователей (см. [Ермакова 1984: 134—135]) и по нашим собственным наблюдениям, эти формы обращения распределены по полу и возрасту говорящих; некоторые из них имеют ограничения в употреблении, обусловленные профессией как говорящего, так и адресата.

¹⁸Этот оборот чрезвычайно активизировался в просторечии-2, он считается одной из характерных примет речи «новых русских». Варианты этого оборота (а синтаксическое управление при нем весьма разнообразно) попадают и в письменные тексты; ср.: «Можно сказать, это гиперскандал осени. Фабула банальна. Еще летом Юля [певица] рассталась со своим продюсером. *Tuna* из-за финансовых разборок» («МК», 29 октября 1997 г.).

Так, обращения *папаша*, *мамаша*, *мать*, *отец*¹⁹, *дед*, *друг*, *парень*, *мужик*, *шеф*, *начальник*²⁰ свойственны в большей степени речи мужчин молодого и среднего возраста; обращения *дедуля*, *бабуля*, а также апеллятивы *женщина*, *дама*, *мужчина* более характерны для речи молодых женщин; обращения *хозяин*, *хозяйка* фигурируют в речи мужчин (молодого и среднего возраста) в ситуации обслуживания того, к кому обращаются, — например, в речи сантехников, слесарей, грузчиков, полотеров и т. п.; апеллятив *командир*, в сильной степени жargonизированный, употребляют некоторые водители такси при обращении к пассажиру-мужчине (*Ну, командир, куда едем?*).

Так как просторечие обслуживает узкобытовые сферы коммуникации, очевидно, что с наибольшей рельефностью оно реализуется в речевых актах, имеющих иллютивную функцию порицания, обвинения, просьбы, заверения, внушения и т. п. (ср. такие речевые акты, как скора, перебранка, божба, наущничество, «распекание» старшим младшего и др.); менее характерны для реализации просторечия «нейтральные» речевые акты, не содержащие оценок говорящими обсуждаемых фактов и событий.

Итак, современное русское просторечие неоднородно как по составу носителей, так и по собственно языковым характеристикам. Несмотря на постоянное сужение круга лиц, пользующихся просторечием, последнее представляет собой одну из «действующих» подсистем современного русского языка, смыкаясь в определенной своей части (просторечие-2) с общим жargonом (см. о нем ниже) и впитывая в себя лексико-фразеологические элементы некоторых социально и профессионально ограниченных языковых образований.

Профессиональные жаргоны

По своему социальному и коммуникативному статусу профессиональные жаргоны отличаются от других подсистем русского национального языка одной существенной особенностью: носители этих жаргонов владеют также какою-либо другой подсистемой — специальным подъязыком, языком

¹⁹Ср. апеллятивы *дочка*, *сынок*,ственные речи пожилых женщин-носительниц просторечия-1.

²⁰Обращения *шеф*, *начальник* адресуются совсем не тому, кто выше говорящего в служебной иерархии: первая лексема, *шеф*, — это, как известно, просторечное обращение к водителю автомобиля, автобуса (по-видимому, контаминация слова *шеф* в его литературном значении и слова *шофер*), а вторая, *начальник*, используется в ситуации реальной или мнимой зависимости говорящего от того, к кому он обращается, при желании говорящего «по-своему» подольститься к собеседнику. Ср.: «Ни на что абсолютно не надеясь, он [Потапов] зашел в магазин. Спросил у толстого продавца с красными... глазами: — Чего там, фруктиков у тебя никаких нет, *начальник*?» (Иванов С. Из жизни Потапова // Новый мир, 1983, № 7).

общелитературным, диалектом. Иначе говоря, они *ди glossы* (или *полиглоссы*): в профессиональной среде, для целей непринужденного профессионального общения они используют профессиональный жargon, для целей официального, в особенности письменного, общения — специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на непрофессиональные темы и вне профессиональной среды они пользуются литературным языком, реже местным говором или просторечием.

В этом отношении профессиональные жаргоны подобны стилям литературного языка: их использование зависит от условий общения (ситуации, цели, темы, адресата и т. п.). Однако, в отличие от стилей, каждый профессиональный жargon имеет строго определенную, и притом ограниченную, среду, в которой он используется и за пределами которой он непонятен. Профессиональный жargon, таким образом, как бы совмещает в себе коммуникативные признаки стиля и социальные признаки корпоративного (группового) жаргона²¹.

Выделение круга носителей того или иного профессионального жаргона не представляет трудности: это люди, владеющие данной профессией или специальностью и занимающиеся ею в течение более или менее длительного времени. Так, можно говорить о профессиональных жаргонах медиков, железнодорожников, горняков, металлургов, летчиков и др. Следует заметить, что в современных условиях профессиональные жаргоны развиваются и в таких высококультурных областях деятельности, как физика, химия, биология, космонавтика, обладающих к тому же высоким социальным престижем. В то же время сходят на нет профессиональные жаргоны, обслуживавшие в дореволюционной России такие ремесла, как портняжное и парикмахерское дело, отходничество, книжную торговлю и др.²²

²¹Ср. следующее рассуждение о сущности социального жаргона, под которым автор понимает не только корпоративные, но и профессионально ограниченные языковые образования: «Под социальным жаргоном понимается вообще речевая норма, приобретаемая в сознательном возрасте и связанная с входением в некоторую социальную корпорацию, к которой, по условию, нельзя принадлежать с самого рождения (примером могут служить всякого рода профессиональные арго, блатная речь и т. п.); пользование такой нормой предполагает осмысление себя членом данного соцнума, причем сам соцнум негласно регламентирует право на соответствующее речевое поведение. Овладение жаргоном всегда носит более или менее искусственный характер и связано с осознанным стремлением к обособлению и противопоставлению некоторой социальной группы всему остальному обществу» [Успенский 1985: 55–56].

²²Ср. характерные для этих жаргонов слова и обороты, сейчас вышедшие (или выходящие) из употребления в соответствующей профессиональной среде: *ветрогон* ‘не дающий на чай, скупой, но требовательный заказчик’; *весельчаки ‘деньги’*; *птица ‘узкий, испорченный костюм’*; *положить ‘поутюжить’* и т. п. — жargon портных; *карточка* или *«эроплан»* ‘клиент, не дающий на чай’; *городской бульвар* ‘редкие волосы’; *скворешник* ‘прыщ или родинка на носу’; *солонка ‘губа’* и т. п. — жargon

В языковом отношении современные профессиональные жаргоны неоднородны. В них можно выделить по крайней мере две группы коммуникативных средств: (1) средства, совпадающие с единицами общенационального языка и составляющие основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов²³; (2) арготические слова и обороты, отчасти дублирующие официально принятые в соответствующем специальном подъязыке термины, отчасти именующие то, что не имеет официально принятого терминологического обозначения.

Соотношение этих двух компонентов в жаргонах разных профессий неодинаково. Общая тенденция такова: чем глубже специализация в данной профессиональной области, тем больше удельный вес второго компонента, и, напротив, при незначительной специализации (например, во многих профессиях гуманитарного профиля: ср. профессии учителя-словесника, историка, психолога и нек. др.) ведущую роль играет первый компонент — средства общеупотребительные.

Традиционно принято считать, что специфика профессиональных жаргонов заключается в метафорическом переосмыслинении ходовых слов и выражений, в придании им образного смысла. Ср. следующее определение жаргона: «Жаргон — социальная разновидность речи, характеризующаяся профессиональной (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией общенародного языка» [Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 129].

Действительно, метафорически переосмыленные, ярко экспрессивные слова и фразеологии — характернейшая черта профессиональных жаргонов. Ср., например, многочисленные арготизмы наборщиков (типа *бык* или *козел* 'пропуск нескольких слов, строчек'; *муха* 'неразборчивое место в оригинале'; *покойник* 'два раза набранное место'; *извозчик* 'корректурное исправление, при котором нужная буква «вытягивается» чертой на поля' и др.; см. [Лихачев 1964: 332]), горняков (*коза* 'вагонетка для перевозки людей'; *свадьба* 'труд перевернутых вагонов и крепежных материалов'; *чайник* 'пневматический насос'; *баран* 'машина для сверления шпурров' и т. п.; см. [Краснова, Марченко 1981: 338—339]), летчиков (*петля*, *бочка* — фигуры высшего пилотажа; *брюх* 'нижняя часть фюзеляжа'; *вспухать* 'резко набирать высоту' (о самолете); *нога* 'опора шасси'; *морда* 'лобовая часть самолета' и т. п.), медиков (*острый* живот, *тяжелый* живот, *свеча* 'резкое

парикмахеров; *разбить* 'разрозненное, рассыпанное издание'; *слон* или *козел* 'толстая, не имеющая спроса книга'; *сбытий* 'бойкий продавец'; *сбив* 'разные книги'; *выбрать* книгу 'выбрать редкую книгу' и т. д. — жargon букинистов (см. [Иванов 1982: 96—98, 192—195, 261—264]).

²³Это одно из существенных отличий профессиональных жаргонов от территориальных диалектов: профессиональные жаргоны, как бы специфичны они ни были, опираются на обще литературный язык, а местные диалекты ему противостоят.

изменение на температурной кривой' и др.), таксистов (ехать *холостяком* или *конем*, т. е. без пассажира; *зелёный огонёк такси*; *пиджак* 'пассажир деревенского вида'; *меняла* 'сменщик' и т. п.) и представителей других профессий.

Некоторые из подобных метафор появляются в условиях нарушения нормального производственного процесса²⁴ и приобретают сходство с элементами тех социальных жаргонов, для которых характерна не просто метафоричность наименований, но и своеобразная «зашифрованность» в них передаваемого смысла. Ср. следующие выражения, называющие определенные «незаконные» операции в техническом обслуживании автомобилей и в их эксплуатации:

«Посадить капусту», «сделать примочку», «снять бескозырку». Слова вроде бы определенные и означают простые понятия. Но для шоfera-ловкача они имеют совсем иное значение. Для него «капуста» — это мэда дежурному механику по возвращении с линии, чтобы был поснисходительней, не заметил поцарапанного крыла машины, «забыл» поставить в путевом листе истинное время возвращения в парк. «Примочка» — это подачка мойщику, чтобы вымыл машину без очереди да получше...

Только это еще цветочки. Ягодки-то начинаются в ремонтной зоне. Ловкач и тут норовит обойти других: он снимает перед ремонтниками «бескозырку», а это, проще говоря, подношение в виде бутылки водки... Почти в каждом парке есть свой «тигрятник», то есть место у забора, где в ожидании ремонта сиротливо ржавеют машины (В. Сыромятников. Подпольный «техснаб» // Труд, 1 марта 1973 г.).

Овладение какою-либо профессией неразрывно связано с овладением соответствующим профессиональным словарем. Некоторые профессиональные выражения служат как бы символом владения каким-либо ремеслом или профессией: употребление профессионализмов, по облику совпадающих с общераспространенными словами, отличает профессионала от «профана», от людей, не знакомых с данной профессиональной областью деятельности. Ср.: «Штукатур никогда не скажет, что карниз делают — карниз только тянут или вытягивают; так же точно плотник не строит [бревенчатый] дом, а рубят, не делает дверные и оконные коробки, а вяжет их» [Лихачев 1964: 358].

По такого рода особенностям словоупотребления профессионал легко опознаёт своего, собрата по профессии и, с другой стороны, безошибочно определяет речь «чужака», не владеющего профессиональными навыками использования слова.

²⁴Ср. замечание Д. С. Лихачева о том, что «арготические слова сопутствуют явлениям более или менее постоянного нарушения динамического стереотипа профессиональной деятельности при условии существования достаточно тесной социальной среды» [Лихачев 1964: 349].

Одним из видов такого профессионально-группового символизма является использование слов, имеющих родовое значение, применительно к видам, разновидностям данных предметов. Так, летчики называют самолет *машиной*; этим же словом пользуются водители автобусов и троллейбусов (*Машина идет в парк; Машина пойдет по тридцатому маршруту*); плотники и столяры именуют *инструментом* не совокупность всех применяемых ими орудий труда, а совершенно определенный топор, или рубанок, или стамеску (*Не тупи инструмент*), жалуются на отсутствие *материала*, имея в виду, например, только доски, и притом определенного размера.

Некоторые средства профессиональных жаргонов основаны на словесной игре, шутке, каламбуре, на всякого рода обыгрывании ходовых слов и оборотов. Так, шоферы называют *соконожкой* автобус увеличенной длины — с четырьмя осями (т.е. с восемью колесами) и четырьмя дверьми для пассажиров (в просторечии такой автобус именуется *кишкой, колбасой, двойным, длинным*); ср. также отмеченное выше *тигрытник* — с явной установкой на шутку; шахтеры в Кузбассе о гидродобыче говорят *хитродобыча* (свидетельство Г. Немченко — см. «Литературную газету» за 1 февраля 1984 г.), слесари называют дверной замок *дворняжкой*, каламбурно соединяя в одном слове *дверь* и *дворняжку*, и т. п.

Особенно распространены такого рода каламбурные образования в профессиональном жаргоне «компьютерщиков»-программистов, операторов и др., где каламбурная номинация часто бывает основана на обыгрывании английских терминов, их намеренной русификации: *пижамкер* (из англ. *page maker*), *трупопаскаль* (программный язык Turbo Pascal), *брэкт-пойнт* (*break point*), *чекист* (тестовая программа Check It), *Емеля* (*E-mail*) и *емелить*, а также *мыло* (*Пришли мне файл по мылу*) и *мылить* (*Свои желания мыльте по адресу...*), *стеклить пень* (ставить программу Windows в компьютер Pentium; обыгрываются английское слово *window* 'окно' и название марки компьютера), *геймить* 'играть в компьютерную игру' (от англ. *game* 'игра'), *клава* 'клавиатура' и др.

Многие общеупотребительные слова получают в «компьютерной» среде своеобразное употребление, либо изменяя свое значение, либо вставляясь в непривычный (с точки зрения литературной речи) контекст: компьютер *зависает, отказывает*, а иногда *задумывается*²⁵, в него *загружают* информацию, которую можно *скачать* на дискету, *распечатать* на принтере,

²⁵ Антропоморфизм свойственен многим жаргонам, обслуживающим те профессии, которые имеют дело с техникой, с машинами. Самолет для летчика, автомобиль для шофера, станок для токаря нередко оказывается с *горлом*, *непослушным*, *мотор кашляет, чихает, еле дышит* и т. д. Ср. наблюдение К. Г. Паустовского: «Каждый шофер находил по отношению к своей машине много ласковых и синхронительных слов. Были всякие машины: и „терпеливые до черта“, и „ послушные“, и „обидчивые“, и „работяги“, и „мученицы“, и даже „не машины, а просто малые дети“» (цит. по статье [Краснова, Марченко 1981: 332–333]). Однако в отношении к компьютерам антропоморфизм заходит особенно дале-

а в случае ее ненужности — отправить в *корзину*. Начинающего пользователя здесь называют *чайником* (и даже есть специальные пособия по работе на компьютере, адресованные *чайникам*), в отличие от истинного пользователя, к которому применяют англицизм *юзер* (англ. *user* от *to use* 'пользоваться'), и от того, кто только мнет себя знатоком компьютеров, но в действительности таковым не является, за что получает прозвище *ламер* (от англ. *lame* 'хромой, слабый').

Для профессиональных жаргонов характерно также стилистическое снижение в обозначении реалий, по сравнению с книжно окрашенными официальными терминами: *кастрюля* вместо *синхрофазотрон*, *дырка* — для обозначения отсутствия электрона в атомной структуре — в жаргоне физиков; *морда* — для обозначения лобовой части самолета — в жаргоне летчиков и т. п.

Однако, хотя экспрессивные средства выражения, рождающиеся на основе метафорических переосмыслений, каламбуров и т. п., типичны для профессиональных жаргонов, было бы неверно сводить все своеобразие последних только к подобным словам и выражениям и, таким образом, видеть специфику профессиональных языковых образований исключительно в лексике и фразеологии. На самом деле эта специфика обнаруживается и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях: например, в виде словообразовательных моделей, не известных литературному языку (ср.: *тощаковая моча, скоропомощные мероприятия, сочетанные травмы* — в жаргоне медиков; *бракаш* 'браконьер' — в жаргоне егерей и охотников; *берегаш* 'работник береговой службы' — у моряков и т. п.; подробнее см. об этом в главе «Социальная маркированность языковых единиц»), в специфической родовой отнесенности существительных (*компонент* вместо *компонент* — в речи математиков; *путь* как существительное женского рода — в речевой практике железнодорожников), в иных, чем в литературном языке, показателях числа и падежа у существительных (ср. *тросА, пельнгA, сейнера* и под. в жаргоне моряков), в использовании форм единственного числа существительных для обозначения совокупности предметов или вида товаров (*Имеется в продаже яицо диетическое; Щука на червя плохо идет; Разрешена охота на оленя*), в своеобразных формах глагольного и именного управления (ср. *сопоставить что чему* — в речи математиков, вместо общепринятого *сопоставить что с чем; лидировать кого* — в речи моряков), в лексической сочетаемости слов (*налетать пенсию* в значении 'летая

ко, и многие существительные, глаголы и прилагательные, называющие органы, действия и свойства человека, в жаргоне программистов и специалистов, обслуживающих компьютеры, свободно используются применительно к этим последним: *мозги* (об оперативной памяти), *кишки* (внутреннее устройство операционной системы), компьютер *всасывает* информацию, медленно работающая программа может быть названа *задумчивой*, а работающая хорошо и быстро — *душевной* и т. п. [Шейгал 1996].

на самолете в качестве члена экипажа, достигнуть такого показателя отработанного времени, которое необходимо для назначения пенсии' — в жаргоне летчиков) и т. п.

Эти особенности проявляются не в единичных фактах, как можно было бы заключить по приведенным примерам, а более или менее последовательно и на разном лексическом материале. Подобные особенности характерны не только для жаргонов старых профессий, за много десятилетий или даже веков своего существования обособившихся от литературного языка, но и для жаргонов профессий относительно новых, которые, несмотря на свою молодость, успели выработать специфические способы выражения, трансформировав общеупотребительные модели слова и предложения (например, для «компьютерного» жаргона).

В связи с изучением профессиональных жаргонов нельзя не обратить внимание на одно любопытное явление. Люди, не владеющие данной конкретной профессией, но вынужденные сталкиваться с соответствующей областью человеческой деятельности (в силу определенных жизненных обстоятельств), преодолевают коммуникативные затруднения путем использования общеупотребительной лексики применительно к специальным понятиям. Так, пациенты современных клиник, не зная медицинской терминологии, сами придумывают названия тем или иным инструментам, процедурам, операциям и т. п. Ср.: *кишка* — для обозначения гибкого резинового зонда; *просвечивание* в значении 'рентгеноскопия'; *стремяли* в глаз лазером — описание *лазерной коагуляции сетчатки*; *насечки* (глаза) вместо *кератомия*; *заморозка* зуба вместо *анестезия* и др. Кое-что из этого околовофессионального просторечия со временем попадет и в язык самих медиков — хотя и не в качестве официально принятого термина, но достаточно регулярно используемого профессионализма (ср. *заморозка*, *убить нерв* в речи стоматологов и т. п.).

Итак, профессиональные жаргоны — одно из активно используемых коммуникативных средств современного общества. По мере углубления специализации науки, техники и производства происходит дальнейшая дифференциация этих жаргонов. Вместе с тем интегративные процессы, характерные для развития современного русского языка в целом, способствуют взаимному сближению и взаимовлиянию разных профессиональных жаргонов и выходу профессионализмов за пределы узкопрофессиональной среды в область просторечия и литературного языка.

Социальные жаргоны

Как известно, жаргоны могут быть основаны не только на профессиональном объединении людей, но и на их социальном обособлении от остального общества.

До сравнительно недавнего времени считалось, что коммуникативная роль социальных жаргонов в современном обществе невелика, во всяком случае, она значительно меньше, чем коммуникативная роль литературного языка и профессиональных жаргонов. К этому были некоторые основания. Так, достаточно хорошо развитое в дореволюционное время нищенское арго в советское время сузило, а затем почти полностью утратило свою социальную базу; арго беспризорников, впитавшее в себя многие элементы воровского жаргона и бывшее довольно активным в 20-е годы, позднее «угасает», не имея устойчивого контингента носителей.

Однако в 80—90-е годы оба арго возрождаются на новом социальном и языковом материале, поскольку множатся ряды и нищих, и беспризорников, которые пользуются некоторыми специфическими формами языкового выражения, по большей части отличными от тех, что были в ходу у их предшественников. Эти два арго составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов: они существуют наряду со специфическими языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, сутенеры, наркоманы, фальшивомонетчики, карточные «кидалы» и другие социальные группы, составляющие некоторую часть населения современных крупных городов России.

Эти многочисленные жаргоны по большей части несамостоятельны, «перетекают» друг в друга: например, жаргоны наркоманов, проституток и нищих имеют значительное пересечение в лексике и фразеологии, у студенческого жаргона немало общих элементов со сленгом хиппи, «членок» активно используют в своей речевой деятельности торговое арго и т. д.

В основе этого многообразия лежит **тюремно-лагерный** жargon. Он формировался в социально пёстрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении ряда десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто активно им пользовался: с ним были знакомы, его активно использовали как «воры в законе», «домашники», «скокари», «медвежатники», «щипачи» и прочие представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, крестьяне, артисты, врачи, поэты, журналисты, студенты — словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

Тюремно-лагерный жаргон нашел отражение и в литературе, особенно в начале 60-х и в 80-х годах: достаточно вспомнить многие публикации журналов «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь» и др., произведения А. И. Солженицына, В. П. Гроссмана, А. Н. Рыбакова, Л. Э. Разгона, А. В. Жигулина, О. В. Волкова, А. Марченко, поэтическое творчество В. Высоцкого, А. Галича и др.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания» и модифицируется в указанных выше социальных

группах, пополняясь новообразованиями и изменяя значения традиционно используемых языковых средств; ср., например: *такси-фрик* ‘машина такси’, *напарить* ‘обмануть’, *кинуть* ‘путем каких-либо махинаций выманивать крупную сумму денег’, *капуста ‘деньги’* (первоначально только о долларах — из-за их зеленого цвета), *свалить за бугор* ‘ухать за границу’, *поставить на счётчик* ‘начать ежедневно увеличивать проценты от неуплаченного вовремя долга’ и мн. др. Здесь намеренно приведены весьма разнородные жаргонные элементы, социальная «прикрепленность» которых весьма неопределенна. И это одна из характерных черт современных жаргонных подсистем: одними и теми же словами и оборотами могут пользоваться члены различных социальных групп — и представители подпольного бизнеса, и наркоманы, и проститутки и т. д. Более того, эти средства могут быть хорошо знакомы и тем, кого принято считать носителями литературного языка, — студентам, инженерам, врачам, представителям других интеллигентных профессий.

Активная «интервенция» тюремно-лагерного жаргона и различных его разновидностей во все сферы русской речи — одна из характерных примет современной языковой ситуации. Подвергается этой «интервенции» и литературная речь, и не только в устно-разговорной своей разновидности: элементы указанного жаргона не редкость на страницах прессы, в радио- и телевизионном эфире. Столь широкое употребление жаргонных средств выражения, хотя и по большей части стилистически отмеченное, с экспрессивными целями дало основание некоторым русистам постулировать формирование в современных условиях так называемого общего жаргона, единицы которого не принадлежат к какой-либо определенной социальной среде, а, напротив, хорошо известны в разных социальных группах носителей русского языка (см., в частности, [Земская, Розина 1994; Ермакова, Земская, Розина 1999]). Лексическими единицами такого общего жаргона являются, например, слова *тусовка* ‘собрание людей, объединенных общими интересами’ (например, *тусовки артистов, журналистов, бизнесменов* и т. п.), *крутой* ‘о человеке: решительный и хладнокровный, производящий сильное впечатление на окружающих этими своими качествами’, *челнок* ‘человек, совершающий рейсы за границу и обратно с целью покупки товаров и более выгодной перепродажи их’, *разборка* ‘выяснение отношений, обычно агрессивное, с применением насилия’, *чернуха ‘черный’ юмор* (юмор, связанный с темами смерти, преступлений, физических уродств и т. п.) и мн. др. Общий жargon представляет собой такое языковое образование, которое не просто занимает промежуточное положение между собственно социальными жаргонами (например, тюремно-лагерным, воровским, нищенским и др.), с одной стороны, и литературным языком и городским просторечием, с другой, но и активно используется носителями этих подсистем (ср. похожий статус общего сленга и общего арго в современных

American English и французском языке; см. об этом [Швейцер 1983; Хоршева 1996].

В последнее десятилетие появилось немало лингвистических работ и лексикографических изданий, посвященных социальным жаргонам (см., например, [Балдаев и др. 1992; Быков 1994; Грачёв 1992; Дьячок 1992; Зайковская 1993; Елистратов 1993, 1994; Ермакова, Земская, Розина 1999; Кёстер-Тома 1993, 1994; Марочкин 1997; Рожанский 1992; Файн, Лурье 1991; Юганов, Юганова 1997 и мн. др.]). Столь заметный всплеск исследовательского интереса к жаргонам вполне понятен: раньше в отечественной русистике это была запретная тема, поскольку официальная пропаганда предписывала считать несуществующими такие социальные явления, как нищенство, проституция, наркомания, рэкет и др. Справедливости ради надо сказать, однако, что в наши дни эти всегда существовавшие «языки» общества необычайно разрослись и приобрели новые формы. Тем самым социальная база соответствующих жаргонов остается еще более реальной и осозаемой, чем раньше, и задача русистики заключается, в частности, в том, чтобы изучать многообразие современных социальных жаргонов и их связи с порождающей эти жаргоны человеческой средой.

Глава 4

Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ

Е. В. Какорина

Массовая коммуникация (далее МК) является ценным источником для исследования социальной дифференциации современного русского языка.

Функционально-стилистическая разнородность и выраженная социальная ориентированность текстов, распространяемых по каналам МК, позволяют обозревать общую картину социальной дифференциации национального языка данной эпохи в том виде, как она предстает через зеркало mass-media.

Процессы, связанные с обновлением МК на рубеже 90-х годов XX столетия, крайне разнообразны, поэтому в рамках данной главы мы остановимся на тех из них, которые в первую очередь связаны с изменениями в социальной дифференциации языка и с новыми принципами отражения этой дифференциации в средствах МК.

МК оперирует множеством «вторичных» текстов, изначально принадлежащих другим функциональным сферам: это, например, официально-деловая речь, речевой обиход представителей различных социальных групп. Можно сказать, что речь практически всех социальных групп в разнообразных коммуникативных ситуациях в той или иной мере, с той или иной степенью модификации (или без нее) представлена в текстах МК. Особенно это касается телевидения, где участниками коммуникации выступают не только журналисты, но и представители самых разных профессий, адресанты, имеющие различный социальный статус, возраст, пол, уровень образования и т. п.

Современная пресса также выбирает в себя самые разнообразные формы речевого общения. Для нашей темы важна новая установка журналиста на живую речевую стихию социума, а не на конструирование особого политического языка, как это было в прошлом, когда язык МК рассматривался прежде всего в качестве инструмента идеологического воспитания масс.

В результате отмены тотального контроля за прессой со стороны государства в соотношении основных социо-психологических функций языка

МК произошли значительные изменения. Усилилась роль функций **информирования и развлечения**, тогда как функции **регулятивные** (ценостно-ориентирующая и директивная [Зильберт 1986: 37]) редуцировались, стали проявляться более скрыто или нашли новые коммуникативные сферы применения. Особо обозначилась такая сфера речевого воздействия, как реклама, которая отличается сегодня наибольшей активностью и привлекает внимание все большего числа исследователей языка (см., например, [Рекламный текст 2000; Кара-Мурза 2000]).

Данные изменения находят отражение в **новой парадигме газетных жанров**, возникающей как внутри отдельного издания, так и в прессе в целом. Для современного периода характерна нивелировка чисто информационных «новостных» жанров, развитие жанров аналитического типа (проблемные статьи, мнения экспертов, журналистские расследования, ответы на вопросы, рекомендации и предостережения), а также расширение в составе газеты массива текстов, носящих чисто развлекательный характер. Ср. устную рекламу газеты: «Вашему вниманию новое издание на 16 страницах. В номере: кроссворд, гороскоп, анекдоты, программа ТВ, криминальная хроника». В этом ряду выделяется лишь один собственно газетный жанр: *криминальная хроника*. Пытаясь привлечь покупателя, продавец называет в первую очередь жанры не прикрепленные к текущей дате (кроссворд, анекдоты), к актуальным событиям (гороскоп, программа ТВ), т. е. неспецифичные для газеты как таковой. Наряду с рекламой данный набор жанров чрезвычайно характерен не только для тех современных газет, которые ориентируются на «легкое», познавательно-развлекательное чтение, но и для серьезных информационно-аналитических изданий.

Переструктурирование основных функций языка МК проявляется, в частности, в **новом типе информации**, обращении к таким тематическим областям, которые были ранее закрыты (секс, преступность, частная жизнь политиков и т. п.). Некоторые исследователи относят подобный тип фактов к информации, действующей на подсознательные слои бытия.

Ср. рекламу журнала «Профиль»:

Еженедельный журнал о влиятельных персонах политики, бизнеса, культуры и их окружении. Самые громкие скандалы. Расследования. Достоверно об интригах в коридорах власти. Частная жизнь знаменитостей. Жены, дети, деньги и увлечения. Архивные тайны.

Тематический спектр журнала составляют области, которые в течение долгого периода были закрыты для печати, акцент сделан на неофициальном характере информации: тайны, интриги, частная жизнь. При этом, несмотря на «большое расстояние до индивида» [Моль 1975], значимость такой информации для «массового» читателя очень высока, о чем свидетельствует сам факт экспансии подобной тематики в текстах МК.

Новое явление, возникшее в постсоветский период, — это так называемая «желтая пресса», к которой можно отнести, например, газеты «Московский комсомолец» и «Мегаполис-экспресс». Среди важнейших типологических признаков изданий данного типа исследователи называют основную функцию — развлечение, тип содержания — сенсационность, стилистические приметы — гипероценочность, эпатажность и фамильярную адресованность [Дускаева, Любова 2001].

В целом можно констатировать, что прессы начала учитывать реальные разнообразные коммуникативные потребности читателя в информации, что привело к многократному увеличению количества изданий и их качественной дифференциации.

Развитие современной прессы идет в направлении **тематико-адресной специализации**, сопровождающейся специализацией языка.

Рассмотрим наиболее важные, с нашей точки зрения, изменения 1) в составе и структуре средств МК и 2) в языке средств МК, связанные с изменениями в социальной дифференциации языка.

Изменения в структуре и типологии газетных и журнальных изданий

В 90-е годы существенно возросло количество и разнообразие газетных и журнальных изданий, при этом в значительной мере изменилась их социальная адресованность.

В советский период прессы отражала социальную структуру общества лишь в самом общем виде. В СМИ господствовала метаинформационная установка на стирание классовых различий (крестьянство, рабочий класс, интеллигенция — «трудовой народ»), которая предполагала **унификацию** языка общеполитических и специализированных изданий. Например, характерные для 20-х годов черты различий в языке газет «Правда» и «Беднота», «Крестьянская газета» стираются уже к началу 30-х годов [Лысакова 1990: 250].

Для современной прессы, напротив, характерна ориентация на создание, культивирование **языковой специфики** отдельных изданий.

Современные СМИ (как общеполитические, так и специализированные издания) более дифференцированно отражают стратификацию современного общества и роль отдельных социальных групп в его развитии. Но если для специализированных изданий в целом характерно расширение социального спектра читательской аудитории, то для общеполитической прессы можно отметить и противоположную тенденцию — его сужение.

Например, проведенное методом интент-анализа (анализ упоминаний социальной группы в контексте, выражаящем определенную интенцию) исследование текстов газеты «Московский комсомолец» за 1992—1995 годы позволило выявить следующие тенденции в ее информационной политике:

- доминирование на страницах газеты относительно немногочисленных социальных слоев, обладающих политической и финансовой властью, возможностью воздействия на жизнь общества (высшее руководство — 41% от общего количества упоминаний, предприниматели — 5 %, деятели СМИ — 7%, деятели культуры — 16%);
- крайне невысокая представленность слоев, составляющих основную массу населения (рабочие, колхозники, инженеры — 0,2—2%, пенсионеры);
- выделение слоев-аутсайдеров, становящихся объектом негативной оценки: депутаты Государственной Думы, высшее военное руководство, колхозники [Латынов 2000: 108].

Выявленные тенденции в способе отражения социальной структуры общества в той или иной мере характерны и для большинства других демократических общеполитических изданий. Прокоммунистические газеты противопоставляют такой информационной политике подчеркнутое воспроизведение старых форм социальной стратификации по классовому и профессиональному принципу:

Мы зовем на битву за спасение России весь народ... Приидите к нам, рабочий с завода и хлебопашец с поля. Священник из храма и ученый из лаборатории. Писатель с врачом и солдат с матросом. Станем вместе под святое Знамя Победы! (предвыборная листовка КПРФ).

Можно отметить, что в тексте сохраняются старые риторические образцы названий социальных слоев и групп: рабочий с завода, хлебопашец с поля, ученый из лаборатории, солдат с матросом. Однако реально и прокоммунистические, и демократические общеполитические издания, адресованные разным социальным группам, содержат **однотипный** набор тематических доминант, не вполне адекватно отражающих социальную структуру современного общества.

В специализированной прессе можно отметить разнообразие ориентаций: на массового читателя и на отдельные, узкие социальные группы, причем издание адресуется **реально существующей** группе читателей (например, «Домовой» — это журнал для нового поколения **предпринимателей, бизнесменов**; «Каприз» — «русский журнал для интеллигентных женщин»; «Свеча», «До» и «после» — при свечах. Журнал для взрослых и мужчин; «Подводная лодка» — научно-популярный журнал о компьютерах; «Башня» — журнал для молодежи от 14 до 18 лет).

Не случайно названия многих газет и журналов сопровождают своеобразные уточнения, манифестирующие основную тематическую или социальную направленность издания и помогающие читателю ориентироваться в море современной прессы: «Домовой», журнал для домашнего чтения, «Консультант», все для бухгалтера в одном журнале, «Бизнес для всех», ежедневная газета развития малого предпринимательства, «Бумеранг», молодежный журнал.

Такие уточняющие компоненты основного названия часто содержат элементы рекламы: «Медведь», настоящий мужской журнал. Ср. подобные надписи на продуктах: «настоящий русский вкус» (о майонезе «Провансаль»). Очевидно, можно говорить о рекламе как о мощном семиотическом факторе, действующем во всех областях, связанных с массовой культурой.

Показательны также разнообразные по своей тематико-адресной направленности приложения к газете «Аргументы и факты»: Дочки-матери, Семейный совет, Здоровье, Я — молодой, Жизнь и кошелек, Кот и пес и др.; тематические страницы газеты «Коммерсантъ»: Дом, Телеком, Банк, Комьютер, Туризм и др., которые возникли постепенно в качестве необходимых специализированных дополнений к основному изданию.

В социолингвистических исследованиях прессы советского периода поддерживался тезис о том, что структура прессы «соответствует структуре политической организации общества и... структуре основных читательских групп» [Лысакова 1990: 248]. Но если раньше в основу понятий «социальная группа» — «читательская группа» были положены **самые общие** (классовая, партийная, производственная, возрастная, половая, территориальная принадлежность) признаки, то теперь в дифференциации изданий преобладает тематический компонент и **ситуационные, ролевые** характеристики **более дробных** (малых, формальных / неформальных и др.) **социальных** групп читателей: потребитель-покупатель — газета «Покупатель» (газета рельного большинства нового времени); турист — журналы «Вояж», «Туризм и отдых»; член семьи — газета «Дочки-матери» и т. п.

Показательны в этом смысле названия новых журналов для женщин: Мир женщины, Каприз, Она, Лиза, Елена, Я и ты (ср. с названиями женских журналов в советский период: Крестьянка, Работница).

Более дробная дифференциация состава газетно-журнальной периодики является частично ответом на изменения в социально-ролевой, социально-статусной дифференциации общества.

Появление новых профессий (особенно это касается экономической области: дилер, брокер, маклер, риелтер и мн. др.) и изменение их веса, значимости в общественном развитии; выдвижение на первый план социального развития отдельных социальных групп («новые русские»: крупные, средние и мелкие предприниматели) — все это играет в этом процессе определенную роль.

Независимая, а точнее сказать, зависимая от читателя современная пресса, быстро реагирует на нужды потребителей информации. В русле процесса специализации изданий лежит процесс специализации внутри одной тематической группы, одного тематического направления газет.

Различия в характере тематической (социальной или профессиональной) специализации определяют и различия в языке: наборе типичных речевых жанров и словаре издания.

Соотношение специфика издания — набор жанров — специфика языка может служить основой для анализа активных языковых процессов, протекающих в сфере массовой коммуникации.

Рассмотрим эти процессы на примере современных журнальных изданий для молодежи.

Язык молодежной прессы

Новая установка прессы на живую речевую стихию социума с наибольшей полнотой проявляется в изданиях для молодежи. Язык данной социальной группы образует особую речевую подсистему со своими выразительными средствами и коммуникативными навыками. Эта подсистема, находящаяся **вне** литературного языка и имевшая до сих пор исключительно устную форму существования, включается в письменные тексты, в публичную коммуникацию. Все это, безусловно, оказывает давление на литературный язык и на представление носителей языка о литературной норме.

Обращает на себя внимание диалогизированность практически всех жанров молодежных изданий (прямые обращения к читателю, мена субъекта и объекта речи: реплики от лица читателя), в чем проявляется общая установка на **живое устное общение, разговорный язык**.

Тебе, конечно, ужасно стыдно *висеть на шее у предков*. Но никак не дает покоя вопрос: разве я, молодой и неопытный, кому-то нужен? Еще как нужен! Не веришь? Протри глаза и читай о том, что тебе *светит* (*«Башня»*, 1999, № 4, с. 26, аналитическая статья о поиске работы).

Ориентация на молодежного адресата, молодежную культуру, испытывающую интенсивное западное влияние, определяет и главные черты языка молодежной прессы: насыщенность **иноязычными заимствованиями** (большую часть которых составляет интержargon) и **молодежным жаргоном**.

Насыщенные текстов жаргоном и интержаргоном задано тематически и адресно. Большинство изданий (*«Бумеранг»*, *«COOL»*, *«Башня»*, *«Ом»*, *«Пульс»*, *«Ровесник»*) содержат стабильный тематический ряд: *видео, музыка, мода, спорт, мультимедиа, любовь*.

На первый взгляд, тематически обусловленное употребление иноязычной лексики и жаргона чрезвычайно характерно и для общих изданий, ориентированных на более широкого, массового читателя. Ср. пример из общеполитического издания:

Граффити стало визитной карточкой почти каждого мегаполиса. Альтернативный «стрит-арт» постепенно наводняет Москву... Как и любая более-менее закрытая тусовка, граффитчики общаются на специфическом жаргоне, заимствованном главным образом из нью-йоркского уличного

сленга. Например, себя они называют исключительно **«райтерами»** (от английского *writer* — ‘писать’), свои произведения — **«писами»** (от англ. *piece* — ‘кусок’), подчеркивая временность и фрагментарность уличного искусства. **«Бомбить»** — означает на скорую руку разукрасить пустую стену, увековечив там название своей команды, кличу или какой-нибудь **слоган** (*«АиФ»*, 2000, № 24, с. 22).

Однако статус жаргонного слова в молодежной прессе совершенно иной. В вышеприведенном тексте о граффити рассказывает носитель литературного языка, ориентированный на литературную норму. Употребление жаргонных слов носит здесь характер **цитат и вкраплений** из чужого словаря. И автором, и адресатом текста в молодежной прессе являются **носители жаргона** (по крайней мере, таков непременный речевой имидж адресанта текста). В молодежных изданиях идет **отталкивание от литературной нормы**, противопоставление общезыковому употреблению.

ПГ — мультимедийный проект, объединивший трех *персонажей* московской богемной тусовки... *Тухляк*, не звучит. Скажи еще товарищество артистов и музыкантов. Неформальное объединение молодежи, *блин*. На самом деле, **«ПГ»** — это **чисто** три пацана, совместная *туса* которых насчитывает как минимум два выпуска собственного журнала, два фестиваля рэгги и даб-музыки, клуб — книжный салон и один рэп-сингл. **ПГ** — самое интеллектуально насыщенное игровое преломление посткризисной социокультурной ситуации в России, наложенное на классическую для постмодерна рефлексию по поводу соотношения автора и текста. Отлично, I did it (*«Ом»*, 2001, № 52).

Автор создает стилистически **«многослойный»**, разнородный текст, переключаясь с современного молодежного сленга (*тухляк, туса...*) на подчеркнуто книжный язык (интеллектуально насыщенное игровое преломление...), апеллируя к прецедентным текстам советского периода (товарищество артистов и музыкантов, неформальное объединение молодежи).

Иным, чем в неспециализированной прессе, является в молодежной прессе и статус иноязычных заимствований. Можно говорить, скорее, об иноязычных вкраплениях, которые могут попеременно передаваться то латиницей, то средствами родного языка, кириллицей (*house* и *хаус* — название музыкального стиля; *all the fans of* и *фэн*, *фэн-клубы*). В молодежном языке и профессиональных жаргонах (устных языках) среди заимствований преобладают транскрипции, тогда как в письменных профессиональных языках — транслитерации. Характерно, например, что даже при наличии общезыкового заимствования *фанат* в молодежной прессе более употребительны варианты *фэн*, *фэн-клуб*. Подобный пример иноязычного вкрапления из устной речи девушки 23 лет, работающей фотомоделью: «Я не подхожу журналу по *стилю*» (хотя есть освоенное заимствование *стиль*).

Жаргонные употребления нормативны в этом типе текстов, поэтому они, как правило, не сопровождаются пояснениями или оговорками. Ср. рассказ об одном из стилей современной электронной танцевальной музыки:

HOUSE. Название этого любопытного стиля пошло от названия клуба «Warehouse», где впервые ди-джеи, которые микшировали музыку... с собственными ритмами, сделанными на *дром-машинке*, получили похожий *саунд* («Башня», 1999, № 4, с. 18).

Перевод жаргонного слова, тем не менее, и здесь бывает необходим в силу быстрого обновления жаргона и в силу значительной его **дифференцированности**. При большом количестве жаргонных употреблений такие слова обычно графически не выделяются и не поясняются в самом тексте:

Структура классического *хауса* весьма проста... На вторую и четвертую четверть обычно попадает «*сольник*» или *клеп*, на каждую шестнадцатую долю звучит *хэт* (в промежутке между *бас-бочкой*). *Хаусовые треки*, как правило, наполнены яркими и красивыми пассажами...

В таком случае текст сопровождается «словариком»:

Хэт — тарелка, получается звук типа тщ-тщ-тщ.

Сольник — барабан, ударник.

Клеп — хлопок.

Бас-бочка — дает основной ритм, типа бум-бум-бум (там же).

Многие молодежные издания содержат и постоянный жанр «словаря молодежного сленга»: рубрика «Я знаю три слова» в журнале «Ом», «Новодалевский словарь» в журнале «Башня» и др.

Ку-ку! Наши любимые неповторимые отпрыски нового поколения! Не давите на массу! Поднимите жалюзи и лукайт сюда! Если Вы не рубите фишку, поясню. Просыпайтесь, читайте и изучайте *«Новодалевский словарь»*. «Новодалевский словарь»? Что это? Отвечаю: это все самое свежее из мира молодежного сленга! Словечки типа «колбаситься, тусоваться, прискорбно» — это уже каменный век!!! А в наш *«Новодалевский»* мы собираем только то, что вылетело в массы или только готовится к полету.

Обкашивать — обсуждать

Печень — заморочка

Доить самовар — просить деньги у отца

Фермент — милиционер

Дрэж — некачественная вещь

Закаталка — любимая группа... («Башня», 1999, № 4, с. 8).

Не переоценивая роль прессы в тиражировании жаргона подобным способом, можно предположить, что определенные коррективы в использовании жаргона такие жанры могут вносить.

Отмеченная выше особенность молодежного жаргона — **дифференцированность** — отражает большую дробность молодежных субкультур, отличающихся мировоззрением, стилем одежды и особенностями языка. Пресса выступает в качестве популяризатора этих мини-культур и языков соответствующих малых социальных групп.

Здравствуй, дружок! Сегодня ночью мы с тобой пойдем гулять в Интернет. Возьми еды на два дня, кружку-ложку-миску-нож (КЛМН), дубину поувесистее. Мы идем тусоваться! ...Даю тебе адреса интернет-тусовок (по науке, «субкультура»). Там обитают странные люди, туда и оттуда ведут нетоптаные линии... Попутно я кратко расскажу тебе, что за штука та или иная субкультура.

Рейверы — разноцветные поклонники современной киберкультуры. Те, которые называются «продвинутыми». Аполитичны, терпимы. Собираются в танцклубах или на специальных масстусовках-рейвах. Исповедуют культ ди-джеев — людей, которые могут из чужой музыки сверстать свою.

Растаманы — фанаты музыки реггей. Заплетают волосы в косички-дресы. А в косичках — косячки...

Кельты — «косят» под древних шотландцев и ирландцев. Собирают нехилые тусовки в Москве, по несколько тысяч человек...

Экстремалы — любят крайности во всем...

Толкиенисты — смешные поклонники жанра «фэнтези». Бегают с дрынами наперевес и лупят ими друг друга... (Тайные тропы И-нета. Виртуальные братства // «Башня», 1999, № 4, с. 28).

Обращает на себя внимание характер употребления кавычек: для выделения названий (*фэнтези*), слов из чужого словаря (термин «субкультура»). Однако для читателя, не являющегося носителем молодежного жаргона, остается непонятным, кажется непоследовательным выделение некоторых «известных» жаргонных слов (*«косить» под...*).

Подводя итог краткого очерка языка молодежной прессы, необходимо упомянуть еще одну его составляющую: интернет-жаргон и полупрофессиональный язык массовых пользователей компьютером. Эти языки также обогащают словарь молодежной прессы целыми пластами лексики. Влияние компьютерной коммуникации сказывается и на **композиционно-содержательных параметрах** журнального текста.

Мы имеем в виду построение журнального текста по модели «компьютерного». Такой новый тип текстовой организации освоен в ряде молодежных журналов («Башня», «Бумеранг», «Ом», «Ровесник»). Например:

Полеты во сне и наяву.

Возраст: после 15 лет.

Противотоказания: человек, который вознамерился прыгать с парашютом, обязательно должен быть физически здоровым и не тормозным.

Прайс: от 250 до 2100 р.

Лайкбез: в аэроклубе новичкам предлагают четыре способа совершить подвиг (читай — сигануть вниз с парашютом).

Первый способ — самый популярный — прыжок с высоты 800 метров на «дубе» (десантном круглом парашюте)...

Страшное: на 70 тысяч прыжков с парашютом — одна смерть... («Башня», 1999, № 4).

В тексте присутствует тезисное выделение микротем, упрощены или опущены привычные языковые средства для выражения логико-смысловых связей.

Организация содержания по «тезисному» типу позволяет выделять отдельные тематические блоки и одновременно связывать их в единый текст. Однако этот принцип провоцирует автора к тому, чтобы не устанавливать логико-смысловые связи между тематическими блоками, а это ведет к нарушению / разрушению смысловой структуры текста:

5 шагов к успеху.

- Сделать свою жизнь более комфортной в мелочах.
- Позаботиться о сохранности своих финансов.
- Проявить дизайнерский изыск.
- Быть максимально информированным.
- Обратить внимание на вегетарианскую кухню («Ом», 2001, № 52).

Безусловно, читатель остается в неведении относительно того, как связаны «вегетарианская кухня, дизайнерский изыск и максимальная информированность». Однако рассмотренный нами тип текста, воспринятый из компьютерной коммуникации, используется в молодежной прессе как нормативный.

Таким образом, можно сказать, что в узусе изменяются наиболее фундаментальные свойства текста, такие как цельность и связность.

Активные процессы в языке и массовая коммуникация

Исследование социальной дифференциации русского языка, по нашему мнению, не сводится к изучению специфики отдельных его подсистем, но, напротив, предполагает построение типологии русского языка в целом. Построение внутренней типологии русской речи возможно не только с точки зрения социально-функциональной дифференциации, как это принято, но и с других, «объединяющих» точек зрения. Такой точкой зрения может служить **языковая личность**, владеющая, как правило, сразу несколькими вариантами русской речи [Гольдин 1998]. Такой точкой зрения может быть и отдельная речевая сфера, которая типологически ориентирована на свободное использование языковых средств из других функционально-речевых сфер и служит своеобразным связующим звеном между ними. В силу этого она оказывает большое влияние на развитие русского языка в целом. Мы имеем в виду сферу массовой коммуникации.

Пространство массовой коммуникации: ТВ, радио, прессы, отчасти Интернет — является той средой, в которой **объединяется** и перемешивается множество речевых потоков из различных подсистем языка, где, собственно, протекают активные процессы, влияющие на состояние литературного языка в целом. Наиболее важные из них: освоение языковым коллективом иноязычных заимствований, популяризация экономической, политической и др. терминологии; заимствование языковых элементов (и коммуникативных навыков) из социальных и профессиональных жаргонов и их переход в литературный язык (публичную сферу общения).

1. Освоение и популяризация терминологии

Использование терминологии связано с целым набором лингвистических проблем: соотношение профессиональной терминологии и профессионального жаргона, специальной лексики и общеупотребительных слов, исконной лексики и иноязычных заимствований.

Особый интерес представляет вопрос о соотношении между словом-термином и словом обиходного языка. «Так, например, была проведена серия исследований, сопоставляющих частоту употребления слов в тексте и их лексические характеристики: у терминологической лексики в области высоких частот замедляется рост полисемии, синонимии и увеличивается деривация или рост сложных слов; у нетерминологической лексики тенденция обратная» ([Королев и др. 1984], цит. по [Нikitina 1987: 27]). Очевидно, что, попадая в новую сферу употребления, слово-термин изменяет свои привычные семантические, словообразовательные, морфологические характеристики. Детерминологизация специального слова, как правило, связана с ростом полисемии, синонимии и деривации.

Кроме того, для современного литературного языка актуальна проблема использования терминов **разными социальными группами** говорящих. Существенным в этой связи представляется тезис о том, что типологическую значимость получают частные речевые явления, рассмотренные на материале русского языка **в целом** [Гольдин 1998].

Носитель литературного языка и носитель просторечия принципиально по-разному используют терминологию и иноязычные слова. «Для внутренней типологии существенно, что есть и такие языковые состояния русского языка, в которых заимствованная лексика имеется, но не осознается как иноязычная, не образует отдельной категории. Таково ее положение в традиционной деревенской культуре. В ней эта лексика... входит наряду с собственно русскими недиалектными словами в категорию „городских слов“, и это приводит к совершенно особому ее функционированию... (Я своих кур аннулировала; Когда раскулачивали... и церковь, значит, так ее... ну... атрофировали что-ли)» [Гольдин 1998: 31–32].

Для носителя просторечия-1 характерна и противоположная коммуникативная стратегия замены «чужого» слова-термина понятной, адекватной языковой единицей. Ср. в разговоре по телефону: *Ой, уже пикает. Счас я телефон подкормлю.* На электричество ставлю, подпитываю (ставит трубку на базу).

Подобные семантические трансформации терминов наблюдаются и в других речевых разновидностях русского языка: массовой коммуникации, бытовом городском дискурсе.

1.1. Освоение терминологии массовым адресатом

Причина ввода слова-термина в публичную коммуникацию или бытовой дискурс не всегда отвечает потребностям прямой номинации, но может быть связана с престижностью термина, его стилистической выделенностью в речи. Особенно это характерно для жанра рекламы, где термины играют роль эвфемизмов или выступают в стилистической функции привлечения внимания.

Ср. нагнетание «научных» слов в тексте, который составлен автором, не владеющим литературной нормой:

Лучший целитель РФ. Доктор энергоинформационных наук, кандидат психологических наук, профессор. Разиф Шайхтдинов лечит опухоль, болезни души, сердца, брюшной полости, суставы, камни, сосуды, зрение, слух, алкоголизм, кровь (рак), мужскую слабость, нервы... Награжден орденом Святого Георгия... (газета «Все для вас», 12 октября 1998 г., № 41).

Нарушение грамматической нормы, неправильное глагольное управление, ложный синонимический ряд и другие языковые ошибки свидетельствуют о характере языковой и профессиональной компетентности автора текста.

Что можно увидеть на обычном прилавке? Ну конечно, «экологически чистую водку». ...Может быть, она как-то благотворно участует во «взаимосвязи между организмами и окружающей их средой»? Клянусь, я видел рекламу «экологически чистых» нефтепродуктов. ...Не буду томить читателя. В нашей стране экологически чистый продукт — *ничего не значащее слово-сочетание*... Фраза об экологической чистоте приведена лишь для заманивания покупателя модной терминологией, ничего не стоит производителю и не накладывает на него никаких обязанностей (газета «Покупатель», октябрь 1997 г., № 18).

Особенностью современного дискурса можно назвать большую проницаемость отдельных его областей, например: сфера делового общения ⇒ массовая коммуникация ⇒ бытовое общение, политический дискурс ⇒ бытовой дискурс.

Следствием этого является частичная детерминологизация терминов, обрастание их коннотациями, образное переосмысление.

Примеры:

Агент, подключение на завершающем этапе (операции), подставить грудь под ордена, награды. Не кто произведет продукт, а кто его *приватизирует, присвоит* (Ю. Швец, ТВ, «Совершенно секретно», 24 февраля 1996 г.).

В бытовом общении: *Можно у тебя ручку приватизировать?* (взять на время).

На таких встречах страна выступает в *ограниченном формате* (в ограниченном составе делегации?) (Е. Пискунов, ТВ, Вести, 3 октября 1998 г.); Изменим привычный *формат* (порядок?)... дискуссий (Е. Киселев, ТВ, Глас народа, 17 декабря 1999 г.); Передача выходит в *новом формате* (неясно значение слова); Менее чем за сутки до подписания [контракта] И. Клейбанов заявил, что *формат контракта* по подъему подлодки может быть полностью изменен (Россия подписала другой контракт, с другими партнерами) (ТВ, «Время», 17 мая 2001 г.).

Очевидно, что *политическая* ориентация оказывает заметное влияние на язык «общеполитических» и специализированных изданий. Прокоммунистическая, а также национал-патриотическая направленность части прессы *сдерживает* проникновение языковых новаций, живой фактуры языка в тексты МК. При этом стилистически нейтральные слова подвергаются идеологизации, обрастают политическими коннотациями, употребляясь преимущественно в отрицательных контекстах: *предательский «имидж» Горбачева, комиссар приватизации* (о Чубайсе), отец *ваучеризации*, таблетки от *приватизации, популистские лжеформы, финансовые* воротилы (об олигархах), *дешевая пиаровая агитация*.

Пример из речи другого политика:

В результате этой *дикий приватизации*, лично я ее называю *преступной*... (Ю. Лужков, выступление на митинге, ТВ, «Зеркало», 7 ноября 1999 г.).

Примеры из недемократической прессы:

Отечественные и заезжие спекулянты и ростовщики, которым прилепили благозвучный титул *инвесторов* («Позиция», 28 октября 1999 г., № 14);

Демократическая пресса использует интеллигентный термин *девальвационная политика*, реформаторы-центристы нашли благозвучные термины типа *изъятие сбережений* или даже (о смелость!) — *конфискация*. Мне же лично больше нравится простое русское слово — *ВОРОВСТВО!* («Советская Россия», 21 сентября 1993 г.). Попутно отметим, что в демократической прессе термин *девальвационная политика* употребляется скорее как

прямая номинация, а автор приведенного газетного текста воспринимает его как эвфемизм.

Действительно, такова частотная функция терминологии в сфере массовой коммуникации:

У граждан, как сейчас говорят, усилились *инфляционные ожидания* (речь идет об ажиотажном спросе на валюту; ТВ, информационный выпуск, 5 августа 1999 г.).

Широко употреблялся также эвфемизм «либерализация цен» (повышение цен).

Другой пример отрицательного контекста для нейтрального термина:

Еще одной *корумпкой* для «торгующих в науке» является возможность распределять *гранты* (государственные субсидии для проведения научных работ). Конкурсом здесь и не пахнет. *Гранты* выделяются не столько под интересные работы, сколько нужным людям. Получивший *грант*, например, должен либо просто перечислить «дозу» денег в подразделение благодетеля..., либо приобрести в малом предприятии «совершенно нужное» оборудование («Русский порядок» (газета Русского Национального Единства), 1992, № 1, с. 5–6).

Тексты подобных изданий остаются в русле прежней стилистической традиции, новое содержание оформляется в них через старые политические клише. Ср.:

Сейчас создается *движение под лозунгом «Покупайте российские товары!»*. *Наши люди* уже вдоволь наелись импортной колбасы и «ножек Буша». Так будет и с *промышленными товарами*. По крайней мере, за *нашу продукцию* я отвечаю. Вот видите — стоит «Золотой глобус». Его мы получили в Дании за *высокое качество продукции* («Московский железнодорожник», 28 марта 1998 г., № 12, с. 11).

Упоминание о новых реалиях *ножки Буша* оформлено в старых языковых формах: номинализация, характерная для прежнего языка публистики, старые клише: *движение под лозунгом, промышленные товары, российские товары, наша продукция, высокое качество продукции*.

Другой пример:

Нашу страну буквально забросали *заморскими* окорочками по демпинговым ценам. *Перефразируя Некрасова*, можно сказать: *назови мне такого обитателя, где бы русский мужик не торговал окороками Буша*. А окорочка эти мороженые-перемороженые... В Белгород в конце 1995 года поступили окорочки, замороженные еще... в 1964 году. В Москве «ножки Буша» продавались посвежее («Калининградская правда», 23 января 1996 г., с. 3).

Погружение актуального термина в «архаизированную» стилистическую среду, использование особых ключевых слов и прецедентных текстов,

далеких от современности при обсуждении актуальных вопросов чрезвычайно характерно для прессы недемократической ориентации.

Следует отметить, что изменилась и общая стилистическая функция профессионального и иноязычного слова в текстах массовой коммуникации. В 70-е годы В. Г. Костомаровым была отмечена достаточно внешняя, *изобразительно-конструктивная* роль терминов и иноязычных слов, искусственно привлекаемых в тексты публистики журналистами для создания экспрессивного эффекта путем чередования стандарта и экспрессии [Костомаров 1971: 108–155]. Сегодня тот же общий журналистский прием активизирован, но он реализуется на основе параллельных контрастных именований, идущих от различных стандартов, реально *существующих в самом языке*. Имеет место скорее перевод с одного «языка» на другой, постоянное переключение кода. Ср. примеры из узуса 60-х и современные примеры:

«Брейн-дрейн» — «утечка мозгов». Этот английский термин в последнее время часто можно встретить на страницах газет («Медицинская газета», 19 июня 1964 г.);

Та страна, что обеспечит у себя наивысший потенциал, окажется, как говорят математики, по всем параметрам впереди («Литературная газета», 1968, № 9);

В последнее время *телефонное пиратство*, или, как говорят специалисты, *несанкционированное подключение*, приняло такие масштабы... («АиФ», 2000, № 8);

Премьер-министр В. Черномырдин говорит о необходимости «создать бюджет развития». Ведущий теленовостей суммирует содержание его выступления следующим образом:

Все деньги собрать в одном месте и направить на *раскрутку экономики* (ТВ, информационный выпуск, 10 декабря 1996 г.);

Мы прошли не просто экзамен, *чистилище*, через плотные слои атмосферы (о выборах мэра) (Е. Строев, НТВ, «Сегодня», 29 декабря 1999 г.);

Крупнейшему российскому *нефтетрейдеру* — ОАО «Нафта-Москва» исполнилось 70 лет. В советское время эта компания называлась «Союзнефтеэкспорт»... Представьте себе уровень *логистики* при таком обороте — сотни танкеров, миллионы кубометров *складских помещений*, тысячи зарубежных *контрагентов*, десятки *транзакций* («Коммерсантъ», 20 апреля 2001 г.).

Профессионализмы свободно включаются в текст, отражая реально существующие в речи носителей языка стилевые переключения.

1.2. Освоение терминологии профессиональным адресатом

Актуальность процесса освоения новой терминологии связана с тем, что в настоящее время существенно расширена *социальная база* носителей

русского литературного языка (и носителей просторечия-2), приобретающих профессии юриста, экономиста, бухгалтера, программиста, риелтера, менеджера и др.

Существенно возросло и количество профессионально ориентированных печатных изданий. Например, с 1990-х годов начинает издаваться газета «Бизнес и банки», с 1991 — «Бизнес для всех». В газете «Бизнес и банки» преобладает официально-деловая информация. Большую часть газеты занимают тексты нормативных актов и других документов. Подчиненную роль играют аналитические статьи профессиональных юристов и официальные выступления крупных государственных чиновников.

В газете «Бизнес для всех» (ежедневная газета развития малого предпринимательства) другая тематическая доминанта, охватывающая не только профессиональное поле деятельности (например, инфляция, инвестиции, банкротство), но и личную сферу человека. Например, бизнес-курс, одна из постоянных рубрик, ведется парапсихологом. Профессиональные навыки в бизнесе понимаются здесь прежде всего как «развитие внутренней силы для достижения успеха». «Личностная» ориентация газеты проявляется в соответствующих речевых жанрах: практических советах, ответах на вопросы, юридических консультациях. Этому соответствует разговорный вариант литературного языка, который в определенной мере представлен в издании.

Заметное место занимают в газете и вопросы популяризации экономической терминологии. Приведем пример:

Деловой словарь наших коммерсантов сравнительно недавно пополнился еще одним заморским термином — *мерчендейзинг* (*Мерчендейзинг: борьба за покупателя* // «Бизнес для всех», 1998, № 6, с. 15).

Статья посвящена новому виду профессиональной деятельности, который еще не нашел адекватного выражения в русском языке: комплекс мероприятий по стимулированию розничных продаж, реклама товара на месте. Специализированные газетные издания такого типа фиксируют самую первую ступень освоения иноязычного профессионального слова массовым читателем, принадлежащим к данной социальной группе.

С точки зрения общей языковой специфики профессионально ориентированная пресса, с одной стороны, и пресса, адресованная массовому читателю, с другой, резко различаются по признаку *гомогенности / гетерогенности* языковых элементов текста. Понятно, что специальные издания в целом очень гомогенны по своему языку. Ценное наблюдение приводит В. Костомаров: «Проведенные недостаточно строгие эксперименты показали, что в газете невозможны тексты с повторением элемента с одним знаком маркировки более пяти раз подряд — они признаются „негазетными“» [Костомаров 1971: 148]. Интересно было бы проверить эти данные на современном материале.

Примером издания, находящегося на границе специализированной и общепопулярной прессы, может служить аналитический еженедельник «Коммерсантъ». Для него характерны объемные аналитические статьи и обзоры по различным экономическим и финансовым вопросам. Примеры типичных названий рубрик: «Модель инвестиционного портфеля», «Все цены недели», «Рейтинг финансовых инструментов» и т. п. Язык издания в целом тяготеет к сфере делового общения, насыщен экономическими терминами и иноязычными заимствованиями. Однородность языковой фактуры текста задана темой и адресатом издания. Однако она может нарушаться в силу принадлежности текста к сфере массовой коммуникации. Достаточно регулярно в определенные компоненты текста: заголовок, начало, конец — вводятся экспрессивные, стилистически выделенные элементы, что соответствует принципу повышенной дискретности восприятия текста в сфере массовой коммуникации.

Вот как открывается серьезная статья, анализирующая компьютерный рынок:

Главный, основополагающий компонент *компьютерного железа*, который диктует принципы построения всей архитектуры компьютера, это микропроцессор («Коммерсантъ», 20 декабря 1994 г., № 48).

Сугубо книжные языковые средства *основополагающий компонент, принцип построения, архитектура компьютера* соседствуют с профессиональным жаргонизмом *компьютерное железо*. Текст начинается с намеренного стилистического сбоя, контраста, что, по-видимому, играет роль привлечения внимания, разрушения автоматизма восприятия информации.

Ср. также образные заголовки чисто информационных, профессионально ориентированных статей из журнала LAN (журнал для профессиональных и массовых пользователей компьютером): *Как загнать виртуальных волков за флаги* (о мерах по защите от мобильного кода); *Лекарства; Затяжной прыжок. Скоро на посадку?* и т. п. Принцип: стилистический контраст заголовка и текста носит преобладающий характер в специальной прессе, адресованной массовому читателю.

Следует отметить, что общеполитические издания также играют заметную роль в популяризации терминологии, связанной с политикой и бизнесом (различные области экономики, компьютерной техники и новых технологий). Можно сказать, что активность иноязычного массива такой терминологии потребовала от газеты создания соответствующих жанровых форм, специально предназначенных для выражения регулярно возникающей в дискурсе макротемы «новое явление — новое слово», темы, постоянно меняющей свое конкретное наполнение.

Среди обязательных содержательных характеристик текстов такого типа следует выделить *двойственность* способа подачи (введения) слова-термина: терминологическое толкование — свободное словоупотребление /

специальное значение — обиходное значение / исходное значение — новое значение / прямое / образное значение.

Ср. выдержки из статьи «Клонирование бизнеса (азбука предпринимательства)» из общеполитической газеты:

Франчайзинг — форма продолжительного делового сотрудничества, в процессе которого крупная компания представляет индивидуальному предпринимателю... лицензию на производство продукции, торговлю товарами или предоставление услуг под торговой маркой данной компании... (дается профессиональное толкование). Суть франчайзинга заключается в том, что в обмен на преимущества от проверенной на деле концепции ведения бизнеса... покупатель франчайза делится с продавцом (франчайзором) частью своей прибыли... Франчайзор передает также партнеру готовую «нишу» на рынке... (объясняется, конкретизируется значение иноязычного слова-термина) («Калининградская правда», 12 февраля 2000 г.).

В обязательные композиционно-содержательные характеристики текста-популяризатора можно включить многократный, но стилистически разно-плановый ввод термина. Ср. азбука предпринимательства, форма продолжительного делового сотрудничества, клонирование бизнеса. Он используется и в качестве прямого толкования, и в качестве основы для образного переосмыслиния. Как правило, в тексте даются профессиональная дефиниция, «обиходное» значение, историческая справка. Об этом также [Китайгородская 1996: 216].

Франчайзинг как вид малого предпринимательства широко распространен в США и Канаде, Европе и Азии...

В России по франчайзингу работают такие известные торговые марки, как «Баскин Роббинс», «Ксерокс»...

В Королеве также появились первые предприятия-франчайзи...

До сих пор франчайзинговые компании преимущественно сконцентрированы в Москве...

При этом слово предстает в различном морфологическом облике и в различном лексическом окружении, опробуются варианты сочетаемости и дериваты слова. Ср.: *франчайзинг*, *франчайз*, *франчайзор*, *франчайзинговый*, *предприятия-франчайзи*, *работать по франчайзингу*.

В целом и специальные, и общеполитические издания активно способствуют распространению и усвоению новой терминологии массовым читателем определенных социальных групп.

2. Освоение новых иноязычных заимствований

Иноязычные новации в русском языке последнего десятилетия — яркая примета времени.

Достаточно продолжительная по времени интенсификация процесса иноязычных заимствований в русском языке привела к заметному пополнению словаря носителей русского языка иноязычной лексикой (особенно английского происхождения). Это явление уже нашло свое отражение в ряде работ. См., например, [Данин 1998; Костомаров 1994; Крысин 1996а; Тимофеева 1992].

Наиболее общие языковые и социально-психологические причины, способствующие усвоению иноязычной лексики различными подсистемами языка, выявлены с достаточной полнотой. См., например, [Комлев 1992; Крысин 1996а: 146—155].

Неоднократно отмечалась исследователями и роль СМИ как инициаторов и активных проводников иноязычных заимствований. Тексты СМИ не только отражают речевую практику многих социальных групп говорящего коллектива, но и отчасти формируют состав активного словаря социума, тиражируют новые иноязычные заимствования и способствуют их адаптации в языке.

Относительно высокая проницаемость различных, в том числе «далеких», подсистем языка (политический дискурс — бытовой дискурс — социальные жаргоны — профессиональные жаргоны) определяет высокую скорость сменяемости языковых средств, циркулирующих в СМИ.

В силу политизированности обыденного общения иноязычные новации нередко проникают и в бытовой дискурс. Однако употребление иноязычных заимствований ограничено здесь особыми коммуникативными условиями. Их использование в бытовой речи может приводить к коммуникативным неудачам или может быть коммуникативно неоправданным. Ср. разговор нескольких пенсионеров, случайно собравшихся вместе у дверей магазина:

- A. Да / Лужков в Москве / пенсионерам все делает //
- B. Вот-вот? [во-во] / пенсию / повышает и повышает // А мы //
- B. У него / **характер** такая //
- B. (явно не понимая предыдущей реплики) Угу / он по-настоящему Лужман / а не Лужков // фамилию себе переделал //

Использование иноязычных заимствований, принадлежащих обычно к сфере официального делового общения, в бытовой речи стилистически маркировано. Ср. бытовой диалог по телефону между мужем и женой:

- A. Ты ее заберешь? У нее курсы сегодня //
- B. Не / не могу / у меня (нрзбр.) //
- A. Да / интересно / а как она поедет?
- B. Очень просто / **на муниципальном транспорте** //
- A. (кладет трубку, с возмущением) Это надо / так сказать / **на муниципальном транспорте!**

Наибольшую отрицательную эмоциональную реакцию вызвало выражение **на муниципальном транспорте** (вместо ожидаемого *маршрутка, автобус*), ставшее центром лингвистического выражения возникшего конфликта.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что многие заимствования не успевают осваиваться массовым читателем:

За что нас называют **электоратом**? Мне лично очень обидно, когда нас политики называют электоратом, тем более не знаю, что это такое («Комсомольская правда», 31 мая 1996 г., с. 7).

Употребление слова в публичной речи связано с приобретением коннотаций, которые нередко эксплицируются говорящими: «**электорат — это народ одноразового использования**». Слово расширяет контекстную прокрепленность:

Если **элитарная** часть московской оперной публики еще грезит новыми постановочными «измами», то **основной электорат опера** все же предпочитает «костюмный театр» («АиФ», 2001, № 10).

В данном контексте слово **электорат** приобретает значение «массовая публика», «массовый зритель». Происходит трансформация значения *круг избирателей — круг зрителей*, актуализируется сема 'массовость'. «Массовый» зритель (электорат) противопоставляется «элитарной» части публики.

Существуют и определенные коммуникативные и стилистические особенности использования новых иноязычных слов в СМИ.

В узусе существуют две противоположные тенденции: отталкивание от иноязычного слова и принятие его. Примеры из речи представителей интеллигенции одного поколения. Актриса Т. Доронина:

Любая сосредоточенность делает тебя **фанатом**. Я **фанат** («600 секунд», 13 июня 1991 г.).

Другое отношение к заимствованиям, дистанция в их использовании (это слова из чужого лексикона) в речи актрисы Л. Смирновой:

Сейчас принято магазин называть **шоп**, универсальный магазин — **супермаркет**, а репутацию — **имидж**. Так вот, **имидж** у меня всегда будет один. Такой, как сейчас (ТВ, «Культура», 7 января 2001 г.).

Тема иноязычных заимствований традиционно является дискуссионной. Приятие или неприятие иноязычного слова связано, во-первых, с общими концептуальными установками носителей языка. Понятно, что часть языкового коллектива, настроенная против западного влияния, в целом отрицательно относится и к иноязычным заимствованиям, особенно в пору интенсификации этого процесса. Показательны высказывания Г. Селезнева — **спикера Госдумы** (представителя фракции КПРФ):

В Российской государстве нет сенаторов и нет сената. Поэтому давайте проводить... сверенную лингвистическую политику. Как нет **спикера**, а есть **председатель** (ТВ, «Вести», 19 мая 1999 г.).

Другая особенность употребления современных иноязычных заимствований состоит в том, что они сталкиваются с новыми заимствованиями из различных подсистем русского языка (**мэр** и **градоначальник**, **глава города**). При этом в числе **ключевых номинаций эпохи**, представленных в текстах масс-медиа, оказываются крайне разнородные языковые ресурсы, тяготеющие как к «высокому», так и к «сниженному» стилистическим полюсам: иноязычные заимствования, заимствования из пассивного словарного фонда языка, жаргоны и просторечие.

Новых **полпредов** [полномочных представителей президента] сразу стали называть **генерал-губернаторами**. Они будут выполнять, как говорилось в России, роль государева ока... Оппоненты Кремля уже окрестили институт полпредов **семибоярщиной** (ОРТ, «Новости», 21 мая 2000 г.).

Симптоматичны для нашего времени ошибки и неточности в употреблении названий из «лексикона власти», что отражает как нечеткость связей структур власти по вертикали и по горизонтали, так и вариативность, нечеткость самих номинаций. Например, мэра Ю. Лужкова в прессе называют и **мэром**, и **губернатором**, зафиксированы номинации типа **мэр Ставрополя** (т. е. руководитель региона), не различаются названия должности **первый вице-губернатор** и **губернатор**, как синонимичные употребляются **префект** и **губернатор** и т. п. [Поспелова 2000: 42—43]. Факты подобного рода говорят о неустойчивости, неполной оформленности современного «лексикона власти». Множественность существующих номинаций препятствует их четкой референтной прикрепленности, необходимой для данной тематической группы слов.

Носители языка остро ощущают эту языковую разнофактурность, отсутствие определенного строя, стилистической гармоничности современной речи. Иноязычные заимствования, употребляясь вне сферы делового общения, становятся маркированными единицами, обрастают идеологическими коннотациями, воспринимаются нередко как факты концептуальной (политической), социальной и собственно языковой, фонетической чуждости русскому языку. Ср.:

Речь наша **колониальной делается** — как говорят сведущие люди, **интенсивная вестернизация** началась. Русский язык не то чтобы английским становится, но вроде того — энглизированным, по-научному выражаясь. И сочетается этот процесс самым курьезным образом с квасной патристической дурью. Смешение английского с нижегородским выходит. Толковище народных избранников, к примеру. Думай себя нарекло. Старинное слово, кондовоное, Иваном Грозным пахнувшее. Ну, а кто же в Думе дела вел, бумаги держал — неужто спикер? Окститесь, думный дьяк, вот кто.

Поэтому (...) Селезнева с его светлыми коммунистическими идеалами надо назвать — главный думный дьяк. А если покороче — главдумдьяк. Еще короче главдьяк. В Федеральном Собрании тоже не надо никакого спикера — там должен быть предводитель Собрания (...)

И так — до самого низа. Вместо главы областной администрации — воевода. Воевода Московской области Аиатолий Тяжлов — звучит. Вместо мэра — городничий. Или градоначальник. В селе — староста. Кстати, во многих селах он уже есть. *Не поддается, значит, деревенский народ этой самой вестернизации*, не то командовал бы им эсквайр какой-нибудь, прости Господи! (...) По нашему все, по-русски. А то изобрели какую-то *фыркающую парфюмерную должность* — префект... (А на топталище путаны тусовались // «Неделя в Подлипках», 25 января 1996 г.).

Сравните экспликацию основного значения и коннотаций у нового заимствования:

Пиармен — политический технолог, специалист по *грязным* предвыборным технологиям (аудитория о Г. Павловском), сценарист с задатками режиссера (Г. Павловский о себе) (НТВ, «Глас народа», 21 декабря 1999 г.). Буквально пару номеров назад вы говорили о том, как нехорошо заниматься «*черным пиаром*», и вот в субботу... читаю в «Коммерсанте»: 13 центральных СМИ *опубликовали дезинформацию за деньги*. В *грязном* списке есть и АиФ («АиФ», 2001, № 9). Это *чистые пиарщики, компроматная разборка*. Кампания, в которой *используются все аргументы*. Команда пиарщиков, *черного пиара* [стремящаяся] на *определенной теме повысить популярность* (ТВ, «Большая политика», 24 марта 2001 г.). Это так называемый «*черный*» адвокатский *пиар*, с помощью которого будируется общественное мнение в пользу обвиняемых («АиФ», 2001, № 10).

Употребление новых иноязычных слов в СМИ способствует процессам фонетической, грамматической и семантической адаптации этих слов в языке.

Семантическая адаптация иноязычных заимствований, протекающая в сфере массовой коммуникации, связана обычно с изменением объема понятия и с развитием переносного значения слова.

В Московском институте вирусологии им. Ивановского есть музей, в котором собрана Государственная коллекция вирусов. Здесь живут самые знаменитые «киллеры», способные за считанные дни уничтожить все человечество («Киллеры» из колбы) // «АиФ», 2000, № 45).

Словарное значение слова *киллер* — профессиональный, наемный убийца — варьируется в различных контекстах по параметру «конкретное — абстрактное». Например, в данном контексте сравнительно легко восстанавливается общее значение — 'убийца', происходит расширение объема понятия, которое приобретает новое конкретное наполнение: 'смертельный вирус'.

Наряду с общезыковой тенденцией к дифференциации понятий посредством нового иноязычного заимствования (таковы, например, пары *фанат — поклонник*, *электорат — избиратели*, *шоумен — телеведущий*, *second hand — комиссионный магазин*) в текстах масс-медиа действует и противоположная тенденция — к обобщению значения, что обычно является следствием смены тематической прикрепленности и функциональной сферы бытования слова в языке (например, терминосистема — общеупотребительные слова).

Быстрая сменяемость ключевых номинаций эпохи, в числе которых велика доля иноязычных заимствований, способствует тому, что у носителей языка активизируется механизм метаязыковой рефлексии, в частности, в высказываниях о значении и употреблении иноязычных слов:

То, что на Западе называется *шоумен*, то у нас — *массовик-затейник*... *Шоу* — это оттуда приехало *шоу*, а у нас — *балаган*. *Балаганмен* звучит не так, но тем не менее... импровизация, актер... У нас дикое количество *шоуменов* на телевидении, но зарплата у них, как у *массовиков-затейников* (Л. Ярмольник, актер и телеведущий программы «Звездный час», ОРТ, 24 февраля 1996 г.).

Многие модные слова, оказавшись в фокусе общественного внимания, образуют переносное значение. Примеры: *виртуальная партия* (о неожиданной победе на выборах малоизвестного блока «Единство»), *клонирование бизнеса* (вид делового сотрудничества, «распространение» бизнеса), *конвертировать политический вес в финансы, принести инвесторам имиджевые дивиденды*.

То, что произошло с СПС, — это *конвертация* комфорта в эффективность. Кстати, у Путина похожие проблемы. Ему надо *конвертировать* любовь избирателей в дело. Тяжелая проблема («АиФ», 2001, № 24).

Зафиксированное в начале 90-х годов новое заимствование *имидж*, имевшее значительно более специфичное значение по сравнению с русским соответствием *образ*, *облик*, сегодня употребляется расширительно, не только по отношению к человеку:

обновление *режима* с точки зрения *имиджа* (НТВ, «Глас народа», 21 декабря 1999 г.), изменить *имидж* своего *города* (НТВ, «Сегодня», 27 мая 2000 г.), создание *имиджа России* за рубежом; подорвать *имидж России* (ТВ, новости).

Данные социолингвистического опроса, проведенного среди школьников и студентов 16–18 лет, показывают, что развитие значения слова в данной социальной группе идет в двух направлениях: внешние черты (*имидж — стиль одежды*) и внутренний облик человека, образ мышления, образ жизни. В речи других социальных групп отмечается большая по сравнению со словарной дефиницией прагматизация значения, введение

в структуру значения важного оценочного семантического компонента: «искусственно создаваемый образ человека, образ, не соответствующий действительности». «Имидж — образ человека, создаваемый искусственно, может меняться в связи с обстоятельствами» (подробнее об этом в гл. 5). Подобный пример из речи политика:

Слово «имидж» для меня — синоним русского слова «приворство» (Б. Немцов, ТВ, «Ночное радио», 31 января 1999 г.).

Подобное изменение значения наблюдается у слова *спонсор* при перенесении употребления из сферы общественных отношений в семейную, бытовую сферу:

Мужчина, 53/167/67, для брака женщину, русскую, некурящую... Сам без жил. проблем, автолюбитель, *не спонсор* (объявление о знакомстве через газету).

Ср. также разговор подруг: «Зачем тебе муж, *спонсера* найди» (мужчину, который будет содержать семью).

Все девчонки мечтали *выйти замуж за деньги*. Называли это по-другому: найти *спонсера* (ОРГ, «Моя семья», 24 марта 2001 г.).

Интересна судьба слова *киндерсюрприз* (название шоколадного яйца с сюрпризом — игрушкой для детей), которое узально использовалось в качестве прозвища для политика С. Кириенко, неожиданно назначенного Б. Ельциным премьер-министром. Ведущий ТВ-программы Д. Дибров:

Кто придумал слово «киндерсюрприз»? А. Боровик: «Журналист С. Плужников [издание «Совершенно секретно»] придумал слово „киндер-сюрприз“ через месяц после назначения Кириенко» (НТВ, «Антрапология», 9 марта 2000 г.).

Пришедший на смену Стаканышу *Киндер-сюрприз* вскоре оказался в полном дефолте, и тогда Дед посадил на хозяйство старого Максимыча, широко известного в узких кругах под именем Примус (о политиках В. Черномырдине, С. Кириенко, М. Примакове) («АиФ», 1999, № 52, с. 4).

Впоследствии, использованное для образной ироничной характеристики молодого премьера С. Кириенко, приобрело более общее значение.

Л. Бершидскому 27 лет, что послужило поводом... старшим назвать его *киндерсюрпризом* (о назначении главного редактора новой газеты «Ведомости») (НТВ, «Сегодня», 7 сентября 1999 г.).

Основой переноса служит обыгрывание значений обеих частей слова «киндер» и «сюрприз»: неожиданность назначения на высокую должность молодого претендента.

В том же тематическом ряду (лакомство для детей) могут быть осмыслены и словоупотребления такого рода:

Маменькины сыночки, еще называем мы, *сникеры* (офицер о солдатах-новобранцах) (РТР, «Вести», 30 мая 2000 г.).

Семантические трансформации иноязычных слов, протекающие в отдельных подсистемах языка, закрепляются в языке через посредство массовой коммуникации. СМИ оказывают большое влияние на конкретные словоупотребления и на языковой узус эпохи в целом, о чем свидетельствуют наши наблюдения и материалы социолингвистического опроса.

3. Жаргонизация речи

Среди других названных выше языковых явлений выделяется процесс проникновения жаргонизмов в речь носителей языка, владеющих литературной нормой.

Некоторые исследователи склонны видеть в современном процессе жаргонизации новый «виток вульгаризации» русского литературного языка, подобный тем, что пережил литературный язык в другие переломные эпохи: «пушкинско-карамзинскую», «разночинскую» и эпоху Октябрьской революции [Елистратов 1994: 636—637].

Показательны свидетельства того, что и рядовые носители языка в понятие «современный язык» включают признак «нелитературность», «жаргонизированность». Сравните характерное метаязыковое высказывание:

Говоря современным языком, она его подставила (ТВ, «Моя семья», 29 мая 1999 г.).

Современный русский литературный язык испытывает интенсивное давление со стороны профессиональных и социальных жаргонов, что находит отражение в СМИ.

3.1. Профессиональные жаргоны

Среди наиболее активных в современном языке профессиональных жаргонов выделяются экономический, компьютерный жargon, жаргон военных и «общий» жаргон чиновников. Остановимся на некоторых из них.

3.1.1. Компьютерный жаргон

Эта подсистема языка чрезвычайно активна, однако в СМИ она представлена ограниченно. Профессиональные издания, адресованные массовому пользователю компьютером («Компьютерра», «Домашний компьютер», «Подводная лодка»), почти не используют жаргон. Это отвечает принципу распределенности книжных, письменных и устных, разговорных, общегрупповых и минигрупповых языковых средств в данной подсистеме языка.

Общепопулярные и общеполитические издания, напротив, намеренно концентрируют жаргонные средства, раскрывая соответствующую тематику. При этом нередко используется и прием стилизации: «— меня вчера мама умерла, всю ночь возился, пытался оживить... — А мозги вправлять пробовал? — И мозги менял, и камень переставлял — не помогает. Видно, придется где-то новую мать искать». «Из разговора двух программистов» (Купил «пень» — дави на «батоны» // «Комсомольская правда», 24 апреля 1998 г.). Газета дает «толковый словарь для начинающих пользователей компьютерами»: «Камень — процессор; мама, мать или матери — материнская плата; мозги — оперативная память; винт, винчестер, хард, веник, хард драйв, вентилятор — жесткий диск» и т. п. Общие издания стремятся искусственно концентрировать жаргонные слова в текстах, посвященных компьютерной проблематике.

Среди наиболее освоенных и употребительных компьютерных жаргонизмов, вошедших в публичное и в бытовое общение со статусом разговорных слов, можно назвать лексемы *грузить*, *сбросить* (информацию), *скачать*, *закачать*, *зависнуть* и др.

Довольно быстро интерес к посланиям упал и у политиков, и у самого президента (...) Здоровье Бориса Николаевича не позволяло «*зрузить*» его длинными текстами («АиФ», 2001, № 14); Некое рекламное агентство с провокационной целью... *сбросило* им вымышленную рекламу с предложением опубликовать ее как редакционную статью («АиФ», 2001, № 9); *Закачать* огромные миллиарды в эту систему «ПРО» (ТВ, новости «Обозрение», 7 мая 2001 г.); Папа заходит, спрашивает: «Ты чего?» Я сижу в такой прострации, говорю, у меня *компьютер завис* (разговор в семье).

3.1.2. Жаргон военных

Актуальность военной темы способствует введению некоторых жаргонных слов из этого профессионального языка в актуальный словарь эпохи.

Одним из самых частотных слов, вошедших в русский язык из языка военных, является слово «зачистка».

После стрельбы... танков, МИ-24, на военном жаргоне их называют крокодилами, когда все огневые точки противника удается подавить, внутренние войска входят в село и прочесывают его дом за домом. Такая операция, здесь ее называют *зачисткой* (НТВ, «Сегодня», 1 ноября 1999 г.); Вот скажем, такой термин «*грубая зачистка*» — огневое подавление села (НТВ, «Сегодня», 31 октября 1999 г.).

Постепенно начинает различаться *грубая зачистка* (села) (уничтожение села) и *мягкая зачистка*, *зачистка по мягкому варианту* («проверка паспортного режима»). Значение слова расширяется:

В настоящее время федеральные силы проводят *зачистку* этих сел, а, попросту говоря, *уничтожают* бандитов и *Сплошная проверка документов* и багажа на Казанском вокзале. Останавливают всех подряд, а не только, как это принято говорить, лиц кавказской национальности. На милиецком языке это называется *зачисткой* (НТВ, «Сегодня» и «Сегоднячко», 13 сентября 1999 г.). То, что происходит в Москве, назовем лужковщиной... *тотальная зачистка* городов от выходцев с Кавказа (о введении обязательной перерегистрации граждан) (OPT, 2 октября 1999 г.). «Лужники» *зачистили* со второй попытки (о массовой проверке арендаторов торговых мест) («Коммерсантъ», 28 апреля 2001 г.).

✓ Зачисткой было названо в прессе выселение коренных москвичей из исторического центра города.

Слово сохраняет стилистическую коннотацию, связанную с военной сферой, и часто выражает отрицательную оценку действия, названного *зачисткой*.

✓ 8 сентября мой шестилетний сын Саша опоздал на первый урок в школу № 17. Троє работниц закрыли ворота и не пустили ребёнка, как и многих других, в школьное здание... Ребёнок, пришедший в школу в шестой раз в жизни, был в ужасе. По-видимому, этого и добивались авторы и исполнители *«зачистки»* («Калининградская правда», 10 октября 2000 г.).

Одна из новых тематических сфер, в которых употребляется слово «зачистка» — политическая: партийные, властные структуры. В подобных контекстах слово используется как «точное соответствие» прежнего партийного жаргонизма «чистка» (даже внутренняя форма этих слов совпадает):

Назначение Б. Грызлова тоже имеет некий подковерный смысл. Скорее всего, ему предназначена роль комиссара в МВД. Похоже, он займется *«зачисткой»* министерства от людей В. Рушайло (Зачистка «ельцинского леса» // «АиФ», 2001, № 14).

Аналогичный пример: заявление лидера Аграрной партии России М. Лапшина об *исключении* сторонников Н. Харитонова из партии: «Пленум постановил *приостановить членство...* в руководстве партии...» — журналист А. Ивлев комментирует так: «Сегодня его сторонники решили *зачистить* свои ряды от оппозиционеров» (НТВ, 20 мая 2000 г.).

Среди освоенных прессой военных жаргонизмов — слово «зелёнка» — лесополоса, которая может служить укрытием для потенциального противника.

Правда, бойцов беспокоила «зеленка» — поросшая кустарником низина, дававшая противнику возможность для скрытного подхода («АиФ», 2001, № 11); Вернувшись, гуляю по Москве и никак не могу понять, почему танки по улицам не ездят. *Зеленку*, в смысле парки и скверы, обхожу стороной. Мало ли что там — снайпер или растяжка («АиФ», 2000, № 48).

Новые именования «чеченских боевиков» из речи военных — *чехи, духи, чичи, чечены* противопоставлены именованию участников чеченской войны с российской стороны — *чеченцы* (по аналогии с *афганцами*). В прессе употребляются без пояснения и некоторые другие частотные армейские жаргонизмы: *вертушка* (вертолет), *«муха»* (название гранатомета), *растяжка* (взрывное устройство), которые постепенно входят в зону ключевых слов эпохи.

3.1.3. Партийный жаргон и жаргон чиновников

Несмотря на то, что этой теме прямо или косвенно посвящено множество исследований [Баранов, Карапулов 1991; Земская 1996г; Ермакова 1996; Костомаров 1994; Словарь перестройки 1992; Шейгал 2000] и др., до сих пор немногочисленны обобщающие работы, в которых бы суммировались концептуальные и языковые черты современного политического языка и, в частности, осмыслилось место и роль в нем политического жаргона.

Кроме того, недостаточно изучена собственно языковая специфика социально маркированных единиц, языковые способы выражения этой маркированности. В наибольшей мере описано такое частное явление, как особенности партийной фразеологии, в наименьшей — словообразовательная и семантическая специфика слов из этой подсистемы языка. Тем не менее, именно в производстве специфических образований проявляется активность партийного и чиновниччьего жаргона и терминологии.

Мы имеем в виду, например, специфические номинативные образования *конфетика, социалка, криминал* для обобщенного обозначения конкретных явлений; новые именования лиц *рыночник, державник, яблочник, региональщик, силовик, налоговик, пиарщик* и под.; особенности глагольного словоизводства: *озвучить указ / документ, проговорить вопросы*.

Молодежная политика в городе, мягко говоря, *хромает на конфетику*, вопиющие прорехи в *экономике и социалке...* («Советская Россия», 8 июня 2000 г.), пост вице-премьера по социалке («АиФ», 2001, № 11).

Специфические приставочные или бесприставочные глаголы, отличающиеся от общязыковых соответствий или не имеющие их, выделяются в речи политиков, маркируют принадлежность к речевому обиходу чиновников. Таковы, например, слова и словосочетания *банкротить банки, прожимать вопросы, профинансировать указ, проплатить задолженность*:

Совсем недавно Минфин *проплатил* ту задолженность, которая у нас была в январе (В. Путин, ОРТ, «Время», 15 апреля 2001 г.); Есть силы и внутри, и вне страны, которые хотят нашу армию *обнулить*, понизить ее потенциал (Ю. Лужков, ТВЦ, «Лицом к городу», 7 мая 2001 г.); Все это *прописано* в законе... четко *прописан* механизм образования органов территориального местного управления (Радио России, встреча с депутатом, 21 сентября 1999 г.). (Подробнее об этом см. в гл. 2.)

3.1.4. Социальные жаргоны

Проблемы жаргонизации речи активно обсуждаются в печати и журналистами, и читателями. Подобные свидетельства представляют интерес для социолингвистического исследования, так как информанты высказывают свою точку зрения не в искусственных условиях *отбора*, а в спонтанной коммуникативной ситуации. Обратимся к некоторым из них.

Исследователь современной прессы имеет возможность получать информацию «из первых рук», так как адресантом текста МК может быть представитель любой социальной группы. Ср. статью «Мэры в законе» («АиФ», 1998, № 15, с. 2), написанную от лица «авторитета», «карточного каталога» по кличке Стас. Конечно, текст подвергнут определенной обработке; речь ориентирована на массового адресата, локализуемого в «чужой» социальной группе. Однако несомненно, что по крайней мере лексические черты оригинала журналист сохраняет в силу заданной интенции: комментарий известного политического события (избрание мэром Нижнего Новгорода «предпринимателя с уголовным прошлым») дает представитель уголовного мира.

Сейчас Россия напоминает огромную беспредельную зону. Вместо нормального русского языка — дешевая феняка, по которой «ботают» и простой обыватель, и депутаты, и журналисты. Между прочим, те, кто умеет красиво и задушевно писать письма, на зоне пользуются особым уважением. А блатной жаргон использовался братвой лишь для того, чтобы сбить с толку непосвященных, запутать, скрыть информацию.

Интересны «лингвистические» комментарии автора текста по поводу ограниченного использования жаргона самими представителями уголовного мира: в среде носителей уголовного языка особо ценится владение литературной нормой, умение «красиво и задушевно писать письма», обращаясь к внешнему, «чужому», не принадлежащему данной социальной группе, адресату. Жаргонные слова, по свидетельству автора, используются в своей прямой коммуникативной функции, как эвфемизмы: для того, чтобы «сбить с толку непосвященных, скрыть информацию».

Социальной причиной распространения жаргона автор статьи называет процесс срастания власти с преступным миром, свидетельства чего обнаруживаются в самом именовании политиков:

Братва вхожа в самые высокие кабинеты... Характерная деталь: чуть ли не у каждого видного политика есть кличка. Березовский — Береза, Немцов — Пудель, Чубайс — Рыжий, Черномырдин — Чирик... Господин по прозвищу Смирный (по паспорту Смирнов) теперь руководит аппаратом президента. Бывалый человек — 6 лет отсидки (там же).

Неофициальное именование политиков и первых лиц государства по прозвищам само по себе не является свидетельством жаргонизации, это обычная речевая практика, принятая и в других странах. Ср.:

Так нынешний президент США имеет кличку Орел, данную ему службой безопасности. Охрана официально использует ее в качестве кодового слова во время радиопереговоров... Хиллари Клинтон имеет кличку Вечнозеленая.

Клички эти, конечно, появляются не случайно. Они отражают одну из характерных черт характера или внешнего облика... Джордж Буш носил кличку Лесной Волк — видимо, за поджарое телосложение. Его жену Барбу называли Чернобуркой, скорее всего, в связи с ее абсолютно седыми волосами снежного оттенка (Кличка для президента // «Покупатель», 1995, № 2, с. 15).

Симптоматичным является не сам факт присвоения кличек, а их происхождение и риторический образец в разных культурах (жаргонное слово — образное слово).

Интересны и другие прозвища, мотивированные актуальным общественно-политическим контекстом и исходящие от различных групп носителей языка:

По слухам, сам Немцов величает Ельцина — Царь. В Кремле часто называют Президента местоимением *Сам* («К Самому вызывают»). Также употребляется Железнодорожник — с намеком на давнее обещание Б. Н. в случае неудачи с реформами положить буйну голову на рельсы.

Как это ни странно, но не так уж много прозвищ оказалось у Г. Зюганова. Лояльные к нему величают главного коммуниста просто Андреичем, в околоинтеллигентской среде — *неоЛенин*, *Красный Призрак* и *Коммунист*. Озорники дразнят: *Зюг-Зюг*. А в недавней ТВ-передаче Н. Михалков обозвал Зюганова Мюллером (Хоть горшком назови: Клички как зеркало наших политиков // «АиФ», 1995, № 52).

Прозвища и другие оценочные номинации политиков сочетают в себе как эмоциональную, так и интеллектуальную оценку. Актуализируя фоновые знания читателей, такие номинации задают характер общей интерпретации фактологической информации в тексте: *Битва Берипутина с Путиновским, ПУТИНочет, путиниана, губернатурская распутница, путиномика; БАБ, баоБАБ, березовая каша, березовый сок, подберезовики* (основами для номинаций служат собственные имена Путин, Березовский; большая часть примеров из [Сурикова 2000]). Исследователи отмечают, что использование прозвищ в политической публичной речи часто связано с примитивными коннотациями и немотивированным отрицательным эмоциональным фоном: *Степаша заменит Барсушу, а Хрюша?; Примух вскипятил Лужкова; Лебедь раскрыл Клюв; Кулик сел на гнездо и т. п.* [там же: 51—52].

С приведенными выше примерами интересно соотнести и противоположно направленное языковое явление: вовлечение в сферу номинаций головного арго имен современных политиков, ср.:

В словарь блатного жаргона удостоились попасть многие современные политики. Так, Лебедь переводится почему-то как «пьяница», а Шахрай —

«униформа для заключенного». Больше всех досталось Чубайсу. Его фамилия имеет аж четыре значения: 1. Человек со странностями. 2. Дебил. 3. Ваучер. 4. Лицо еврейского происхождения (С феней по жизни // «АиФ», 1999, № 3, с. 8).

Анализируя примеры имен политиков, использующихся в качестве арготизмов, можно отметить, что стимулами для вовлечения слова в данную сферу функционирования служат не только внеязыковые факторы (степень популярности политика: Лебедь, Чубайс), но и формальные признаки имени собственного: фонетико-морфологический облик слова. По-видимому, для носителя жаргона имена, необычные по своему морфологическому «виду» и имеющие в своем составе шипящие звуки, обладают повышенной экспрессивностью и семантической емкостью (Чубайс, Шахрай). Этому способствует также их «непрозрачность», отсутствие у них внутренней формы.

Новое семантическое наполнение слов в арго связано с характером конситуции (*«униформа для заключенного»*), с коннотациями, принятymi в данной социальной группе (*«дебил»*, *«лицо еврейского происхождения»*). Для носителя литературного языка данные номинации, перейдя в разряд нарицательных имен, становятся немотивированными, десемантизованными языковыми единицами, что отражено в комментариях автора текста — носителя литературного языка: «переводится почему-то как...»

Приведем еще ряд примеров, свидетельствующих об актуальности процесса жаргонизации речи и границах его распространения в современном русском языке.

В статье «Разборки в Белозерской крепости» (фраза из школьного сочинения по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка») поднимается вопрос о падении общей культуры и о массовой безграмотности столичных школьников, учеников гимназий и лицеев. По свидетельству некоторых учителей словесности, дети «пишут как говорят». Они плохо владеют нормами литературного языка, не усваивая главного принципа его использования: обязательности переключения кода, перехода на другую подсистему языка, если этого требует коммуникативная ситуация (о полиглоссии носителей языка как о необходимом принципе владения литературной нормой см. [Винокур 1993а: 66], а также гл. 2 ч. III данной монографии). «Невключение» этого механизма и может приводить к тому, что тексты классической литературы пересказываются языком уголовного арго. Как это ни парадоксально, но «концентрация» жаргонных слов в тексте сочинения может быть более высокой, чем в другом речевом жанре того же носителя языка. Это отчасти объясняется тем, что жаргонные слова выполняют экспрессивные функции, подобные функциям слова в языке художественной литературы.

Не случайно в текстах МК появился новый тип языковой игры, стилевого пародирования, основанного на «переводе» текстов классической литературы и других прецедентных текстов на язык жаргона. Ср.:

Родившись на брегах Невы,
Онегин был кумир *братьев*...
И *тусовались* бы не слабо,
Когда бы, как всегда, не баба.
У Вовки Ленского был *глюк*,
Что его девку *клейт* друг.
Вовану Женьке б дать по роже,
Да *западло*: *понты* дороже.
И молвил он: *сошли с базара*,
наш спор решат лишь два «*макара*».
У предков эта канитель
именовалася «*дуэль*».
Теперь нам трудно их понять,
нет чтобы киллеров нанять...
(Комикс-клуб. Комикс-загрузка для «новых русских» // «Мир новостей», 25 апреля 1998 г., № 17, с. 30).

Факты подобного использования жаргона свидетельствуют об отсутствии нейтрализации этих слов в литературном языке. Их закрепленность за определенным социальным слоем и является основой для языковой игры. Корреляция **жаргон — новые русские** имеет под собой веские основания. Однако нельзя не отметить, что она не совпадает с существующей в социуме и в языке самоидентификацией данной социальной группы. Например, язык журнала «Домовой», журнала для той части «новых русских», которая именует себя New Russians, несет в себе черты подчеркнутой книжности, усиленной вестернизации и почти полного отсутствия жаргона.

Одной из наиболее выделенных социальных (политических) групп в современной прессе является высшее государственное руководство: президент, правительство, депутаты. Их деятельность также часто служит предметом пародирования. Пример текста, посвященного экс-президенту Б. Ельцину и действующему президенту В. Путину:

Наш Ельцин самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...
Он нам преемника оставил
И *кроуче* выдумать не мог.
Владимир (мне он не приятель)
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или учились, мой читатель.
И я похвастаться могу
Своим дипломом ЛГУ.
(Литературный Интернет // «АиФ», 2000, № 26).

В спектре важных социальных характеристик носителей языка, использующих жаргон, можно выделить еще одну — **возрастную**. Ср. несовпаде-

ние речевых пристрастий в паре партнеров по коммуникации учитель — ученик, где «**концептуальная**» составляющая языкового отбора, по нашему мнению, все-таки подчинена возрастной, групповой.

Ученики: Грузите вы нас, Сергей Леонидович, грузите. Не грузите больше. Учитель: Замечательное слово современное! У нас для обучения столько-то мегабайт головы задействовано, и ни байта больше у *нас* на это нет. Так говорят глупые, так говорят умные, так **все говорят**. Любая лишняя проблема вызывает у них реакцию резкого отторжения («Московский комсомолец», 19 сентября 1996 г., с. 2).

Помимо возрастной характеристики адресанта речи, использующего жаргон, важен и фактор группового или общезыкового **престижа** данной группы слов в стилистическом *узусе* эпохи. Ср.:

В одной государственной гимназии с хорошей репутацией первоклашкам дали упражнение: составить предложение из данных слов — «малыш», «санки», «горка», «круты», «съехать».

Первый класс с заданием справился: «Крутой малыш съехал на санках с горки» («Московский комсомолец», 19 сентября 1996 г., с. 2).

Представляется, что «включение», актуализация того или иного значения слова «круты» (жаргонного или общеупотребительного) связано в данном случае с фактором частотности, употребительности данной лексемы в том или ином значении («модное» слово). Предпочтение жаргонного слова или значения указывает прежде всего на высокую частотность его употребления в речи данной социальной группы. Однако нельзя рассматривать такие факты как свидетельство «тотальной» жаргонизации речи. Сам набор таких жаргонных языковых средств может быть крайне ограниченным.

Частотность использования уголовного арго, профессионального жаргона и просторечия в публичной речи создает впечатление общей вульгаризации языка, в том числе в сфере официального общения.

Однако, как мы пытаемся показать, за фактами использования жаргона стоят очень разные языковые и культурные явления. Приведем еще несколько примеров из публичной речи, адресантами которой выступают высокие официальные лица:

Это требует кропотливой работы, **а не наезда**, власть должна **не наезжать**, а работать... (интервью дает А. Починок, председатель Госналоговой службы России, ТВ, «День Седьмой», 31 мая 1998 г.);

Если использовать такое хулиганское выражение, он центром был опущен... (речь идет о том, что центральная власть не поддержала на выборах губернатора Красноярского края Зубова; прямой эфир с ученым-политологом, руководителем Центра политических технологий И. Буниным, ТВ, «Итоги», 18 мая 1998 г.).

Использование жаргонного слова связано с его переосмыслением:

Во-первых, каждого кандидата, кого-то *пускают*, кого-то *поднимают*. О ком-то говорят *только плохо* (интервью на улице, ТВ, «Сегодня», 13 октября 2000 г.).

Другой вариант использования — обыгрывание внутренней формы слова:

Опущенные. Не в том смысле, конечно, как *пускают* в зоне, — хотя призрак зоны перед этими господами уже замаячил. К данному сорту олигархов можно отнести взбунтовавшихся медиамагнатов В. Гусинского и Б. Березовского, принудительно *спущенных* с политического Олимпа (Рейтинг магнатов // «АиФ», 2000, № 41).

Анализ этих и других многочисленных примеров говорит о том, что существуют особые условия употребления данной группы слов в сфере публичного общения. В большинстве случаев такие слова выражают цель высказывания и помещаются в область ремы. Различным образом выделяясь в структуре высказывания, такие слова часто сопровождаются оговорками, указывающими на характер их социальной локализации в языке.

Среди общих факторов, «проваоцирующих» употребление арготизмов в современном политическом дискурсе, можно назвать актуальность макротемы «преступность».

По многообразию приемов краж карманники стоят на первом месте в воровском мире. Прежде всего, у каждого из них есть излюбленные места «работы»: в городском наземном транспорте (*«маршрутчики»*), в метро (*«крохи»*), на железных дорогах (*«майданщики»*), на рынках (*«рыночники»*) и т.д.... Так, *«техари»* или *«писаки»*, с помощью острого предмета (*«писки»*) разрезают одежду, сумочки. С помощью пинцетов достают добычу из самых укромных мест *«хирурги»*. *«Рыболовы»* таскают кошельки из сумок специальными крючками. *«Ширмачи»* прикрывают свои действия посторонними предметами — букетами, плащами через руку («АиФ», май 1996 г.).

В приведенном тексте явно видна установка журналиста на свободное привлечение в узус лексических ресурсов из жаргона.

Использование жаргонизма в публичной речи первых лиц государства может приобретать знаковый характер и использоваться в дальнейшем в качестве ключевых слов эпохи:

Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту — в аэропорту, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы его и в сортире замочим (премьер-министр В. Путин, ТВ, новости, 2 сентября 1999 г.).

Среди частных факторов, обуславливающих привлечение жаргона в публичную коммуникацию, — стилистические пристрастия адресантов речи. Это, например, имидж сильного, волевого политика и соответствующая «грубая» стилистическая манера речи (А. Лебедь). При этом в диалоге

адресат начинает *отвечать* на заданный речевой имидж адресанта, связанный с возможным, ожидаемым использованием жаргона и просторечия. Ср. обращение к губернатору А. Лебедю:

Иваныч, *мочи* криминал! (плакат на митинге в Красноярске, «Сегодня», НТВ, 21 января 1999 г.).

Интересно проследить также за использованием жаргонизмов в речи менее радикальных политиков и журналистов. Характерный пример: на нейтральном фоне «интеллигентского» словаря вице-премьера А. Шохина в тексте, перегруженном абстрактными политическими терминами, встречаем резкое вкрапление того же жаргонного слова *«мочить»*, служащего смысловым и экспрессивным центром высказывания:

У нас есть общие противники, и незачем нам, что называется, друг друга *мочить* (о необходимости объединения различных партий внутри демократического движения; ТВ, «Герой дня», 3 декабря 1998 г.).

При переходе в литературный язык (публичную сферу общения) сдвиг в значении жаргонного слова *«мочить»* усиливается. Ср. нейтрализованную семантику арготизма *«мочить»* — ‘находиться в конфронтации’. Другой подобный пример:

Меня пресса, попросту скажу, *мочила по полной программе*. Если занимаешься политикой, надо терпеть (Б. Немцов, ТВ, «Вести», 11 марта 1999 г.).

Жаргонизм *«мочить»* здесь употреблен в значении «компрометировать», «подрывать репутацию», «распространять ложную информацию о данном лице».

Коммунисты 6 лет *«мочили»* Б. Ельцина и его «антинародный режим» слева. *«Мочили»*, правда, не слишком больно: импичмент так и не объявили, ельцинские бюджеты и законы со скрипом, но принимали («АиФ», 2000, № 16).

Можно видеть, что жаргонное слово развивает переносное значение. Одна из тематических сфер этого узуального переноса — «информационная». Ср. (Звонок в ТВ-передачу «Времечко»):

С чего началась вот эта война, как у нас говорят, *информационная мочиловка*? (Ведущий программы): Я прошу выбирать слова. Слово *«мочить»* у нас может говорить премьер-министр, мы таких слов не употребляем (ТВ, «Времечко», 7 декабря 1999 г., речь идет об «информационной войне» ОРТ против Лужкова накануне выборов).

Контекстные синонимы жаргонизма *«мочить»*, прозвучавшие в передаче, — *информационный прессинг, террор, мочиловка*.

Расширение объема понятия, развитие значения от конкретного ('физическое насилие, убийство') к абстрактному ('уничтожение') способствует

накоплению новых контекстных вариантов значения слова «мочить», развитию переносного значения:

Она продолжает «*мочить*» спесивых мужчин, которые, несмотря на очевидные факты, все же скептически относятся к женским шахматам вообще (о шахматистке, которая выиграла у мужчин в шахматном супертурнире; «АиФ», 2001, № 10).

Дальнейшее накопление наблюдений за характером употребления жаргонной и просторечной лексики, до сих пор лежавшей вне литературного языка, поможет более точно оценить место этого явления в развитии русского языка.

Пока же можно говорить о массовом ее использовании широкими группами носителей языка вне жесткой зависимости от социальных, профессиональных, возрастных характеристик и о частотности ее использования вне четкой, прогнозируемой зависимости от условий коммуникации, от ролевых характеристик: в публичном, деловом общении, неофициальной домашней обстановке.

Принципиально важным является отсутствие нейтрализации жаргонных слов в стилистическом узусе эпохи. Эти слова не стали элементами литературного языка, они продолжают употребляться в специфически экспрессивных целях, их стилевая «инородность» и «концептуальная заряженность» ясно ощущается носителями языка, владеющими литературной нормой.

түжे = не боялся
в түже, турни.
В түже, не боится,

Глава 5

Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи)

А. В. Занадворова

Вводные замечания

Данная глава посвящена исследованию особенностей языка семьи, который отражает многие общие особенности функционирования языковых единиц в малой социальной группе.

До сих пор, за исключением отдельных работ [Кукушкина 1989; Чайковский 1982; Байкулова 1999], в русскоязычной лингвистической литературе семья не становилась предметом отдельного исследования. В зарубежных работах, посвященных семье, основной акцент сделан на межличностном взаимодействии, исследуются в первую очередь тактики речевого поведения, сфера конфликтной коммуникации, см., например, [Speier 1972; Vuchinich 1990; Taylor 1970].

Однако другие гуманитарные науки нередко обращались к семье. В работах социологов, психологов, психотерапевтов, педагогов, этнографов и культурологов семья исследовалась в различных аспектах, в зависимости от целей исследования. Для лингвистического анализа языка семьи было бы полезно обратиться к опыту этих наук, в первую очередь социологии и психологии, воспользоваться выработанным ими понятийным аппаратом.

В лингвистической литературе также существуют некоторые работы, в той или иной степени затрагивающие проблемы семейного языка. Сюда относятся и исследования разговорной речи (а именно сферы домашней коммуникации, противопоставленные сферам городского и служебного общения), детской речи, некоторые аспекты гендер-лингвистики и теории речевых жанров.

Изучение языка семьи представляет большой интерес, поскольку именно в семье происходит первичное формирование личности, начинается

Очевидно, что и [ж'], и [л] принадлежат к фонетическим «архаизмам», раритетам: они характеризуют произносительную практику лишь небольшого числа представителей старшего поколения интеллигенции. Но в качестве «портретных» черт они должны быть отмечены, так как отличают слой интеллигенции от всех других социальных слоев.

3. В сравнении с этим, звук [γ] фрикативный является для литературного произношения фонетической инновацией (см. об этом ч. I, гл. 2). Как мы уже отмечали, в последние десятилетия наблюдается необычайная экспансия типа произношения с [γ] фрикативным — как территориальная (с юга на север), так и социальная (от носителей диалекта к носителям просторечия и носителям литературного языка). Споры орфоэпических ригористов и либералов ничего не меняют в динамике этого процесса, и [γ] звучит сейчас и из радиоприемника, и с телезкрана, и с парламентской трибуны, и в различных типах чисто городских коммуникативных ситуаций.¹¹ Он запрещен нормой, но живет реально — в речи носителей литературного языка. || — *дела*

По нашим наблюдениям, фрикативный заднеязычный звук распределен в интеллигентской среде, но не жестко, а по принципу «больше / меньше»: в речи интеллигенции южнорусских городов этот звук и его глухой коррелят [χ] регулярны и, по-видимому, не варьируют с взрывными [з] и [к] (в зависимости от параметров речевой ситуации). Фрикативный присутствует также в речи технической интеллигенции, происходящей с юга России, но длительное время живущей в Москве или Петербурге. Здесь он может варьировать со взрывным: при самоконтроле, в «ответственных» коммуникативных ситуациях вместо [γ] может появляться [з]. Фрикативный [γ] проникает и в среду гуманитарной интеллигенции, и решающим фактором в его конкуренции с [з] взрывным является место рождения и место наиболее длительного жительства данного говорящего: как правило, «южное» происхождение дает себя знать, и в ситуациях с ослабленным или снятым социальным контролем (эмоциональная речь, импульсивные реплики и т. п.) в речи такого лица может появляться [γ] фрикативный.

Разумеется, [γ] может использоваться представителями интеллигенции и намеренно, при экспрессивном выделении какого-либо слова (*Ишь ты, γ/γ'сь какой выскочился!*), однако это — часть более общего вопроса об употреблении иносистемных элементов для целей большей выразительности речи; см. об этом [Реформатский 1966].

4. В речи разных групп интеллигенции неодинаково качество звука, произносимого на месте буквы «щ» и звукосочетания «сч»: преобладающим является произношение долгого мягкого [ш̄]: [ш̄]астъе, [ш̄]едрый, но в среде «южан» (по происхождению) обычным является произношение [ш̄'ч]: [ш̄'ч]астъе, [ш̄'ч]едрый и даже [шч] — с твердым [ш], — что отражает влияние украинского языка. Так говорили К. Чуковский, Л. О. Утёсов и другие представители старшего поколения интеллигенции — «южане» или

одеситы по месту рождения, однако в речи более молодых носителей литературного языка, в том числе и уроженцев юга России, более обычно нормативное [ш̄], а [ш̄'ч] может появляться в определенных коммуникативных ситуациях, требующих экспрессивного выделения: ср. речь артиста Романа Карцева, который в выступлениях с эстрады педалирует [ш̄'ч], а в обыденных ситуациях произносит [ш̄].

1.2. Вокализм

1. Наличие особого звука [ы³] в первом предударном слоге после твердых шипящих: ж[ы³]рф, ш[ы³]гй — типичная черта старомосковской произносительной нормы. Говорят ли так кто-нибудь из представителей интеллигенции сейчас, в наши дни? Исследования показывают: несмотря на почти полное возобладание новой нормы, «подавливающей» произношение гласных непереднего ряда в указанной позиции под произношение их после всех остальных твердых согласных (жарф, шаги — так же, как сарай, гаря и т. д.), некоторые группы интеллигенции сохраняют в своем произношении старомосковскую норму. Это — потомственные москвичи старшего поколения. Звук [ы³] в словах типа жара, шаги — характерная черта их речи (подробную социолингвистическую картину распределения этой черты в разных группах говорящих см. в [РЯиСО, кн. 3, гл. 3]). Надо, однако, иметь в виду лексическую обусловленность рассматриваемого фонетического явления: в словоформах жара, ужаснется, вожака, шаги, шалаш, шаблон, шатен звук [ы³] встречается крайне редко (он характерен для речи лишь небольшой части потомственных москвичей), а в словоформах жакет, ржаной, жалеть, лошадей — достаточно частотен (см. [РЯДМО: 106]).

2. Отмеченное нами в ч. I, гл. 2 явление редукции неударного [у] (в словах типа бутерброд, дедушка, путеводитель) более характерно для просторечия. Однако и в интеллигентской речи оно встречается — главным образом, у представителей технической интеллигенции молодого и среднего поколений. В речи «гуманитариев» редукция неударного [у] случается реже. О том, имеются ли локальные особенности реализации этого звука в указанной позиции — т. е. различаются ли этим, например, с одной стороны, представители московской интеллигенции, а с другой, представители интеллигенции красноярской или калужской, — надежных данных нет.

3. Характерной чертой произношения некоторых представителей современной интеллигенции является сохранение [о] в неударной позиции в некоторых заимствованных словах: [во]кал, [со]нёт, [бо]лерь и т. п. Как распределена эта особенность по различным группам интеллигенции? Здесь оказываются важными не только те три параметра, которые мы выделили выше (гуманитарная или техническая интеллигенция, возраст ее представителей, место их рождения или длительного жительства), но и более конкретные, в частности профессиональные, характеристики говорящего.

Например, в речи радио- и теледикторов старшего поколения сохранение [o] неударного в иноязычных словах — явление вполне обычное. Правда, значим и ситуативный фактор: в речи перед микрофоном сохранение [o] более вероятно, чем в иных, особенно не столь официальных, коммуникативных условиях. Однако в других группах интеллигентии — например, в среде «технарей» — [o] сохраняется реже, и замена его вариантами [a] или [y] не зависит от характера коммуникативной ситуации.

2. Лексика, словоупотребление

Как известно, лексические факты менее частотны, чем фонетические. Встречаемость слова в речи намного ниже, чем встречаемость звука. Поэтому наблюдения над лексическими особенностями речи той или иной социальной группы почти всегда содержат элементы случайности. Не являются исключением и те факты, которые будут приведены здесь: они также оставляют впечатление случайности, неупорядоченности. Но их вполне можно рассматривать в качестве штрихов к речевому портрету представителя интеллигентии. Вот эти штрихи.

Слова *волнительный*, *волнительно*, несомненно, интеллигентские. И даже не вообще интеллигентские, а свойственные словоупотреблению части этого социального слоя — актерам, театральным критикам, искусствоведам, филологам, отчасти врачам (— *Избегайте волнительных ситуаций*, — советовал мне как-то участковый терапевт) и, возможно, некоторым другим группам преимущественно гуманитарной интеллигентии. Ср. у К. Федина в диалоге актера Цветухина и писателя Пастухова:

— У меня такое чувство, что мы идем садом, охваченным бурей, всё гнется, ветер свистит, и так шумно на душе, так *волнительно*, что...
 — Ах, черт! Вот оно! — ожесточился Пастухов. — Выскочило! *Волнительно*! Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, несуществующее. Противное языку... какая-то праздная рожа, а не человеческое слово...

Более свежий пример — употребление и восприятие носителями современного русского языка словечка *отнюдь*. Слово это книжное (помета «разг.», которую сопровождено это слово в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, скорее указывает на сферу его употребления — утино-разговорную разновидность речи, — чем на стилистическую окраску). Использование этого слова в указанной разновидности речи придает высказыванию оттенок книжности, и это чаще происходит именно с интеллигентской речью. При этом книжность с наибольшей яркостью проявляется в изолированном (абсолютивном или отделенном паузой от остальной части высказывания) употреблении этого слова в качестве ответа-вопроса на слова собеседника:

— Вы согласны с этим? — *Отнюдь*; — Он собирался выступить? — *Отнюдь*: он и на собрание-то не пошел.

Подобная форма ответов достаточно распространена в интеллигентской речи. Она характерна, например, для Е. Гайдара, и Михаил Жванецкийтонко уловил в этом словоупотреблении Гайдара такую примету интеллигентской манеры выражаться, которая может раздражать гайдаровских оппонентов левого толка и даже вызывать у них неприязнь.

Можно указать и другие примеры слов, употребление которых свойственно исключительно или преимущественно интеллигентской речи. Особенno характерен выбор разного рода оценочных и модальных слов и словосочетаний типа *жаль* (но не *жалко*: *Жаль, что вы не поехали с нами*), *несомненно* и оборот *вне всяких сомнений*, *весъма* (ср. синоним этого наречия *очень*, по-видимому, социально не маркированный), *непременно* и нек. др.

Не менее показательны факты *неупотребления*, сознательного или неосознанного отвержения каких-либо лексических средств, причем это касается не только слов, принадлежащих некодифицированным подсистемам языка, — просторечных, жаргонных или диалектических (во многих ситуациях они как раз могут включаться в речь с различными коммуникативными и стилистическими целями — см. об этом ниже), а слов вполне литературных. Это относится, например, к лексическим инновациям, которые могут достаточно широко употребляться в языке средств массовой информации или в устно-разговорной речи других социальных слоев и групп. Настороженность интеллигента по отношению к языковым новшествам объясняется определенным консерватизмом культурной речевой традиции. Ср. замечание Т. М. Николаевой о том, что «ментальная открытость» интеллигентии «обычно сочетается с речевой консервативностью и отрицательным отношением к языковым новшествам» [Николаева 1991: 72].

В ч. I, гл. 2 мы уже отмечали идущие из чиновничьей среды, но широко распространявшиеся в современной речи слова типа *подвижка* (*Произошла подвижка по Чёрному морю и Севастополю*), *конкретика* (*Наполни наши планы конкретикой повседневных дел*), *обговорить* (*Этот вопрос надо еще раз обговорить на президиуме*) и т. п. Однако интеллигентской речи подобное употребление «противопоказано»: оно отпугивает своей казенностью.

Во многих случаях наблюдается не безусловное неприятие каких-либо лексических и фразеологических элементов, а, скорее, их распределение внутри слоя интеллигентии. Так, техническая интеллигентия оказывается более восприимчивой к новшествам, чем гуманитарная; выражения типа: *Надо с этим определиться*; *Они переехали на новую квартиру и сейчас обустраиваются*; *Придется задействовать все резервы и под.* — довольно обычны в среде технической интеллигентии, особенно в речи молодого и среднего поколений (для большинства же «гуманитариев» это — неприемлемый «канцелярит»).

Есть слова и обороты, не отягощенные административно-чиновничим происхождением и соответствующей окраской, однако в некотором смысле всё же «отмеченные» и потому употребляющиеся лишь в некоторых

группах интеллигенции. Так, словоформа *пригласите*, используемая в обще-принятых клише телефонного разговора: *Пригласите, пожалуйста, Таню*, — осознаётся как провинциализм, и представитель интеллигенции — житель Москвы или Петербурга — едва ли употребит эту словоформу в данном контексте.

Исследователи отмечают, что устная речь современного русского интеллигента в достаточно сильной степени жаргонизирована (см., например, [Земская 1987: 29—30; Крысин 1989а, гл. IV; Ермакова, Земская, Розина 1999] и др.). Особенно характерно это для речи мужчин. Слова и обороты жаргонного происхождения — типа *беспредел*, *глухо* (*С этим делом у них глухо*), *в напряге* (*Мы все были в таком напряге!*), *врубиться* (*Никак не врублюсь: о чём речь-то?*), *вешать лапшу на уши*, *катить бочку* (на кого-либо), т. е. безосновательно обвинять кого-либо в чем-либо, и мн. др. звучат и из уст интеллигента. Но вопрос: какого и в каких ситуациях?

По нашим наблюдениям, такое словоупотребление больше свойственно речи представителей технической интеллигенции молодого и среднего возраста в ситуациях *фамильярного* или *эмоционального* речевого общения: в разговорах с друзьями, с сослуживцами в неофициальной обстановке, в речевых актах инвективы, предъявления претензий, обиды и т. п. В речи гуманитариев старшего поколения такая лексика почти не встречается (впрочем, Е. А. Земская отметила *тусовку* в телевизионном выступлении А. И. Солженицына [Земская 1997], однако нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что оно было произнесено в отрицательном контексте: Солженицын сказал, что он не участвует во всяких писательских и иных *тусовках*). Гуманитарии молодого и среднего поколений если и прибегают к подобного рода выразительным средствам, то в более узком круге ситуаций и с большим осознанием «иносистемности» таких элементов. Это выражается в интонационном выделении их, в «цитатном» характере их употребления, чему служат оговорки типа «как сейчас говорят», «говоря современным языком», «как принято выражаться у новых русских» и т. п.

Особенности речевого поведения

1. Формулы общения

Одна из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка (не только русского) — умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглоссность (точнее, полиглоссность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество, разновидностей) отличает интеллигентию, например, от носителей просторечия,

которые моноглоссны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации.

Полиглоссность обеспечивается механизмом **кодовых переключений**, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде (см. об этом выше, ч. III, гл. 2). Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения, обеспечивающих оптимальное выполнение той или иной роли. А варьирование этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык предоставляет говорящему различные способы выражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов. Различные способы языкового выражения оказываются как бы *привязанными к различным условиям общения*, к разным коммуникативным ситуациям, к исполнению тех или иных социальных ролей (см. об этом [Крысин 1976а]).

В ряде случаев распределение языковых средств по сферам и ситуациям общения бывает достаточно жестким и социально маркированным. Например, принятые в культурной среде нормы общения по телефону обязывают того, кому звонят, первым произносить *междометие алло* в микрофон снятой трубки, и запрещают тому, кто звонит, начинать общение по телефону с вопроса: *Кто это?* (черта, свойственная носителям просторечия).

Другие контактноустанавливающие реплики телефонного разговора также весьма жестко регламентированы. Рекомендуется, например, сначала представиться самому, а затем поинтересоваться *собеседником* (предположительно в форме: *Простите, с кем я говорю?*); просьба о том, чтобы к телефону подошел именно тот, кому вы звоните, выражается относительно небольшим набором вариантов (*Можно попросить Иванова (Николая Ивановича, Колю...)?*; *Не могли бы вы попросить* (не: *пригласить!* см. выше)...; *Можно попросить...;* *Попросите, пожалуйста...* и нек. др., но не: *Иванова, пожалуйста!*; *Мне нужен Иванов!*; *Иванова!* и тому подобные формулы, в интеллигентской среде оцениваемые как грубые и потому недопустимые в разговорах по телефону (подробнее см. об этом [PPP-Тексты 1978: 298—299; Формановская 1982; Крысин 1994: 72]).

Контактное речевое общение малознакомых и незнакомых представителей интеллигентской среды также регулируется определенными, хотя и «неписанными» правилами, действие которых особенно явственно обнаруживается на начальных стадиях речевого акта.

В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях: в магазине, в автобусе, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, при общении со случайным прохожим и т. п. Как показывают исследования современной русской разговорной речи (см.

цикл работ, осуществленных под руководством Е. А. Земской, а также работы О. Б. Сиротиной, О. А. Лаптевой и других ученых), наборы этих формул невелики по численности и устойчивы. «Стереотипы представляют собой готовые формулы не только с точки зрения их морфологической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности» [PPP-Тексты 1978: 269–270].

Например, обращение к продавцу, к прохожему и вообще к лицу, имени которого мы не знаем, начинается со слов: *Скажите, пожалуйста...; Простите...; Не могли бы вы сказать... и нек. др.* В этих формулах, естественно, присутствует некая «безличность», невыраженность свойств адресата, да и сам он крайне редко фигурирует под именами *гражданин, товарищ, господин*. Чаще других употребляется апеллятив *девушка*, но он ограничен полом и возрастом адресата, а также социальными характеристиками адресанта (например, ребенок не может обратиться к женщине-продавцу, используя этот апеллятив). Обращения *мужчина, женщина, дама* — элементы просторечного, не принятого в интеллигентской среде общения. Апеллятивы типа *Водитель! Кондуктор! Доктор!* жестко закреплены за ситуациями, в которых адресат исполняет свою служебную или профессиональную роль, другие же именования адресата по его служебной или профессиональной роли невозможны, во всяком случае, среди интеллигентии: нельзя начать свое обращение с апеллятивов: **Продавец! *Врач! *Кассир! *Учитель!* и т. п.

Многие из апеллятивов либо не принимаются интеллигентской средой (как в только что рассмотренном случае), либо внутри нее ограничены определенными группами говорящих. Например, обращение *коллега* принято — да и то в более или менее официальной обстановке — в среде медиков, ученых; *ваше преосвященство, ваше святейшество, владыка* — при обращении к иерарху церкви; апеллятив *профессор*, хотя и возможен при обращении студента к преподавателю, достаточно редок, поскольку предполагается, что студент должен знать имя и отчество своего преподавателя (однако иностранные студенты часто используют именно этот, удобный для них апеллятив, избавляющий от необходимости запоминать не привычные для иностранца русские сочетания имен и отчеств).

Многочисленные просторечные и жаргонные формы личного обращения, использующие в качестве апеллятивов термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, именующие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола: *папаша, мамаша, дед, дедуля, бабуля, отец, мать, дочка, сынок, брат, браток, братан, сестренка, друг, кореш, земляк, шеф, начальник, хозяин, хозяйка, командир, мужик, парни, девки* и др., как правило, не используются говорящими из культурной языковой среды, хотя к употреблению их в речи собеседника представители интеллигентии относятся более или менее терпимо (за исключением форм, несущих на себе печать низкой культуры или чуждой социальной среды, — типа *мужчина, женщина; братан, кореш; шеф, командир*).

2. Прецедентные феномены

Современный человек в процессе речевого общения часто использует разного рода «готовые», не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами, при условии, что эти тексты известны и адресату. В работах Ю. Н. Карапурова и его последователей (см., например, [Караулов 1987; Прохоров 1996; Гудков 1996, 1999]) достаточно ясно показано, что в цивилизованном обществе велика роль разного рода *прецедентных текстов, высказываний и имен*, которые составляют определенный культурный фон данного социума. Совокупности таких прецедентных феноменов национально специфичны, хотя отдельные их составляющие могут быть интернациональны (например, цитаты из Библии, из произведений Шекспира, высказывания типа *И ты, Брут...*, такие имена, как *Магомед, Иуда, Гамлет*). В работе [Гудков 1999] убедительно показано, что прецедентные феномены имеют не только национальную (этническую), но и социальную обусловленность: в разной социальной среде могут существовать свои прецедентные феномены, отличные от тех, что характерны для иных социальных слоев и групп.

Развивая эту идею, надо сказать, что разные социальные группы и соответствующие им культуры могут различаться типом прецедентных феноменов. Так, есть основания полагать, что, поскольку в элитарной части общества значительный слой культуры составляют разного рода *тексты* (мифологические, художественные, публицистические и т. п.), то в речевой коммуникации представителей интеллигентии велика роль прецедентных *текстов, высказываний и имен* литературных персонажей. В среде же «простой, малокультурной» преобладают прецедентные *ситуации*: в ходе речевой коммуникации представители такой среды — семейного клана, производственной бригады и т. п. — чаще используют имена или более развернутые наименования ситуаций, которые имели место в прошлой жизни такой социальной группы.

Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в интеллигентской речи в качестве символов определенных человеческих свойств — скопости (*Плюшкин, Гобсек*), ума и разносторонних знаний (*Ломоносов*), смелости и самопожертвования (*Иван Сусанин*), самодурства (*Салтычиха*), беспочвенной мечтательности (*Манилов*) и т. п. При этом, поскольку такие имена служат своего рода эталонами указанных свойств, они часто употребляются в сочетании с квалификаторами типа *настоящий, вылитый, классический*, с модальными наречиями и частичками *просто, прямо, прямотаки* и нек. др.: *Он настоящий Плюшкин: у него зимой снега не допросишься; Ты всё мечтаешь, а ничего не делаешь, — просто Манилов какой-то; Свекровь у нее — прямо Салтычиха и т. п.*

Цитаты из литературных произведений также весьма характерны для речевого общения интеллигентных носителей языка. Формы и способы цитации зависят от степени социальной и психологической близости собеседников, от характера коммуникативной ситуации и ряда других факторов. Основным условием для реализации возможности процитировать какое-либо произведение (или намекнуть на то или иное место в его тексте) является общность некоего культурного фона и, более конкретно, знание и говорящим, и слушающим данного произведения и оценка его как такого, которое часто служит источником расхожих цитат. Это позволяет говорящему вводить в свою речь элементы, которые, как он уверен, должны быть узнаны и правильно интерпретированы адресатом. Ср. цитаты типа: *Быть или не быть* (и многообразные обыгрывания этой формулы: *быть или не быть, пить или не пить, шить или не шить* и т. п.); *А воз и ныне там; Позвольте вам выйти вон; великий комбинатор* и т. п.

3. Языковая игра

Для интеллигентской среды, в особенности для «гуманитариев», характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т. п. — иначе говоря, **языковая игра** во всех ее обличьях. Разумеется, разным людям это присуще в различной степени, не исключено и полное отсутствие у того или иного человека чувства юмора, языкового вкуса, неумение вслушиваться в звучание слова и вдумываться в его настоящий или мнимый смысл, но более или менее очевидно, что в массе своей именно *образованные и культурные* носители языка в наибольшей степени склонны к языковой игре. Недаром В. З. Санников, автор замечательного исследования «Русский язык в зеркале языковой игры», рассматривает языковую игру применительно только к литературному языку и подчеркивает, что она «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников 1999: 13, 15], что «это всегда неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [Санников 1995: 67]. Почти весь богатейший иллюстративный материал, приведенный в книге В. З. Санникова: литературные цитаты, анекдоты, расхожие каламбуры и присловья и т. п. — рассчитан на творческое восприятие языка, на умение всматриваться и вслушиваться в слово, вдумываться в его смысл. А это как раз и характерно для речевого поведения типичного интеллигента.

Исследователи русской разговорной речи квалифицируют языковую игру, разнообразные способы обыгрывания формы высказывания как одну из характерных черт непринужденного общения в интеллигентской среде и приводят многочисленные и разнообразные примеры такой игры,

основанные на искажении фонетического облика слова, его морфолого-словообразовательной структуры, на сознательном нарушении правил сочетаемости слов друг с другом, на совмещении в одном высказывании стилистически несовместимых слов и т. п. [PPP 1983: 172—214]: *тидлинчики, книжечки, ужастно, конкретно, румочки, мармелад; лясоочек, медаль, лямон; лизарюция, лисипед, брульянт; документ, процент; пущай, сидю, хочет; У нее двое детей, а у меня один деть; Вот наши апартаменты* (вводя собеседника в более чем скромное жилище); *Завтра у них какое-то муроприятие; Старухи на завалинке симпозиум устроили* и т. п.

Одним из наиболее распространенных видов языковой игры являются шутки, основанные на искажении или распространении известных фразеологизмов и литературных цитат: *гнать каленой метлой* (из: *каленым железом и новая метла*); *В этом деле он съел не одну собаку; Что-то я не в шутку занемог; Ну, что — будут меняться дежурствами?* (будут меняться — из эстрадной миниатюры в исполнении Аркадия Райкина); *А у нас собой было* (с этими словами говорящий достает из портфеля чистую бумагу, сама же эта фраза — из рассказа М. Жванецкого и подразумевает наличие у собеседников спиртного); *У них то и дело воду отключают. — Зато сухо* (вторая реплика — из известной телевизионной рекламы детских памперсов) и т. п.

Мы не ставим себе целью исчерпывающим образом описать виды языковой игры, распространенные в среде интеллигенции. Задача в другом: показать, что игра со словом и в слово — характерная черта речевого поведения представителей интеллигенции, отличающая их от носителей языка из иных социальных слоев и тем самым важная в качестве одного из штрихов в социально-речевом портрете интеллигента.

Глава 2

Речевой портрет носителя просторечия

В. Д. Черняк

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определяет ее пристальное внимание к языковой личности. При этом интерес представляют как усредненные характеристики носителя языка, так и речевое своеобразие отдельной личности: «компоненты словосочетания „языковая личность“, квалифицируемого как терминологическое, указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а, во-вторых, — на индивидуально-дифференцирующую характеристики» [Винокур 1989а: 11].

Языковая личность обнаруживает себя в совокупности текстов, как письменных, так и устных, и для ее изучения необходимо обращение к самым разнообразным по своему статусу речевым произведениям. Современная лингвистика пришла к признанию того, что и «повседневная речь есть пространство самораскрытия языковой личности» [Седов 1996: 3]. Особый интерес в «хоре голосов города» представляет «ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка» [Капанадзе 1984: 5–7].

Сегодня принято различать две группы носителей современного просторечия: «просторечие-1 представлено в речи горожан старшего возраста, выходцев из деревни, не утративших связь с диалектий средой и не имеющих образования; просторечием-2 пользуются горожане молодого и среднего возраста, имеющие незаконченное среднее образование и не владеющие нормами литературного языка» [Крысин 1989а: 56]. А. Ф. Журавлев отмечает, что внелитературное просторечие можно рассматривать «как первое зеркало системы, выпячивающее одни ее стороны и тенденции и редуцирующее, если не устраняющее совсем, другие, как своеобразное отражение и преломление центральных типологических характеристик русского языка в целом» [Журавлев 1984: 103]. Кроме этого собственно лингвистического аспекта, чрезвычайно важны социолингвистические характеристики носителя просторечия, которые позволяют понять особенности современного языкового существования.

Речь старшего поколения носителей городского просторечия, питающаяся диалектными источниками, теряющая сегодня свои корни, видоизменяющаяся под воздействием средств массовой информации, является

особым социолингвистическим феноменом. Речевые портреты конкретных носителей языка — это уникальные свидетельства уходящего века, очень редкие вследствие естественной трудности фиксации обыденной речи в повседневных ситуациях. Изучение конкретных речевых портретов — это способ проникновения в национальную языковую картину мира, путь к постижению национального характера: «Национальное самосознание всякого народа не является целостным и систематизированным феноменом. Оно слагается из мозаично рассеянных — в картине мира, в pragmatischesких установках носителей языка — представлений, мнений, суждений и оценок» [Караулов 1994: 203].

Исследователи просторечия имеют дело, как правило, с устной речью. «Книжный эквивалент просторечия — безграмотное письмо человека, не знакомого с эпистолярными жанрами литературного языка» [Капанадзе 1984: 8]. Именно этот уникальный в исследовательской практике тип текста представлен в книге Н. Н. Козловой и И. И. Сайдомирской «Я так хочу назвать кино. Наивное письмо: Опыт лингво-социологического чтения» [Козлова, Сайдомирская 1996]. Публикаторы впервые представили в оригинальном виде записки носительницы современного просторечия Е. Г. Киселевой — три общих тетради, которые писались в течение 13 лет (ранее эти материалы были опубликованы в отредактированном виде, имеющим очень небольшое сходство с оригиналом («Новый мир», 1991, № 2)).

В глубоком предисловии, открывающем вводную часть, публикаторы подчеркивают, что делают лишь первый шаг к осмыслению социокультурных проблем «наивного письма», к освоению уникального материала, являющегося «документом внеписьменной культуры, написанным, тем не менее, представителем самой этой культуры, а не сторонним наблюдателем» [Козлова, Сайдомирская 1996: 13]. Перед читателем книги предстает в высшей степени своеобразный речевой портрет носителя просторечия, жительницы провинциального украинского городка, чья жизнь уложилась в семь драматичных десятилетий XX в. Уникальная для необразованного человека тяга к письменной фиксации разнообразных эпизодов и незначительных событий своей жизни, собственных впечатлений и того, что присваивается с помощью средств массовой информации, интуитивное ощущение возможности соединения с помощью слова прошлого и настоящего позволили создать неповторимый текст, в котором воплотились как типичные черты носителя русского городского просторечия, так и индивидуальное своеобразие личности. Впервые на весьма протяженном текстовом пространстве предстает «мир нелитературного письменного языка, где не соблюдаются правила нормативного словоупотребления, где люди пишут „как говорят“» [Козлова, Сайдомирская 1996: 19]. В своеобразном тексте предстают типичные просторечные высказывания (ср.: жила невесъма материаљно хорошо; женщины худые, истощаље, одна на нас шкура да kostи; брату война скосила жизнъ; сколько пережитков я перенесла с этым

мужом Дмитрием Ивановичем Тюричевым; собрала старые вещи недоноски; до каких пор это будет нервно трепка; какие всёже кровососатели трипают мои нервы до нельзы; плачет кракадилевими слёзами; горбатого могила спрашить; я тибе устрою картибалет), многочисленные пересказы чужой речи, характерный для просторечия нарратив, родственный наивной живописи.

Особое своеобразие придает тексту большое количество политических клише, трансформированных фрагментов газетной речи. Публикаторы отмечают, что «при чтении этих пассажей сам напрашивается вывод о „мертвящем воздействии государственной идеологии на жизнь простого человека“, о ее оглушающем эффекте. Бросается в глаза утрированная и нелепая „идеологическая корректность“ отдельных, редких фрагментов текста на фоне полной „бездейственности“ основного содержания рукописи» [Козлова, Сайдомирская 1996: 31]. Приведем характерный для речевого портрета Е. Г. Киселевой пример индивидуальной переработки советского политического дискурса:

1987 г. сентябрь смотрю по Телевидению М. С. Горбачёва какой он умница да действительно заменил Ленина, я думала что те руководители, что руководили страной как где денутся, то ненайдётся замены справедливой как оны. Хрущев, Черненко Андролов Сталин, Но этот Горбачев М. С. за всех умница точно Ленин делает перестройку, смотрю Телевидения езда в Мурманске, да несится в Кремле а заглядывает в крупные города и заграницу из своей женой Раисой жена помогает агитировать народ в лучшую сторону наводить порядок. Горбачёв коснулся куска хлеба все правильно что люди росбрасывают хлеб в мусорные ящики целыми буханками и даже буцают ногами разве это можно вобщим недопустимо, как он говорить раньше люди самы обрабатывали хлеб индуведуально то оны покушают а осталися крошки настоле оны сгорнуть и покушают а сичас хлеб обрабатывается механически проходит через много рук пока прийдет до нас настол.

Материалы книги, демонстрирующие воздействие различных дискурсов — бытовых, социолектных, пропагандистских и даже научных на языковую личность, заслуживают специального исследования, однако следует еще раз подчеркнуть нетипичность просторечного письменного текста.

Несомненно, особую культурологическую и лингвистическую значимость имеют записи городской устной речи (именно она, как правило, является предметом внимания исследователей просторечия), фиксирующие уходящие в прошлое речевые феномены и служащие источником правдивой информации о частной жизни [Китайгородская, Розанова 1996: 223—224]. Исследования единиц разных уровней, представленных в записях городской устной речи, свидетельствуют о том, что «современное просторечие не представляет собой единой системы. Это речь, противопоставленная как говорам, так и литературной разговорной речи, но противопоставленная не как система единиц, а как некий общественно-

исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности [Капанадзе 1984: 11].

Не вызывает сомнения, что языковая личность должна рассматриваться в неразрывной связи с местом и реальными условиями ее бытования, с принадлежностью к тому или иному социуму, с конкретным периодом истории народа. Исследование современного просторечия-1 связано с обращением к речевым портретам представителей поколения, которое непосредственно затронули кардинальные изменения в России в 20-е – 30-е годы XX в. Они вызвали появление в городах особого социального типа – выходцев из крестьян, с трудом приспособившихся к новому укладу жизни. Осознавая престижность городского быта, стиля поведения, городской речи, они в то же время корнями были глубоко связаны с деревней. Современный философ М. Рыклин пишет об «образовании в результате коллективизации гигантской мигрирующей массы, дезурбанизавшей города» [Рыклин 1992: 17]. Широкое распространение приобрел маргинальный тип личности городского жителя, лишь частично порвавшего с деревней. Те, кто не получил образования, в зависимости от индивидуальных социальных ориентаций, от того, насколько прочными и регулярными оставались связи с деревней, обнаруживали в своей речи пестрый сплав сугубо диалектных черт и специфических, социально престижных языковых элементов, характерных для горожан. Речевой портрет новых жителей города подтверждал известие высказывание М. М. Бахтина о том, что «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями» [Бахтин 1979б: 259].

В этот период складываются весьма своеобразные черты речевого портрета носителя русского просторечия, сегодня, на рубеже веков, представленного уже в существенно измененном под мощным воздействием средств массовой информации виде. Учитывая двунаправленность речевых ориентаций носителей просторечия-1, их социальную и языковую маргинальность, «промежуточность», можно говорить о маргинальном типе языковой личности, своеобразном социолингвистическом феномене, особенно характерном для 30–50-х гг. XX в.

Мастера слова уже в 20-е – 30-е годы выявили наиболее заметные черты речевого облика нового социального типа и воплотили их в художественных текстах. Речевой портрет носителя городского просторечия очень точно представлен, например, в рассказах М. Зощенко, а позже – В. Шукшина. Однако особую ценность представляют подлинные языковые материалы, позволяющие восстановить реальные черты речевого поведения людей уходящего поколения.

Описание индивидуального лексикона личности всегда представляло большие трудности. Известен лишь один словарь, описывающий идиолект

диалектоносителя, – «Диалектический словарь личности» В. П. Тимофеева [Тимофеев 1971]. В нем обобщены наблюдения диалектолога над речью его матери, однако в силу специфики лексикографического издания и традиций диалектной лексикографии иллюстративный материал словаря не содержит развернутых высказываний и не позволяет с достаточной полнотой воссоздать языковое сознание личности.

Предлагаемые в данном очерке материалы, позволяют соотнести типичное и индивидуальное в языковой картине мира личности, находящейся «между городом и деревней», обнаружить пестрый сплав элементов народной речи и причудливо трансформированных «осколков» советского новояза. Мы попытаемся воссоздать некоторые черты речевого портрета Ираиды Николаевны Целиковой (1903–1986)¹ на основе записей, представляющих фрагменты ее дискурса. В течение пятнадцати лет (70-е – 80-е гг.) эти записи велись петербургской учительницей Варварой Ерофеевной Огородновой. По воле судьбы она, преподаватель французского языка, человек большой культуры, прожила около 20 лет в двухкомнатной коммунальной квартире с Ираидой Николаевной Целиковой, типичной маргинальной личностью, носителем нелитературного просторечия.

И. Н. Целикова родилась в Ярославской губернии, в 1930 году приехала искать счастья в Ленинград, где и прожила полвека, многие годы работая в разных семьях домработницей. На лето Ираида Николаевна всегда уезжала в родную деревню. С деревенскими она считала себя городской, с городскими – деревенской. В. Е. Огороднова сумела разглядеть за неграмотной речью своей соседки своеобразную личность, воплотившую в себе многие приметы времени, оценить ее творческое отношение к языку, особый взгляд на мир.

До конца жизни И. Н. Целиковой Варвара Ерофеевна почти ежедневно записывала высказывания соседки, бытовые диалоги. Ю. Н. Карапулов справедливо отмечает, что для достижения картины мира языковой личности «вовсе не обязательно располагать связанными текстами, достаточно определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т. п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени» [Язык и личность 1989: 8]. Именно такой корпус речевых произведений зафиксирован В. Е. Огородновой. Не будучи лингвистом, она стремилась передать в своих записях и некоторые характерные особенности произношения И. Н., и диалектические грамматические формы. Хотя ряд лексических единиц и грамматических форм в записях В. Е. Огородновой находит соответствие в «Ярославском областном словаре», совершенно очевидно, что И. Н. Целикова, лишившись постоянной «подпитки» диалектической среды, утратила многие черты диалектоносителя, характерные

¹ Наблюдения над особенностями речевого портрета И. Н. Целиковой представлены в наших публикациях [Черняк 1994, 1997].

для жителей определенной территории, в то же время в ее речи прочно закрепились интердиалектные элементы, создающие специфику просторечия-1.

Записанные доброжелательным и чутким наблюдателем речевые произведения простой русской женщины создают в своей совокупности своеобразный речевой портрет, в котором органично соединились типичные (обращают на себя внимание совпадения с указанным выше письменным просторечным диктором Е. Г. Киселевой) и сугубо индивидуальные черты.

Главным в представлении речевого портрета И. Н. Целиковой, безусловно, является ее лексикон, поскольку именно в нем обнаруживаются ассоциативно-вербальный и тезаурусный уровни языковой личности. Анализ фонетической и грамматической стороны речи в связи с непоследовательностью их фиксации в записях В. Е. Огородновой остается за рамками данной работы.

Большой материал, собранный В. Е. Огородновой и представленный в жанре дневниковых записей, естественно, содержит немало экстралингвистической информации, представляющей интерес для социологов. В речевом портрете носителя просторечия особенно значимы следующие характеристики:

- 1) самооценка языковой личности (ЯЛ), осознание различий в языковых средствах, используемых разными членами языкового коллектива;
- 2) pragmatikon ЯЛ;
- 3) отражение в индивидуальном лексиконе идеологии ЯЛ;
- 4) идиомы в тезаурусе ЯЛ, отражение в них особенностей народного сознания;
- 5) заимствования, их переосмысление в индивидуальном лексиконе ЯЛ;
- 6) словообразование в речевой деятельности ЯЛ;
- 7) отражение особенностей лексикона ЯЛ в окказиональной синтагматике.

Языковое самосознание носителя языка особенно наглядно проявляется в его оценке собственного речевого поведения и речевого поведения других людей. Примечательна собственная оценка И. Н. Целиковой своей личности, своих взаимоотношений с деревенскими родственниками. Она любит похвалить себя за рассудительность, дальновидность. Многие годы, проведенные в городе, в контакте с различными семьями, с людьми разного социального положения, мотивируют весьма строгую оценку «деревенских». И. Н. называет родственников «непутевой деревенщицей», «темными людьми»; Уж эта деревенщина, темны, как бутылки. Характерно

следующее высказывание: *Вот ведь недалеко от Ленинграда живут, а по-русски говорить не умеют. Вместо «пол вынести» говорят «вытахать», вместо «луговина» — «ледина». Хуже нашей деревни, неграмотны совсем.* Таким образом, очевидна рефлексия говорящего над фактами языка. Метаязыковые комментарии, касающиеся разных возможностей номинации одного денотата, типичны для диалектий речи (ср., например, в брянских говорах: *Раньше говорили вячерьть, а теперь — ужинать; По-старинному — давайте вячерьть, а сейчас — ужинать; Как есть хочешь, вот и говоришь: «Ой, я выхартался», у вас — проголодался; У нас гуляла ни говорят, а де ты всю ночь бродила*).

Очевидно осознание И. Н. Целиковой своего более высокого социального статуса по отношению к деревенским родственникам. Взяв в церкви святую воду, собирается везти ее в деревню: *Ну а как же! У них ведь там церкви нету, они ведь совсем заблудились!* люди, вот я их просвещать и еду. Собирая посылку сестре в деревню, говорит, что пошлет только один из двух купленных платков: *Почто ей два? Чай, у ей головы-то второй нету, да одна-то неполноценная.* Осуждает сестру, которая давно не пишет: *Бестолковая чушка, письма не может написать.* В то же время, получив «невалыши» посылку из деревни и приложенное к ней длинное письмо, ворчит: *Вона, разошлись, как будто я читательница какая.*

Метаязыковые комментарии носителя просторечия отражают индивидуальные представления о функциональной закрепленности слов, при этом оппозиция «свое — чужое» предстает как противопоставление своей, обычной, неграмотной речи и речи «научной», образованной:

- Сын-то у ней хрендлик настоящий.
- А что это такое?
- Ну, это по-научному, а по-нашему — ненормальный и только.
- Уж до чего ветер хизный сегодня.
- Какой?
- Ну, пронизущий, по-вашему.
- Он недавно в траму попал, ну, в аварию, по-вашему.
- Вы какой чайник взяли для заварки?
- Металлический.
- Он и не металлический, а малированный. Вот ведь как сказала-то некультурно.

Нельзя не отметить особую значимость в лексическом портрете И. Н. Целиковой высказываний, построенных по модели оценочного жанра (о специфике этого жанра в речи диалектносителей см. [Гынгазова 1998]). Приведем показательное для характеристики речевого портрета И. Н. развернутое высказывание, в котором демонстрация собственной рассудительности и житейского опыта сочетается с критической оценкой всего увиденного в магазине:

— Ну вот, все обсмотрела, ничего тамотки дельного нет. Картошка, правда, лежит, да что я буду брать картошку, у меня её целый ящик лежит, только что не гниет. Почто мне картошка. Булки лежат по 13 копеек, а мне даром не надо. Сыр еще продают какой-то, не разберешь какой, да посмотрела, как нарезан, нет, мне он что-то не полюбился. Котлеты продают готовые, да в их ведь чего только не напихано, уж я такое дермо никогда есть не стану, а брать да бросать — дурак умеет. Колбаса тоже есть, да я не взглядалась какая — все одно не покупать. А яйца — ну на смех курям, точно голубиные. А все-таки, чтоб не идти с пустом, взяла я килограмм сахара, а то ведь скажут: все пересмотрела и ничего не купила, нехорошо как-то, неудобно.

Достать, купить, хватило / не хватило, очередь — ключевые слова бытового дискурса. Особенно часто критические высказывания связаны со сферой торговли. Так, о продавце в молочном магазине И. Н. говорит: *У ей бидон не под плёнкой был, уж ясно, что оне там покуролесили основательно и из сметаны простоквашу сделали. Ср. также: Все продавцы как на огне сгорели, ни одного нету. Тутатка ведь работать надобно, ящики покувыфдаешь — вся спина заболит, а она стоит, как богородица, и дела ей мало.*

На аксиологической шкале, выстраиваемой в жанре оценки, порядок и подчинение силе традиционно занимают господствующее место. Ср. (о посещении бани):

— Тазы-то все сломатые, стопотные, грязющие, стыд один. Даже в блокату такого не было. Надо бы всех их популять, чтоб летели — не задели. А лучше всех собрать да к Брежневу в кабинет поставить. Что он народ распустил. Никакого порядку нету нигде.

Говоря о «житейской идеологии», В. Н. Волошинов писал: «Всякое словесное высказывание человека является маленьким идеологическим построением» [Волошинов 1993: 87]. Перед нами языковая личность, сформировавшаяся в годы советской власти, впитавшая ее систему ценностей. Интересно сочетание ортодоксального взгляда на многие вещи и в то же время личностного восприятия происходящего. Здравый смысл, присущий народному сознанию, объясняет критическое отношение И. Н. ко многим явлениям жизни, их оценку, далекую от той, что предписывалась средствами массовой информации. Во многих высказываниях отчетливо обнаруживается «житейская идеология»:

— Раньше кто работал, у того все и было, а лодыри, которые только глядели, что у них под бок само текло, с пустом и сидели. А теперича все наоборот.

— Наш товарищ Брежнев такую слабину дал, что теперича соберешь не вдруг.

— Больно наши-то везде поспевают, как Постпевалова жена с наковальней (комментирует телепередачу о советских войсках в Афганистане).

— Советская власть всех лодырей на первое место поставила. Вы ведь знаете песню: «Кто был ничем, тот станет всем» (налицо и своеобразное переосмысление прецедентного текста).

— Ведь подумайте, в таком городе, как Ленинград, и нет ситца, не диво бы в каком заущелье.

— Опять по радио говорили, что к нам иностранцы приехали, а ведь их надо всех накормить, и всё хорошием, вот нам ничего, кроме хека, и не остаётся. — Ну где тута продуктов хватать будет: то в Никарагу посылаем, то еще неведомо куды, а ты тута сиди не жравши.

— При Хрущеве хозяева-то порушили все дворы, а теперичи чтобы хотели скотину завести, так ведь корову на кровать не поставишь.

— Во, глядите, милиция наша работает токо на хвастах: ведь все хвастваются: мы да мы, а ничего не делают, потому хулигания нас одолела. (В последнем высказывании обращает на себя внимание окказиональное собирательное существительное *хулигания* и отлагольное новообразование *хвасты*.)

Примечательно, что в системе оценок особенно заметными оказываются традиционные представления, берущие начало в крестьянском быту. Человек, полвека проживший в городе, для сравнения постоянно использует понятия, сформировавшиеся в деревне. Генетические истоки языковой об разности, определяющие своеобразие индивидуального тезауруса, несомненно, закладываются в детстве и юности и связаны с традиционной национальной картиной мира. Приведем ряд сравнений, характерных для речевого портрета И. Н.:

— Глядите, глядите, идет девка, ну как наша курица мохнатая [у девушки брюки с баxромой].

— Во, глядите, костюм-то на нем каков, ну ведь он как есть наша пестрая корова.

— До чего же девки у ней ленивые, пол вымыть не могут, а какой это пол — корова хвоста не протянет. А ведь линоль мыть надо, а то он из зеленого в черный превратился.

— Вот моя Аннушка [деревенская сестра] может теленка накормить манной кашей, на молоке сваренной. Я ей и говорю: «Ты что думаешь, берёза на ем от этого вырастет?»

— Вот в деревне на сенокосе, как таракан на жаре, вертишься.

— Она поддалась ему, как говно на лопате, вот и фигуриует.

— Белье-то у них такое старое, что муха крылом прошибет. Вот тута и постирай.

— Вона суп-то у меня застыл, как настоящая студень, а сделан-то из семи овчин.

Собираясь ехать убирать квартиру, сокрушается, что хозяева любят долго спать: *Вот ведь поехала бы раньше, да что толку, и так ведь приеду на вилах их подымать.*

Крестьянская оценка со всей очевидностью проявляется во многих оценочных высказываниях. Например, комментируя эпизод фильма, где девочка-подросток во время войны боронит поле и стегает падающую от усталости лошадь, И. Н. возмущается:

Ну чего она его толкает? Ни лошадь, ни корову не подымешь, если они сами не подымутся. А коня-то надоально в первую голову рассупонить, он может и отышаться. Вот ведь дураки какие. Пойти помочь им, что ли?

Вживаясь в происходящее, она эмоционально реагирует, при этом активизируются соответствующие участки лексикона.

Показателен также выбор эталона при оценке выступления артистов балета (отмечается несправедливое, с точки зрения наивного сознания, разделение труда солистов и кордебалета):

Да, вот это работа. Легче овин измолотить, чем так танцевать. Надо парню быть во каким здоровым. Во, глядите, опять ети сидят, а ети все работают и рукам, и ногам, а деньги, небось, одинаковы получают.

Устная разговорная речь, непринужденная и раскованная, напрямую отражает особенности эмоциональной сферы человека [Капанадзе 1988б]. При этом активизируется богатый экспрессивный лексический фонд народной речи [Лукьянова 1986]. Приведем показательный диалог:

— Молодёжь теперича пошёл никудышный, неуважительный. Не почитают они стариков никаколько. Вот хоть бы наша Танька: не могла меня проздравить, а я для неё столько всего сделала. Ну да что про неё говорить. Когда ей, когда она с этим Васькой-утопленником связалась.

— Почему с утопленником?

— Да потому что страшный он, как леший какой. Ну чего она в ём хорошего нашла, никак не пойму. Да и отец-то у него был горчущий пьяница, так пьяный на печи и замёрз.

— Как это замёрз?

— Да так, прислонился, видать, голой жопой к горячей стороне и спорел.

— Так замёрз или спорел?

— Да кака разница, всё одно богу душу отдал.

В лексиконе И. Н. широко представлены разнообразные лексические средства, создающие экспрессивность высказывания: *Это ведь не капуста, а ворохобина какая-то; Юрка был такой развиндлый, все ключи терял; К ней вчера новый врач пришел, безо всякого вызову, уж такая хорошая, выхухленная; Морда порослая, красная, спичку зажёгши — загорится* (о соседе-пьянице); *Вот Валя — золотая рыбка, а скучуризнулась* [не может помочь родным]. Очевидна семантическая опустошенность многих слов-экспрессивов, они обретают полноценное содержание лишь в контексте.

Оценочный модус в лексиконе И. Н. обычно сопровождается образностью высказываний, что придает неповторимое своеобразие речи. Так, о своем непутевом соседе она говорит: *Делать ничего не хочет, настоящий пониток*. На вопрос, что такое пониток, поясняет: *Ну, нв к шубе рукав*. На реплику, услышанную по телевизору, сразу реагирует: *Во, глядите, как она его остригла без ножниц*. Про соседку, которая все время берет деньги в долг: *Ну как только живут: ни царского, ни барского. Что это за жизнь, все в долг, убиться можно*. О неказистой собаке в квартире: *Ну и сторож у них в будке сидит: дунь, плюнь — и упадет; Она живет там же, где и Анна Ивановна, а насупротив в квартире две собаки живут, большущие, бесхвостые, как львы, а лают — что гром гремит*. В последнем высказывании в бросающейся в глаза гиперболизации обнаруживается характерная для народного сознания мифологизация обыденных явлений.

Большое место в тезаурусе И. Н. занимают пословицы, поговорки, различного рода устойчивые сочетания. При этом в большинстве случаев непросто определить соотношение воспроизведимости устойчивого выражения и творческой трансформации языковых единиц. В речевом портрете И. Н. Целиковой находит подтверждение точное наблюдение С. Е. Никитиной о том, что носители устной народной культуры не ощущают резкой грани между своим и цитируемым: «перетекание фольклорной речи в бытовую и обратно — естественное явление. Особенно это касается малых жанров — пословиц и поговорок, которые по природе своей „ничьи“ и являются достоянием всего общества» [Никитина 1993: 12].

Приведем ряд высказываний, в которых представлено естественное включение в речь народной идиоматики, поговорок, устойчивых сравнений, «часто парадоксальных сенитенций, выражающих ценностные суждения», представляющих «кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия» [Телия 1996: 73—74]:

— Мороз невелик, а стоять не велит.

— Ему счастье бог в окно подал (о незадачливом родственнике, у которого оказалась плохая жена).

— Спохватился, когда свет обвалился (о сделанном не ко времени, с опозданием).

— Всех их на одну интку, да в омут.

— Нужна ты Москве, как слепому зеркало.

— Такой хвост подвязать, да кнут показать, так и до Москвы довезет.

— Вот и выстирала все, пока стриженная девка косы не заплела (о своей сноровке).

— Шильцем, мыльцем, белым белильцем (о человеке, сумевшем получить что-либо благодаря своей хитрости).

— На всех репы не у pariшь.

— Дождешься от него помочи, как от турецкого святого.

— Опять пришли деньги занимать. Пошли они к монаху под рубаху, не дам ничего.

- Дурак за дурой далеко дует.
- На угольную яму не напасешь хламу (в осуждение соседке, постоянно берущей деньги в долг).
- Велика родня, от жопы девята кость.
- Закаивалась ворона мороженое говно не клевать...
- Комнату-то она независтную получила, и суседка не та. Вот от волка бежала, на медведя попала.
- Чего ни хватись, то в люди покатись, така у нас теперича жизнь (недовольна тем, что пришла из магазина без покупок).
- А вот капусту глядите какую я купила. Ведь капуста капусте розь, а другую и вовсе брось.
- Он как ейнью дочку увидел, так и засвистел, зашибулся, ну точно мышь в крупу попал (иронизирует над деревенским ухажером).
- Тепло — с носу потекло. Иди-ка поморозься там, как раз вспотеешь (ответ на реплику о том, что на улице стало теплее).

При использовании «народной афористики» нередки метаязыковые вставки, отсылающие к коллективному источнику соответствующего выражения:

- Он ведь совсем не пил, а жили, как нищие. Таких называют «сухой пьяница»: водки не пьет, а денежки не вьет.
- Кто б ей тата [в больнице] дал право в валенках шастать, умная больно. Нет уж, милая, правильно говорят: выше лба уши не растут, а растут пониже.
- Вот ведь баба молодая, а коровы держать не хочет. Тоже мне, господа какие, можно подумать, из принцев вышли. Да, конечно, с коровой надо рано вставать. Да ну их, как хотят, пусть сидят без молока и масла. Верно говорят: не уедно, так улежно (т.е. не сытно, зато есть время бездельничать — в осуждение деревенской родственницы).

«Все поступающие извне языковые впечатления органически врастают в языковой мир личности. Они модифицируются, окрашиваются по-иному, подвергаются иной фокусировке в той уникальной среде, которая составляет языковой мир данного человека» [Гаспаров 1996: 15]. Интересные трансформации претерпевают в тезаурусе И. Н. сугубо книжные устойчивые сочетания, например, «на лоне природы»:

- Она мне и говорит: хорошо вам ездить каждый год в деревню и жить там все лето на луне природы. Пожила бы сама на этой луне природы, постояла бы цельный день у плиты:

Как известно, особое место в лексиконе маргинальной языковой личности занимают заимствования. Отмеченность иноязычного слова в языковом сознании говорящего объясняется его непонятностью, книжностью, особой социальной престижностью. Этот факт неоднократно отмечался лингвистами [Крысин 1992: 64]. Речь И. Н. пестрит заимствованиями. Сам факт использования таких слов явно возвышает ее в собственных глазах.

Заимствования в речи И. Н. почти всегда трансформируются, нередко до неузнаваемости. Процесс «переиначивания», своеобразной «обработки» заимствованных слов — типичное явление просторечия [Диахроническая социолингвистика 1993: 148]:

- У ней топерича аквария большая для рыб, видать разбогател народ.
- У нас теперича в деревне какой-то катарацкий [колорадский] жук появился.
- Евоная невеста как сняла уваль [вуаль], так все чуть и не попадали
- Наши соседи-богатеи зямскую [сиамскую] кошку взяли, а кормить-то и нечем.
- Вот, глядите, света у нас на лестнице нет, а тута люминация горит всю ночь, наберись тута электричества на всех.
- Вот ведь она глыбовая старуха, ветинар войны, а не заботный человек и любит других сплотировать.
- Я кадиакалически отказалась ей [категорически].
- Гальке-то хорошо, у них ведь все комнаты ализированые.
- Мы уже давно здесь живем, аклиматовались.
- У ней вся посуда из аломин, а я люблю малированную.
- Ложечки у меня все хломированные.
- В блокаду ведь кализация [канализация] не работала.
- А ваши-то бутылки от пести-коли тоже сдавать? [трансформация экзотизма пепси-колы].
- Пшено-то раньше было большой деликат, не то что теперича, наши-то богатеи и смотреть на него не хотят.
- Вот я нонче ерминель варю яичную, а яйцами и не пахнет.
- В доме у ней радаш сплошной, а опять новое платье щет, и рукава все вавилоном, вавилоном так и ходят [вероятно, воланом].

Во многих случаях очевидна активизация чисто формальных (по звунию) ассоциативных связей:

- Евоний сын — настоящий агробат.
- В этом магазине весь персонал как на подбор.
- Он учится в етой аспинатуре, а работает в хируническом отделении.
- Они на манервенный переехали (о маневренном фонде жилья).
- Она на второцвета [фармацевта] учится.
- У него сверкома [саркома] была, так и помер.

«Размытость представления о лексических значениях слов из далеких для носителей просторечия семантических сфер создает почву для употребления книжных слов в значениях, существенно отстоящих от значения этих слов в КЛЯ» [Китайгородская 1988: 165]. В рассматриваемом нами речевом портрете носителя просторечия отмеченная черта является одной из весьма заметных. Ср.:

- Мать ее фильтрует [фильтрует], а девке ведь стыдно.
- Ейный муж с каким-то мужским эффектом был, потому у них детей и не было.

- Она взяла **экономический** [академический] отпуск.
— У неё открылась **тропическая** [трофическая] язва.

Заимствования вступают в индивидуальном лексиконе в причудливые семантические связи. Например, слово «штанга» обрастает неожиданными ассоциациями и совмещается по форме и по значению со словом «танк»:

- Каким спортом Витя занимается?
— Волейболом.
— Ну, это еще ничего, а вот которые **танки** поднимают, так ужась смотреть.
— Какие танки?
— Ну, такие колеса большие.

В то же время противопоставляться могут слова, явно относящиеся к одному объекту номинации и в литературном языке находящиеся в отношениях включения: *Ее вчера съездили в больницу, и операцию будет делать не хирург, а профессор*.

«Интеллигентное» заимствованное слово на основе индивидуальных ассоциаций (формальных и семантических) может заменять русское. Так, о привередливой в еде знакомой И. Н. говорит: *Она тоже с большой привилегией*.

Для субSTITУции заимствований достаточным может оказаться внешнее звучание. Так, смотря по телевизору оперу «Борис Годунов», И. Н. комментирует: *Видать, хору́мы вынесли* (имеются в виду хоругви).

Своеобразная синонимия слов может складываться на основе совпадения отдельных семантических компонентов. Ср., например: *Он недавно в траму попал, ну, в аварию, по-вашему*.

Многочисленные высказывания И. Н. подтверждают наблюдения о месте заимствований в идиолекте носителя просторечия: «Преимущественно аудиальные каналы получения информации, недостаточная определенность контекста, в котором впервые воспринято незнакомое слово, слабая осведомленность в обсуждаемой проблематике, зачастую также недостаточно развитое языковое чутье и ряд других обстоятельств служат причиной того, что в идиолектах просторечных лиц многие заимствования выступают в крайне неопределенном значении, с размытой и нечеткой семантической структурой» [Журавлев 1984: 120]. Показательна с этой точки зрения попытка дать развернутое объяснение заимствованному слову. Объявив, что в магазине проведена «сканализация» (сигнализация), И. Н. подробно растолковывает: *Ну, это, значит, чтобы ворье туды не лазило. Это машина такая, говорят, гремит страшно. А то ведь сквозь ихних дверей волк пройдет*.

Народная этимология, весьма характерная для просторечия, мотивирует многие причудливые связи заимствованных слов в тезаурусе языковой личности [Журавлев 1984: 123].

- Сегодня по радио сказали, что будет **восьмивальный** ветер (восьмивальный ⇒ валить ⇒ восьмивальный).

— Ейная соседка говорит, что ей еще до войны **любилей**правляли, а вы ведь знаете, сколько это годов бывает, вот и считайте, сколько это теперь будет, а я думаю, все 90 набежит (юбилей ⇒ любить ⇒ любилей).

— Оне в **проверанс** играют, сразу видно — непутевые люди (проферанс ⇒ игра ⇒ обман ⇒ верить ⇒ проверанс).

— Пускай она свои принципы не устанавливает, подумаешь, какая принцесса. — Ленка и ейный муж уже кончают, но еще **результатию** [диссертацию] будут писать, а пока живут на **стипенсию** (стипендия ⇒ пенсия ⇒ стипенсия). А Верка учится в ПТУ на паликмахера, стипенсии нет, зато получает **одевание** [обмундирование].

Примечательны и попытки приблизить к более привычным номинациям имена собственные. Ср., например: *Я спросила в автобусе, где улица Яка Текло [Жака Дюкло], мне сразу сказали; А что такое Австрия? Это что, Турция, что ли?*

Нередко малоосвоенное заимствование заменяется звучным словом, в узусе семантически далеким, но для носителя просторечия более привычным:

— Я ведь знаю, что Владимир Григорьевич в **кондукторском** бюро [конструкторском] работал, а ведь это работа сырьезная, вот он и устал, пускай теперь отдыхает.

— Любите, чтоб она не пила больше, зашили какую-то **ланну** [ампулу].

— Вы **полированную** треску купили [покрытую панировочными сухарями]?

— Во, смотрите, как ей здорово **декламируют** [аплодируют].

— Вот в нашем магазине взять: до чего **стаж** [штат] большой, а купить нечего.

Неповторимость «лексического портрета» носителя просторечия в значительной степени определяется тем, как он использует словообразовательный потенциал слова. В производном слове особенно отчетливо обнаруживается творческое начало языковой способности человека, индивидуальная языковая картина мира [Роль человеческого фактора в языке 1988: 141–172]. Ощущение мотивированности слова является одним из важных показателей языкового сознания, причем особенно заметна актуализация внутренней формы слова в народной речи [Блинова 1989: 122]. Прозрачность ситуативно обусловленной внутренней формы способствует пониманию в условиях непринужденного общения [Девкин 1984: 15]:

— Лошади **обушатались**, как лося увидели.

— **Питереки** [жители Петербурга] приезжали к нам в деревню всегда на тройках, да еще **убантенных** [с бантами].

— Во какой я **ходельник**: три часа гуляла — и ничего, не устала, не упала.

- Я пошла немножко походить, ноги **попрямить**.
- А лицо у ней как гармошка, ну все как есть **сморщнилось**.
- Если так **неряшничать**, весь пол будет на смарке.
- Во, глядите, и этот **прижопился**, видать, сегодня лед скользкий (по поводу выступления фигуриста).
- Нонче у нас в лесу **солники** еще были, а вот **сущеников** вовсе не было.
- Ну разве она поедет в деревню: она тут живет одна в семнадцатиметровой комнате. Ну где она тамотки будет такое **хорошество** иметь?
- Теперь моя спина до **издохи** болеть будет.
- Ну какая я **малоземина**, надо на стул встать.

В процессе индивидуального словоизъятия нередко образуются слова, омонимичные словам литературного языка, что придает речи особое своеобразие:

- У **ней** организма вся здоровая, а она говорит: «У меня **печенья** болят, мне это против показано».
- Он какой-то институт закончил и всё лето был на **взысканиях**.
- Она очень **счетная**, не могла меня до развалики довести. Эти люди только о **своей морде** помнят.
- Хорошо, что она в деревню поехала и мать еще в **живности** застала.

Индивидуальное словоизъятие активизирует и особые семантические связи. Ср.:

- Мы туды еле **вбились** в автобус, да так всю дорогу ехали **внабой**.
- У вас все **нутреннее** болит, а лучше бы **верховое**.

Слова литературного языка (стилистически нейтральные и книжные) в тезаурусе И. Н. часто трансформируются (при этом также нередко наблюдается процесс актуализации внутренней формы слова), что весьма характерно для городского просторечья:

- На той неделе в церкви митполит служит. Оне ведь в етом сане **детственники** бывают, им жениться нельзя.
- Вон этот автобус делает очень **далнее преследование**.
- Операция у **ней** была **кровопролитная**.
- Она работает на дороге **дальнего исследования** кондуктором.
- Грипп топерича такой, что **смертельность** очень большая.
- Да ведь это я не с **умышленности** сказала.
- У **ней** страшная **задышка**.
- А комнату-то она **независтную** получила.
- Картошка там была по кулаку, меня аж **завидность** взяла.
- У **ней** мать недавно померла, а топерича мужик пластом лежит: ведь прямо у бабы какое-то **невыходное** положение.
- Уж какой он **недолговидный** был, ведь евойной дочери ничего не досталось.
- Она, видать, **долгозорная**, поэтому плохо и видит.

- Вот у меня валенки **стопотопные** [допотопные], а еще хорошие, да ведь их надобно уметь беречи, а то ведь моли все сожрут.

Для носителя просторечия весьма характерны неожиданные, основанные на отдаленных семантических связях соединения слов в речи, разного рода референтные смешения. Приведем показательный диалог:

- Хорошо, что оне на мово Серёжу не сказали, что деньги пропали, а то бы я им показала, как людёв оскорблять. Я бы до **синода** дошла.
- А что такое **синод**?
- А это куды жалуются. А не помогло бы, так и дальше, в Большой дом, ведь мой Серёжа от них работал.

Ср. также:

- Лекарство у меня кончилось, а надобно бы еще купить. Валька говорит, была опять в гопатической аптеке, так **горошком** теперича тама нету. Ну и брала бы **мукой**, не все одно? (общая сема «измельченный» в последнем высказывании объясняет смешение слов **мука** и **порошок**, смешиваются также слова **шарки** и **горошек**).

Примечательной чертой индивидуального лексикона носителя просторечия является свободный выбор семантических партнеров для слов, обладающих в литературном языке ограниченной сочетаемостью. Ср.:

- У меня сегодня **скоропостижный** пирог.
- Она была **закадычная** еврейка.
- Я так боюсь по скользкому ходить: того и гляди **наизнанку** упадешь.

Подводя итог наблюдениям над речевым поведением одной языковой личности, подчеркнем то творческое отношение к языку, которое обнаруживается даже в речи неграмотного человека, и своеобразное соединение в ней разных влияний: диалектной среды, с одной стороны, и обиходного словаря горожан — с другой. Остается открытый вопрос, в какой мере отмеченные здесь черты лексикона маргинальной языковой личности отражают своеобразие уходящего социально-культурного феномена, а в какой — характерны и для носителей современного нелитературного просторечия.

Глава 3

Речевой портрет бизнесмена

Т. А. Милёхина

Бизнесмены — не только сравнительно новая для России профессия, но и новая социальная группа, представителей которой объединяют высокие доходы, более или менее однотипный образ жизни, новая мораль, особая психология. Поскольку эта группа только формируется, то довольно трудно очертить её границы. Так, например, ясно, что к бизнесменам относятся предприниматели, имеющие *своё дело*. Однако это «своё дело» может быть очень разным. Это и банкиры, и строители, и юристы, и врачи. Несмотря на профессиональные различия, их объединяет общая цель деятельности — извлечение прибыли.

Долгое время профессиональная коммерческая деятельность устойчиво ассоциировалась с определённым социально-политическим строем. Большинство слов, имевших в русском языке значения, синонимичные слову *бизнесмен*, либо актуализировало сему политической принадлежности, либо являлось экспрессивно-оценочным. Политическую подоплётку имели слова *капиталист* ‘представитель господствующего класса капиталистического общества, эксплуатирующий наёмный труд’, *предприниматель* ‘капиталист, владелец промышленного, торгового предприятия, ловкий организатор выгодных предприятий’, *промышленник* ‘владелец капиталистического промышленного предприятия’ (толкования даны по [МАС]). Стилистически разговорным и негативно окрашенным является слово *воротила* [МАС; ССРЛЯ 1991].

Лексические значения этих слов претерпели в последние 20 лет существенные изменения, которые были связаны не только с перестройкой массового общественного сознания, но и с поисками адекватного наименования вновь появившегося класса самостоятельных предпринимчивых людей. Политический фон, существовавший у большинства перечисленных профессиональных наименований вплоть до начала 90-х гг., к концу девяностых постепенно исчезает. Словарные статьи осторожно фиксируют, что *капиталист* — это владелец капитала, использующий свои средства для извлечения прибыли; *предприниматель* — тот, кто имеет своё дело, владеет предприятием; *промышленник* — владелец или представитель директоров промышленных предприятий [ГСРЯ 1998].

Однако ни одно из этих слов не смогло стать универсальным наименованием новой социально-профессиональной группы. Стилистическая принадлежность суффикса препятствовала в этом слову *воротила*. И хотя в словаре под ред. Г. Н. Скляревской *воротила* — это человек, который уже не ворочает, а располагает большими деньгами и организует прибыльные дела [ГСРЯ 1998], это слово не столько называет, сколько характеризует обозначаемое явление. Активное функционирование слова *капиталист* невозможно в современном узусе из-за прозрачности живой внутренней формы. В значении слова *кооператор* слишком сильно акцентируется общественный характер собственности. Реальная экономика страны практически не даёт оснований для использования слова *промышленник*. Только слово *коммерсант* не изменило своего значения и сохранило прежний статус — это ' тот, кто занимается коммерцией' [МАС; ГСРЯ 1998]. Возможно, это связано с тем, что оно так и осталось принадлежностью пассивного запаса, не прижилось в активной речевой практике.

Наиболее нейтральным, а потому доминирующим в этом ряду является слово *бизнесмен*. Им мы и будем пользоваться.

Широкое распространение слова *бизнесмен* относится к 90-м годам, когда оно последовательно вытеснило сначала *кооператоров*, затем имеющих ярко отрицательную метафорическую образность *новых русских*. Это слово привлекло всеобщее внимание как не имеющее негативных ассоциаций в силу своего иноязычного происхождения. «*Бизнесмен* (англ. *businessman*, от *business* — коммерческая деятельность и *man* — человек) — делец, предприниматель; тот, кто делает бизнес на чём-нибудь» [Крысин 1998]. Еще в 1991 г. *бизнесмен* остаётся по-прежнему и «предпринимателем» и «дельцом» [ГСРЯ 1991] и тем самым сохраняет экспрессию неодобрительности, поскольку *делец*, в соответствии со словарной дефиницией, — это тот, кто умело, предпринимчиво, с большой выгодой ведёт свои дела (обычно с оттенком неодобрительности) [ГСРЯ 1993]. Только в 1998 г. это уже 'организатор бизнеса, коммерсант' [ГСРЯ 1998]. Наряду со словом *бизнесмен* в качестве самого частотного синонима работает в современном языке также и слово *предприниматель*, называющее человека, способного предпринять что-либо, предпринимчивого и делового, того, кто имеет своё дело, владеет предприятием или на свой риск занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход [ГСРЯ 1998].

Данная статья опирается на записи устной речи работников крупных фирм и владельцев торговых павильонов города Саратова.

В статье представлен речевой портрет бизнесменов как описание их устной речи. Для устной речи этой социальной группы говорящих характерны черты, вообще отличающие устно-разговорную литературную речь от речи книжно-письменной: неполный стиль произношения, разговорные синтаксические структуры и т. п. Используются все известные и наиболее ходовые в разговорной речи синтаксические модели: именительный темы,

качественные конструкции, разговорная модель номинации, парцеляция, эллипсис, перебивы. Например, именительный темы: *Женский костюм / за три сто // Пусть он ацетат // Пусть не хлопок... не чё-то там // Не ангорка // Ничего // Но три сто!; Товар // Любой товар...;* качественные конструкции: *Люди / они / конечно... могут себе позволить // Тенниски / они ушли / кстати //;* разговорная модель номинации: *Не / понимаешь // Люди / они / конечно / могут себе позволить... Но им нужна ещё и повседневная одежда // Майка дома ходить //;* парцеляция: *Белых / по-моему / 786 // По контракту // Сёдня опять что ль народ пошёл / да? По мелочёвке в основном //;* эллипсис: *А чё / белых что ль много пришло? Белых / по-моему / 786 // По контракту // А розовых — 1883 // Причём / не рваные / а грязные // Масло / руки //*

В фонетике наблюдается полное соответствие литературной норме. Произношение является литературно-разговорным: *что, ничё, щас, сёдня, чё-нить, какая-нить, кнешно, пасмарел, ваще* и т. д.

И всё же социально-профессиональная среда откладывает отпечаток на речь и прежде всего на лексический уровень.

Параметры речи бизнесмена определяются рядом социальных и ситуативных факторов, важнейшими среди которых являются образование, возраст, пол говорящего, условия общения, сфера деятельности.

Образование обеспечивает владение культурной нормой. Бизнесмены с высшим образованием свободно владеют речевыми ресурсами, практически не допускают ошибок, тогда как речь бизнесменов со средним образованием пестрит нормативными нарушениями.

Возраст играет немаловажную роль в отборе лексического материала. Особенно это касается жargonной лексики. Бизнесмены до 30-ти используют эту группу слов чаще, тогда как представители старшего поколения оперируют преимущественно сниженной, грубой лексикой.

Условия общения, различные по своей природе, не нарушают речевого единства этой социально-профессиональной группы. И в профессиональном, и в бытовом неформальном общении лексическое своеобразие сохраняется.

Сфера деятельности также оказывает формирующее влияние. Так, например, речь бизнесменов, работающих в крупных финансовых и торговых компаниях, существенно отличается от речи людей, занимающихся индивидуальной торговлей, частнопредпринимательской деятельностью меньших масштабов (примеры см. ниже).

Речь человека, пожалуй, как никакая другая характеристика, обусловлена семейной традицией говорения. Кроме того, и личностный, индивидуальный фактор, несмотря на нормы корпоративного общения, которые нивелируют индивидуальные свойства речи, всё же остается одним из наиболее значительных. В речи бизнесменов наблюдаются также различия, обусловленные различиями по полу. Преимущественно в речи женщин-бизнесменов используются, например, дiminutivы *котятки, носочки,*

кошечка: Ты моя любимая / ты моя сладкая / кошечка моя хорошая / красавица моя //; Г. там в носочках // Мужской речи свойственны экспрессивно-оценочные слова, несущие негативную оценку: дурак, козёл, тётка ('женщина'), орать: Он же начал говорить / что я... дурак / козёл / что я сломался //; Он сказал / вчера эта тётка приходила //

Таков перечень факторов, формирующих речевой портрет. Важнейшими из них являются уровень образования и условия общения. Уровень образования может быть высшим и средним, условия общения деловыми и дружескими. Определяющим является общий уровень культуры. Различия, обусловленные уровнем образования, связаны с таким параметром, как нормативность / ненормативность.

Речевая культура бизнесменов с высшим образованием довольно высока. Нарушения языковых норм связаны с изменением ударения, допускаемым современными словарями, например, позвоним, продали; неправильным употреблением иностранных слов: А чё он сказал / сначала / куда поедет? Ну щас позвоним ешё / чё ты // Конечно / в нашей системе может быть / и задержаться можно // Белых / по-моему / 786 // По контракту // А розовых — 1883 // Я / значит / перепутал // Я просто думал // Мы же продали 1000 в «Людмила» ... 8... в правобережный //; Он / когда волнуется / не те слова применяет // Он говорит / ко мне приходит тапёр // Ну / киллер / в общем-то // И рассказчик, и тот, чью речь он передаёт, оба имеют высшее образование.

В речи бизнесменов со средним образованием речевые ошибки распространены больше: Больше я с вами делов иметь не буду //; И вся уставная деятельность / то есть полученные средства... //; Не развязжи Масхадов войны / мы развязем // Это гуманитарно // Он поступает гуманно // А со стороны чеченцев это гуманитарно?; Фамилию ихнюю упоминать не надо //; Деньги / которые с Москвой вернул... //

В этой подгруппе широко используются слова — заменители пауз: скажем так, будем говорить, чисто, там: Меня там чисто пригласили там //; Я снимаю зал и потом / скажем так / поминальный обед //; У нас в первой школе прям концерт был // Бардов пригласили / чисто афганцев пригласили //; Всё идёт чисто большие праздники //; Это был чисто деловой разговор //

В речи бизнесменов с высшим образованием такие слова более разнообразны и не так сильно подвержены моде: значит, оба, раз, вот, как-то, вообще, так, понимаешь, там вот, то есть это, вот это там, скажем, знаешь, вот это вот. Например: Г. там в носочках //; А он там подвиг совершил //; Он пришёл так / сказал //; Раз там // Так / надо менять вторую квартиру //; Он в бега ударился значит / да?

Различается речь этих людей самим набором используемых стилистически маркированных лексических единиц. В речи образованных бизнесменов фиксируется отсутствие табуированной лексики, во всяком случае, она не использовалась при авторе, но встречается и обсценная: Ты чё /

гад / ты чё / ё... //; Я думаю / ни фига себе //; Е... // Мы с тобой будем соревноваться... // Вхождение таких слов в текст осуществляется с помощью особой интонации, выражающей возмущение, крайнее удивление, и отличается высокой степенью эмоциональности. Эти слова как эмоционально яркое, сильное средство используются в разговорных синтаксических структурах. Откровенно бранные выражения не употребляются в присутствии женщин.

Просторечная лексика носит преимущественно эмоционально-экспрессивный, но не грубый характер: Вишь / там баланс такой //; А он сматывается в Москву на неделю / семью отправляет и сидит там ждёт / понимаешь?; Прожрёшь все деньги //; Доллар попёр //; Мужик раскрылся; Мотается по стране //

Употребление ярких, по преимуществу просторечных и жаргонных слов и оборотов весьма характерно для среды бизнесменов; ср.: Работыга на заводе щас 25 штук получает // Бандюги приезжают там... //; Какая-нибудь бабулька такая / которая сидит в отделе кадров вот с такими ручищами... // Она с удовольствием его вольёт //; Ниша на среднего покупателя //; Не // П. недавно у нас... // У него крыша уехала // Он в бега ударился / значит / да?; Страдает имидж фирмы //; Он так / домашний бизнесмен / работает на телефоне //; Бизнес зацикливается на какую-нибудь структуре //; Не выдержал / у него давление скакнуло //

Надо отметить, что многие информанты отчётливо понимают вульгарность или грубость некоторых слов и выражений; это получает отражение в их метаязыковых высказываниях; ср.: Причём не рваные / а грязные // Масло / руки / там вот то есть... // По текстильному... всё нормально / ни зацепок нет / ни швов там... кривых // Всё нормально // Вышивка отличная... // Ну прямо где пlesень / где вот / извиняюсь за выражение / сопля какая //; Вообще вся кофточка... // Ну / она вся какая-то потопченная / помеченная / грубо говоря //

В речи бизнесменов со средним образованием присутствие женщин не является сдерживающим фактором, ограничивающим использование грубого просторечия и табуированной лексики: Сослуживцы мне там говорили / ты там жопу рвёшь перед начальством //; В торговом павильоне / там была комната // Напарывался до такой степени / что меня увозили //; Я когда / как мои родственники говорили / просрал кредит / я пил по-чёрному //; На хрен оно вам нужно... //; Он начал выступать / халить мою организацию //; А чё твой союз чё заглох?; Бабы (мать и жена) / тише //; А я говорю // Падла, собака, зараза // Здесь просторечная стихия оказывается основой, фундаментом речи.

Если для речи бизнесменов с образованием имена собственные представлены рядами Диман, Андрюха, Андрюша, Танька, Ветка, Ирка, а также пофамильными именованиями, то в речи полуобразованных бизнесменов

это такие формы имён, как *Юрок, Витёк, Вован, Колян*, номинации по отчеству: *Палыч, Михаил*.

В речи бизнесменов, имеющих образование, присутствуют все типы книжной лексики, включая общекнижную (*стратегия, общение, планировать, информация*), официально-деловую (*идёт обсуждение, взаимные интересы, предъявить претензии*), публицистическую (*поставил цель, подвиг совершил*), терминологическую (*конвертация, конъюнктура, себестоимость*): Это из его *стратегии / общение с нормальным товаром // С деньгами //*; *Планирую на следующей неделе //*; *Информация по деньгам у тебя есть?*; *Мы взаимно кинули друг друга //* — Понятно // — *При взаимных интересах //* Без стрельбы //; *Он в бега удалился значит / да? — Не / дело //* Вишь / там баланс такой... — *Предъявили ему какие-то претензии... //*; *Там идёт обсуждение //* Ну / там / *обсуждение / эт / такое / орут... //*; *И Г. поставил цель //* Он всю игру его толкал //; *Сначала деньги шли по партиям / а потом на конвертацию //*; *Он оторвался мощно от конъюнктуры //*; *Берём по себестоимости / осталось будет с накруткой 25% //*

Собственно экономическая терминология наблюдалась нами только в речи бизнесменов с высшим образованием, тогда как в речи бизнесменов среднего уровня образования были зафиксированы экономические выражения *сумма расчёта, оставить на реализацию, компенсировать часть денег, партии денег, погасить процент: Известна уже сумма расчёта // Деньги шли по партиям //*; *Оставил на реализацию мясо // Часть денег она мне компенсировала //*; *Если не погасишь процент / банку без разницы //*

В речи информантов этой группы стилистическая природа книжной лексики искажается: она употребляется достаточно широко, но становится основой для многочисленных стилистических ошибок: Я знаю его чисто в политическом плане; В обычном ритуале провёл день; А вот здесь я вам говорю чисто как воин //; Разговор ни о чём / но на перспективу //; И вся установка деятельность / то есть / полученные средства... //; Мать / доставай бутылку самогонки и кризис исчерпан //; В торговом павильоне / там была комната / напарывался до такой степени / что меня увозили // (вместо обычного в ларьке, на точке); У меня был гарант нормальный / хороший парень //

Наиболее специфичной, ярко отражающей лексическое своеобразие речи бизнесменов с высшим образованием является профессиональная лексика. Неофициальность отношений освобождает от необходимости применения в речи точной экономической терминологии, а тематика делового общения требует обсуждения деловых проблем, рабочих ситуаций, поэтому именно профессионализмы — неофициальные нанменования явлений и понятий деловой жизни — выходят на первый план. Группа этих слов обширна и объединяет единицы, которые могут быть систематизированы по различным параметрам: структуре, происхождению, степени распространённости, уровню вхождения в литературный язык. Ср. такие

примеры: *утрамбовать* ‘заставить принять низкие цены’, *засада* ‘критическая экономическая ситуация’, *откат* ‘оплата посреднической услуги’, *мёртвая майка* ‘майка, не пользующаяся спросом’, *бросить информацию* ‘передать по телефону’, *просесть с товаром* ‘не продать товар’. Интересны синонимические замены, возможные в некоторых из подобных оборотов: например, не продающийся товар может быть не только *мёртвым*, но и *убитым*; информацию можно не только *бросить*, но и *спихнуть, столкнуть*; с товаром можно не только *просесть*, но и *повиснуть, зависнуть*. В других словосочетаниях подобного рода глагольные компоненты такой замены не допускают; ср.: *оплатить бутербродом* ‘оплатить и безналичным путём, и наличными деньгами’, *снять шапку* ‘снять со счета наличные деньги’, *уйти в ноль* ‘понести убытки’, *лечить уши* ‘обманывать’.

Происхождение профессиональных единиц различно. Их возникновение связано с заимствованием профессиональных ресурсов из речи других групп, словообразованием на основе продуктивных словообразовательных моделей, переосмыщлением литературных слов и выражений.

Заимствуются профессиональные словосочетания чаще всего из смежных с бизнесом областей деятельности: торговой, экономической, канцелярской. Например, активно употребляются бухгалтерские профессионализмы: *приходник, расходник* ‘приходный, расходный кассовые ордера’, *наличка* ‘наличные деньги’, *платёжка* ‘платёжная ведомость’.

Словообразование профессионализмов идёт на основе продуктивных словообразовательных моделей современного русского языка, среди которых особенно активно используются суффиксация, семантическое стяжение, усечение, универбация, т. е. те модели, которые особенно актуальны в разговорной речи и в современных жаргонах. Например: *чёрный нал, белый нал* ‘незадокументированные или задокументированные деньги’, *отт* ‘оптовые партии товара’, *отмывка денег* ‘перевод нелегальных денежных средств в легальные’, *ездун* ‘совершающий чартерные рейсы за границу’, *кидняк* ‘обман’, *солидняк* ‘солидный, дорогой товар’, *приходник, расходник, платёжка, наличка*.

Чаще всего возникновение профессионализмов связано с образованием не новых слов, а новых значений. Большинство профессионализмов — это слова и словосочетания литературного языка, получающие в профессиональной среде иное значение. Преимущественно используются метафорические переносы. Характер связи нового значения с исходным различен. Ср. следующие примеры: *ход* ‘продажа товара’, *засада* ‘критическая экономическая ситуация в делах фирмы’, *снять шапку* ‘снять со счета наличные деньги’; в этом словосочетании метафорически переосмыщлено слово *шапка*: оно значит ‘наличные деньги’. Сема многослойности становится основой метафоры в выражении *оплатить бутербродом*, в котором *бутерброд* — соединение не продуктов питания, а наличных и безналичных денег. Ассоциативный ряд совмещает неудачу в торговых операциях с

такими физическими действиями, как прогибание под действием тяжести, что демонстрирует выражение *просесть с товаром* ‘не продать товар’. Но наиболее характерна для профессиональной метафоризации опора не на основное лексическое значение слова, а на периферию его семантики (в литературном языке). Особенно часто в основе переосмыслиния оказываются значения разговорные и просторечные, переносные свободные и фразеологически связанные, терминологические, специальные (финансовые, авиационные, экономические, военные).

Именно разговорное значение глагола *убить* (*убить время*) ‘израсходовать, истратить нерасчётливо, неразумно’ переосмыщляется в профессиональном выражении *убитая позиция*. Причастие означает в данном случае не ту, которую убили, не подавленную или угнетённую, а плохой, не окупивший затрат товар. На просторечное значение глагола *замкнуть* ‘запереть, закрыть на замок, на ключ, соединить крайние части, концы чего-либо, сомкнуть’ опирается профессиональное словосочетание *замкнуть дело* ‘подготовить все для успешной торговой операции’.

Специальная терминология этимологически подпитывает целый ряд профессионализмов. Существительное *откат* ‘оплата посреднической услуги’ связано с военным термином, обозначающим обратное движение артиллерийского орудия после выстрела. Причастие в словосочетании *зависшая экономически безвыходная ситуация* опирается на авиационный термин *зависать*, который означает ‘задержаться, остановиться над чем-нибудь в полёте или в момент свободного падения’. Устойчивые словосочетания обнаруживают семантическое родство с профессиональными. В профессиональном *майка мёртвая прилагательное* имеет значение ‘очень плохая, та, которую невозможно продать’ (ср. выражение *мёртвый капитал* — ‘ценности, имущество, не приносящие дохода’).

Словосочетание *бросить информацию* ‘передать по телефону’ также не является случайным. В биржевых операциях *бросить* означаетпустить в продажу в большом количестве ценные бумаги, например, *бросить акции*. Глагол имеет также разговорное значение избавиться, освободиться от чего-либо (обычно гнетущего). Основа для возникновения метафорического профессионального значения обнаруживается как в разговорной речи, так и в финансовой терминологии.

Итак, самым характерным, самым распространённым способом создания профессионализмов является переосмысление значений общелитературных слов.

Профессионализмы различаются и по степени вхождения в литературный язык. В последние годы многие профессиональные слова, употреблявшиеся ранее только в речи бизнесменов, регистрируются в некоторых словарях с пометой «разг.»: *наличка, контора, членок, заколотить, крутой, крыша*. А слова *кинуть* и *штука* в значениях: ‘совершить мошенничество, обмануть, провести кого-л., причинить материальный ущерб’ и ‘тысяча

рублей’ вовсе не имеют никаких помет и являются, таким образом, если верить авторам «Толкового словаря русского языка конца XX века», литературными (см. [ТСРЯ 1998]).

Известность, распространённость в речи у профессиональных единиц также различна. Например, такие профессионализмы, как *разフルить, кинуть, членок*, известны всем, тогда как *утрамбовать, откат, уход, засада* менее распространены и не всем понятны. Об определённой известности некоторой части профессиональных слов свидетельствует факт их включения в словари, например, в «Толковый словарь русского общего жаргона» [Ермакова, Земская, Розина 1999]. Слова *крутить, наваривать, отмывать, перекачивать, прокручивать, отстегнуть, отключить, нал, безнал* потеряли профессиональную прикреплённость, расширили сферу своего употребления и стали «общежаргонными».

В речи бизнесменов, имеющих образование, профессионализмы употребляются не только в деловом, но и в бытовом общении, однако здесь профессиональная специфика проявляется не так отчётливо. Количество профессионализмов минимально, появление их в речи связано с обращением к деловым проблемам: *откатить, нахлобучить, отрокинуть, отключить: От сделки откатили процент / ну процент откатили / эт / откатили денег от сделки //; А нахлобучили / эт обманули //; Ну / отключил или отключил / я чёт не понимаю //* Активному переосмыслинию подвергаются глаголы движения (*катить*), глаголы физического воздействия (*отрокинуть, нахлобучить*), физиологического действия (*слюнявить*). Профессиональные значения, возникающие у данных слов, как это вполне очевидно, основываются на значениях, присущих этим словам в литературном языке.

Профессиональная лексика, широко представленная в речи образованных бизнесменов, у бизнесменов без образования не отмечена вообще. Возможно, этот факт объясняется неофициальным характером беседы, во время которой делались записи, хотя, надо сказать, проблемы бизнеса, работы активно обсуждались, но использовались при этом другие типы лексики — официально-деловая, просторечная: *Есть семейный подряд // Муж решает денежный подряд / а она заказывает ассортимент товаров //; О деньгах я с ней не веду речь // Моя сфера — ассортимент // Финансовая часть — есть муж //; Я разговариваю с бухгалтером / она начинает мутить воду //* Представляется, что этот тип людей практически не пользуется профессионализмами, место таких слов занимают просторечные и неправильно употреблённые книжные слова.

Слова общежаргонного характера активизируются прежде всего в речи образованных бизнесменов. Это такие слова, как *крыша* ‘прикрытие’, *крутой* ‘производящий сильное впечатление’, *кадр* ‘некто особенный, нетипичный, странный’, *штука* ‘тысяча рублей’, *заморочки* ‘неприятности’, *скрепаниться* ‘подружиться’, *кинуть* ‘обмануть’, *подкатить* ‘подойти, подъехать’, *мёртвый* ‘в сильной степени опьянения’, *отдыхать* ‘смеяться’, *полам*

'очень сильно смеяться', *крендель* 'хитрый, пройдоха', *наезжать* 'жёстко навязывать своё мнение', *накрученный* 'очень деловой', *навороченный* 'модно одетый', *упакованный* 'обеспеченный' и др.: *Эт вабще / кадр //*; *Ну эт лёня / кадр //*; *Один (котёнок) стоит 50 штук / а другой / 150 //*; *Раз... / Оба... / Пензу там прошли //* *Местные подкатывают / требуют сто тысяч //*—*Ты знаешь / грит / А. стала последнее время такая нервная //* *И у меня там какие-то заморочки //*—*В. киданула РИФ //*—*Киданула? —Киданула / конечно //* *Она... //*—*А РИФ киданул её //*; *Они с М. скорефанились //*; *Лёня вабще мёртвый был //*

Помимо различных принципов отбора лексического материала речь бизнесменов разного уровня образования дифференцируется и по функциям, которые выполняют лексические средства.

Высшее образование, интеллигентская среда воспитания обуславливают умение пользоваться основными принципами языковой игры. Так, информанты с высшим образованием активно используют словесную игру, словотворчество: *Эт ментоловые / вот воровские какие-то выражения; Она же теперь работает / в совместном предприятии //* Сингапурском //—*Не // Не в совместном... //* *Кровать отдельная //*; *Он грит / ко мне приходил тапёр //* *Ну киллер в общем-то //* *Когда я А. пересказывал / он грит / наверное / не тапёр / а труппёр / грит / наверное //*; *Мы смотрим / значит / за / крышками //* *Вот / крышки / видишь / там / раз / его крышка / вот она поехала там... //*

В речи бизнесменов с высшим образованием частотны разного рода цитаты — от прямых вкраплений на иностранном (английском) языке до цитаций интонационно-звуковых: *Его кинула его крыша // Пришёл труппёр // который сказал ему / Низя!; Всё! Атас! Вперед! Боевая готовность номер один! Там / раз / вот / там / оба! Координаты запишите!; Её увозят куда-то на турбазу / в Пермь / на Каму... //*; *Look at me / crazy //*

Для речи некоторых групп бизнесменов, имеющих высшее образование, весьма характерно использование средств военного языка — слов, оборотов, синтаксических конструкций: *Понимаешь / осторожность в том наступает / что / когда / эт самое / когда / в ракетных войсках / вот / там / в космосе наблюдают вот / там / смотрят / да / в микроскоп / оттуда американцы / мы смотрим / вот / крышки / видишь там / раз / П-ая крышка... / вот она поехала... / там... / оба! Всё! Запишите! Стоп! Всё! Зафиксировать! Координаты запишите! Так! Быстро! В штаб! Тру-ру-ру! Пошла морзянка! Там / П. перехватил // Раз там // Так // Надо менять нам вторую квартиру // Агенты там... //*

Речь бизнесменов, не имеющих высшего образования, также носит образный характер, однако эта образность имеет другую природу, сочетается с неправильным употреблением слов, с речевыми ошибками, с просторечной лексикой: *Рост квартир так пошёл в гору / мне нужно было выдернуть всё //*; *Нарисовал ему бизнес-план / разрисовал всё красиво //*; *Они могут пыхтеть и друг другу не сказать ни слова //*; *Я по командировкам мотаюсь / и*

псханут / и посуду швырнут //; *Дети у меня... / это атаманши //*; *Внутренний голос после года пьянки говорил / Похмелись / похмелись //*; *Если ещё один визг / я их выкину в окно //* *Больше капроновых колготок у тебя не будет //*; *Когда расстреляли председателя / все как акулы разорвали //*

Для речи бизнесменов без образования особенно свойственно присутствие различного рода фразеологических единиц или их трансформов: *То есть каждый старается тянуть рубаху на себя //*; *В наше время трудно вот / локти-то вот они //*; *Вот у меня есть палец на руке // Ни за какие баранки я не дам / чтобы его отрезали //*; *Никогда я их ни разу пальцем не тронул //*; *Приеду в Энгельс / мне там голову отвернут //*

Таким образом, принципы отбора лексики и особенности её функционирования у бизнесменов с разным уровнем образования различны, однако интересно, что общими у них являются принципы семантической организации коммуникативного пространства, что проявляется в распространённости определённых тем разговоров: это по преимуществу темы работы, отношений в семье, развлечений и отдыха. Весьма специфичной является тема опасности, смерти. Она имеет место у бизнесменов разного уровня образования: *Он грит / ко мне приходил тапёр //* *Ну киллер в общем-то //*; *Он решил / что его все хотят убить //*; *Ты знаешь / она стала последнее время очень нервная... //* *Ну я и решил / если есть один процент риска / то лучшие не рисковать //*; *Мы Ксеньку одну никуда не отпускаем //*; *Уже девятый час / когда он сказал приедет?*; *Когда расстреляли председателя / все как акулы разорвали... //* Тема смерти находит отражение и в художественных текстах, авторами которых являются бизнесмены. Ср., например:

Не пишите с того света,
Не доходят ваши письма
Вас, прошедших устье Леты
К нам в шальних широтах жизни...;

Я привыкаю умирать
Как раньше привыкал мечтать...;

Господи, нашим уже роют могилы...;
Я сам себе сегодня подписал
смертельный приговор
и не заметил...;

Но час придёт
И нож войдёт под дых.
И времени не будет на усмешки.
И времени, чтобы оформить стих
И времени пройти из ферзей в пешки;
Берите карты.
Ваши ставки
Сегодня не пивко и кости

Вы с черепом на грань не бросьте,
А там одни лишь черепа—
Вот это, братцы, суета...;

Я, конечно, молодчина,
Что закутался в доху,
Что в машине, как в гробу.
[Сокульский 1999]

Однаковое направление принимают рассуждения о семье, например, оценка мужчинами-бизнесменами, с образованием и без, возможностей женщин в бизнесе: Я ей говорю / Не лезь!; Это равносильно тому / что сидит генерал и обсуждает наступление вот там / а жена... свою тактику //; А. А В. у нас теперь тоже крутая бизнесменка // Она же теперь работает в совместном предприятии // Сингапурском // Б. Не // Не в совместном... // Кровать отдельная // (реплика мужа).

Актуальная тема алкоголя, выпивки: А. Они на работе отдыхают // Б. Мы? Мы на работе вечером // Бутылку красного вина... //; Поехали в кабак / посидим / бутылочку вина / коньячка / кофе // Это же не то что каждый день / коньячок //

Таким образом, речь бизнесменов, имеющих высшее образование — это типичная речь технической интеллигенции, которая, однако, приобретает приметы иной профессиональной ориентации, в соответствии с тем родом деятельности (предпринимательство, торговля и т. п.), которым занимаются эти люди. Речь бизнесменов со средним образованием представляет собой соединение разных речевых традиций, разных культурно-социальных миров.

Однако в речи бизнесменов, имеющих разный уровень образования, обнаруживаются и общие черты. Устная речь бизнесменов формируется под влиянием двух факторов — профессионального и социального. Профессиональные параметры доминируют в деловом общении, тогда как социальные преобладают в бытовом. Социальный и профессиональный факторы переплетаются. Социальное положение бизнесменов определяет семантическую структуру их речи, что сказывается в отборе литературной лексики, подвергающейся переосмыслению и функционирующей в качестве профессиональной, а также в тематическом своеобразии речи.

Итак, можно сделать вывод, что речь бизнесменов, во-первых, неоднородна и зависит от уровня их образования. Во-вторых, в ней проявляются и индивидуальные черты — идущие от семейной традиции, воспитания, прежней профессии, — и черты корпоративно-общие, обусловленные социальным статусом этих людей.

Глава 4

Речевой портрет «нового русского» как героя анекдота и литературного персонажа

Е. Я. Шмелёва

И вранье это все, что народ у нас не любит богатых... Ведь они давно уже стали такими же почетными героями шуток, как **Василий Иванович**, чукча, поручик **Ржевский** и **Вовочка**. А что, как не это, доказывает: народ восхищается ими и лишь в виде ненавязчивой сатиры указывает на отдельные перекосы, вызванные их одержимым стремлением к прекрасному (в их понимании, конечно). Или в просторечии, на **понты корявые**.

(«АиФ», 2000, № 13.)

Новые русские являются главными персонажами городского фольклора конца ХХ в., а также героями многих газетных публикаций, литературных произведений, фильмов и телепередач. На наших глазах сформировалось стереотипное представление о *новом русском*, его внешности, характере и манере говорить, близкое к так наз. *этностереотипам* [Крысин 1991] — бытующим в русской языковой среде представлениям о внешности, национальном характере и речевом поведении народов-соседей.

Следует подчеркнуть, что так же, как русская речь грузин или чукчей из анекдотов не идентична реальной русской речи носителей этих языков, так и речевой портрет *нового русского* — героя анекдота и литературного персонажа — не является речевым портретом представителя этой социальной группы. Имитация русской речи *новых русских* в анекдотах отражает стереотипы восприятия особенностей их речевого поведения, сложившиеся у носителей русского языка. Представляется, однако, что эти стереотипы заслуживают внимания исследователей — как сами по себе, так и в качестве отражения реально существующих особенностей имитируемого речевого поведения.

Итак, каким же предстает стереотипный *новый русский* — герой городского фольклора последнего десятилетия ХХ в.¹ Интересно, что *новые*

¹ Материалом исследования послужила собираемая автором на протяжении последних 8 лет картотека и фонотека анекдотов, газетные и журнальные публи-

русские в анекдотах — это только мужчины, анекдотов о *новой русской* не существует; и это при том, что в анекдоте может фигурировать жена или любовница *нового русского*. По-видимому, это объясняется тем, что фольклорный *новый русский* — не просто деловой человек (ведь существуют же у многих народов наряду с анекдотами о бизнесменах анекдоты о деловых женщинах — бизнесвумен), а человек, связанный с криминальным «мужским» миром разборок, драк, стрельбы.

Прежде всего, как легко заметить, существует ряд анекдотических внешних атрибутов *нового русского*. Это бритый затылок (Знаете, почему *новые русские* так коротко стригутся? — Приходя в парикмахерскую, они говорят мастеру: «Стриги, короче...»), накаченные плечи (в анекдотах часто *новых русских* называют *качками*), толстая золотая цепь (голда) и массивный золотой перстень, 600-й «Мерседес» (Решив *новый русский* молодость вспомнить, в троллейбусе покататься. Но не смог — «Мерседес» в троллейбусе не поместился), мобильный телефон (*мобила*). В анекдотах первой половины девяностых годов непременными атрибутами *новых русских* были также красный или малиновый пиджак, но, если судить по новым анекдотам, теперь в моде пиджаки от Версаче, ср. в этой связи результаты шуточного опроса, проведенного газетой «Аргументы и факты», на тему: *Что должно быть у нового русского?*

Что должно быть у нового русского?	1990	2000
Золотая цепь	27	18
Золотой унитаз	30	14
Золотой зуб	44	5
Бритый затылок	67	8
Пальцы веером	36	12
«Шестисотый»	88	24
Баксы	43	51
Жена-фотомодель	45	75
Любовница	100	100
Бультерьер	13	27
Оружие	66	66
Личный киллер	15	15
Вилла на Канарах	75	20
Джакузи	50	100
Сотовый телефон	38	90
Пейджер	90	2
Малиновый пиджак	100	3
Костюм от «Версаче»	7	82

кации, посвященные *новым русским*, в газетах «Известия», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Иностранец» и журнале «Итоги» за 1998—2001 гг., а также произведения Б. Акунина «Проблема 2000» и «Алтын-Голобас».

Икра на завтрак	79	12
Лобстеры на ужин	78	13
Картины Рембрандта	31	48
Любимая книга	11	6
Маникюр	0	25
Идеалы	4	4

Кратко перечислим черты характера фольклорных *новых русских*. Прежде всего, это то, что свойственно всем «новым богатым» в анекдотах разных народов: неумение одеваться, вести себя, неуместная демонстрация неожиданно свалившегося на них богатства, то есть незнание того, как положено вести себя в обществе.

Один *новый русский* спрашивает другого: «Ты где и почем этот галстук купил?» — «За 1000 долларов в Париже». — «Вот дебил, надо было в Лондон ехать, там точно такие же по 2000 продаются».

Новый русский рассказывает другану, как он классно отдохнул на Лазурном берегу: в казино десять тонн баксов спустил, в ресторане пятичатку кинул. «Но особенно от меня все на пляже тащились». — «Почему?» — «Ну, как же, ты же меня знаешь, вылезаю я из моря с аквалангом, в малиновом пиджаке, голде с три пальца толщиной и с мобилой».

При этом у *новых русских*, безусловно, есть представления о «хороших манерах», о том, что принято платить по очереди за совместные покупки, читать на ночь, правильно питаться, помогать друзьям, ср.:

Новый русский с друганом покупают по «Мерседесу», и *новый русский* платит за обоих. Друган пытается возражать, но *новый русский* говорит: «Мы вчера кофе пили — ты же за меня платил».

Из дневника нового русского: читал на ночь пейджер. Много думал.

Встречаются два одноклассника: новый русский и инженер, расспрашивают друг друга о жизни. Новый русский рассказывает про свои «Мерсы», дачу на Канарах, дом в Париже и т. д. А инженер говорит: «Я полгода зарплату не получаю, вот уже три дня ничего не ел». — «Ну, нельзя же так, — сочувствует новый русский, — надо себя заставлять».

Разговаривают два братка. «Слушай, Колян, а за сколько ты согласился бы меня убить?» — «Да ты че, Витек, ты же мне друган, я тебя бесплатно шлепну!»

При этом такая тяга к высшему обществу и хорошим манерам имеет в историях о *новых русских* дополнительный комический оттенок, так как их манера поведения и речь носят отчетливую криминальную окраску.

Новые русские очень агрессивны и физически сильны, но при этом крайне тупы и доверчивы, их очень легко обмануть, ср.:

Врезается «Запорожец» в «Мерседес», на «Мерсе» — огромная вмятина. Из «Мерса» вылезает такой амбал с золотой цепью, подходит к тщедушному водителю «Запора» и, сложив пальцы веером, угрожающе говорит: «Ну, ты, мужик, попал, на серьезные бабки налетел». А водитель «Запора» ему отвечает: «Да смотри, ничего страшного с твоей машиной не произошло, просто вмятина. Надо подуть в выхлопную трубу, она и распрямится. Я бы сам подул, но видишь, какой я слабый, а ты такой здоровый, только дунешь — все выпрямится!» *Новый русский* встает на колени, начинает дуть, а «Запорожец» в это время уезжает. Едет мимо другой «Мерс», останавливается, его водитель спрашивает: «Что у тебя случилось, братан?» Ну, *новый русский* рассказывает и говорит: «Ничего не понимаю: дую, дую, а кузов не распрямляется». — «Ну, ты, братан, даешь, как же он может распрямиться, у тебя же дверь не закрыта!»

Купил *новый русский* другу за 100 тысяч баксов барабан от Страдивари, а ученые друбаны ему говорят: «Слушай, тебя кинули, как лоха, Страдивари скрипки делал, а не барабаны!» Разозлился *новый русский*, взял с собой два «Джипа» с братками, поехал к хозяину магазина разбираться. Приезжает довольный, говорит: «Не, ребят, все путем, этот Страдивари для лохов скрипки делал, а для братвы — барабаны!»

Есть даже такой особый фольклорный персонаж, который специализируется на обмане глупых и самоуверенных *новых русских* — *бедно одетый дед из «Запорожца»*. Этот дед, как и Иванушка-дурачок из русских сказок, на поверку оказывается богаче и «круче» *нового русского*: и в «Запорожце» у него джакузи, и внуки у него намного сильнее «наехавших» на него «пацанов», и денег у него гораздо больше, ср.:

Дедуля на «Запоре» врезается в шестисотый. Из «Мерса» вываливают пацаны, окруждают «горбатый» и вопят: «Ну все, дед, ты попал! Че есть у тебя? Квартира? Дача? Че еще?» Дед достает «калаш», в пять минут укладывает всех братков и, дунув в ствол, вздыхает: «Господи! Как мне надоели эти бомжи».

Снова врезается «Запор» в «Мерс» и снова братки требуют у деда продать все, что у него есть. Дед спрашивает: «А сколько вам денег-то надо, сыночки?» Они говорят: «Ну, тыщ десять баксов». Дед открывает старенький мешок, там лежат толстые пачки зеленых, говорит: «Ребят, берите сколько надо, а то я спешу». Братки обалдевают, спрашивают: «Дед, а откуда у тебя столько?» — «Да я. кроликов разводжу». — «Ну, а у кроликов-то откуда деньги, они кого разводят?» — «Поехали со мной, покажу». Они едут по пустынной проселочной дороге, заезжают в густой лес, дед открывает железные ворота и кричит: «Толян, Колян, выходите, я вам кроликов привез!»

²Глагол *разводить* в языке *новых русских* означает *разводить на деньги* — «собирать дань с кого-л.».

Однако иногда все-таки *новые русские* проявляют недоверчивость, ср. анекдот о торговле с дьяволом, в котором дьявол обещает *новому русскому* удачные сделки, деньги, особняки и т. п., а в обмен просит «всего-навсего» душу, вот *новый русский* и удивляется: «Че-то не пойму, братан, на чем ты меня кидаешь?»

Особый интерес представляет речевой портрет *новых русских*. Недаром многие авторы уже говорят о *новорусском языке* или *новорусском наречии* (ср.: «...новая Госдума даже звучит по-новому: преобладавший в кулачах рабоче-крестьянский говорок начал забываться „новорусским“ наречием» («Итоги», 25 мая 2000 г.)).

Во-первых, есть целый ряд слов, создающих речевую маску *нового русского* в анекдоте³.

Это прежде всего обращения *брата*, *брата*, *братя* (не случайно *новых русских* называют также *братьями* или *братьей*), *друган* и уменьшительные имена *Толян*, *Колян*, *Вован*, *Витек*.

Затем такие выступающие в роли частиц или междометий выражения, как в *натуре*, *чисто*, *конкретно*, *короче*, *типа*, *блин*, причем эти слова произносятся с особой ленивой и несколько угрожающей интонацией ([типа], [чиста]), ср.:

Заблудился *новый русский* в лесу. Звонит другану по мобиле и говорит:
«Ну, короче, это чисто типа ау!»

Характерной особенностью языка фольклорных *новых русских* является употребление таких имеющих отчетливо криминальную окраску слов и выражений, как *бабки*, *без базара*, *фильтрой базар*, *стрелка*, *забить стрелку*, *забито*, *гонишь*, *мочить*, *мочила*, *кидать*, *кидалово*, *разборка*, *лох*, *фраер* и др.

Анекдоты должны быть понятны слушателям, поэтому хотя *новые русские* в анекдотах и употребляют слова, заимствованные из уголовного жаргона, но только те из них, которые относятся к так называемому «общему жаргону» (ср. название словаря О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского

³Говоря о речи персонажей анекдотов следует иметь в виду, что все «роли» в анекдоте исполняются одним «актером» — рассказчиком анекдота. Никаких костюмов, масок или кукол, как в народном театре, не предполагается. Следовательно, персонажи должны быть узнаваемы по речевым особенностям, которые тем самым играют роль своего рода речевой маски соответствующего персонажа. *Новые русские* в анекдотах настолько хорошо опознаются по своим речевым характеристикам, что им не удается скрыться даже за высокими должностями, ср.: Корреспондент одной из центральных газет спросил мэра Санкт-Петербурга Яковлева: «Господин мэр, почему Петербург называют криминальной столицей России?» — «Ты, че, гонишь, в натуре, фильтрой базар, братан!» — ответил мэр.

⁴Ср. анекдот, высмеивающий неоправданно частое употребление этих слов: *На международном съезде лингвистов было отмечено появление в русском языке артиклей: неопределенного артика «типа» и определенного «конкретно».*

общего жаргона»). Эти слова активно употребляются в разговорной речи и в средствах массовой информации, существует даже своеобразная мода на употребление этих выражений, что отмечают сами журналисты, ср.: ...выражаясь на модном теперь в высших сферах полублатном жаргоне (Е. Киселев).

В речевом портрете *нового русского* как литературного персонажа могут быть использованы и более специфические выражения, требующие последующих разъяснений: *Рамсы развести проблем нет, только не плачь потом...* *Теперь Николае и вовсе ничего не понял. Правда, выражение «развести рамсы» в блокноте имелось.* На криминальном арго оно означало «уладить конфликт».

Однако не следует думать, что речь *новых русских* – это просто криминальный жаргон. Это такая смесь из криминальных выражений, англичанцев, сниженной разговорной лексики и делового стиля, ср.: *Мочилов пришли... Из-за паршивой аренды? Неадекватно себя ведешь, Вова; Поставить офицныи гарнитурчик с кожаными сидалами, навесить фальшпотолок, по полу запустить реальный белый ковролин – выйдет адекватно.*

Подтверждение того, что *новые русские* сами осознают, что говорят на каком-то особом языке, мы можем найти в литературе, где бизнесмены, в зависимости от того, с кем они говорят, легко переходят с обычного русского на новорусский и даже занимаются переводом: *Отвечайте за базар, или же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязательства.* Причем знание новорусского языка помогает повысить свой социальный статус и решить многие проблемы. Так, герой повести Б. Акунина «Алтын-Толобас» англичанин Николае Фандорин, собирающий новорусские выражения, возвращает себе украденные в поезде вещи, поскольку проводник, с которым Николае заговорил на новорусском (*Борзеешь, вша поднафная?* У папы крысячиши? Ну, смотри, тебе жить), принимает его за «конкретного пацана»: *Братан, братан... Я ж не знал... В натуре не знал! Я думал, лох заморский. Братан!*

Второй и главной особенностью речи *новых русских* в анекдотах является непонимание обычных русских слов и выражений. *Новые русские* в анекдотах постоянно не понимают русский литературный язык, вернее – понимают его каким-то особым образом. Так, например, имена числительные для *нового русского* всегда имеют значение ‘соответствующая сумма денег’ (Акушерка говорит новому русскому: «У вас родился мальчик, три шестьсот»). – «Без базара» (рассказчик делает жест, как будто отсчитывает деньги), а выражение *за сколько* означает ‘за какую сумму денег’ (Разговаривают двое *новых русских*. «Слушай, братан, ты за сколько стометровку пробежишь?» – «Ну, за пару тыщ, наверно, соглашусь»)⁵.

⁵ Вообще *новые русские* везде видят деньги, ср.: Психотерапевт рассказывает своему коллеге, как он ставит диагноз своим пациентам. Он показывает им бесформенное чернильное пятно и спрашивает, что они видят. Сексуальный маньяк

Сложные отношения *новых русских* с числительными обыгрываются во многих анекдотах, напр.:

Новый русский покупает замок. Продавец говорит: «Это очень старинный замок, первая половина XVI века». – «Слушай, мужик, – говорит *новый русский*, – а где же вторая половина?»

Новый русский во время переговоров звонит по мобиле секретарше: «Слушай, сколько в одном миллионе нулей? Шесть?» «Ну, вот, видишь, – обращается он к своему партнеру по переговорам, – я же тебе говорил, что в двух миллионах двенадцать».

Кроме того, *новые русские* постоянно попадают впросак, потому что понимают обычные русские слова в специфическом блатном или жаргонном смысле, не различают омонимы и омофоны, не понимают простейших синтаксических конструкций, ср.:

Женился новый русский. Проходит два месяца, теща ворчит: «Ну, что ты за мужик, два месяца живешь в доме, гвоздя забить не можешь». – «Ну, мать, обижашь, давай адрес этого Гвоздя».

Проверяет *новый русский* тетрадь сына: «Ничего не понимаю, почему двойка, написано же „классная работа“!»

Приходит *новый русский* в публичный дом, говорит: «Мне эта... чтоб все путем... конкретно». Хозяин видит: серьезный клиент, засуетился, говорит: «Для Вас всегда все по высшему классу. Такса всего 300 долларов». *Новый русский* изумленно говорит: «Ну, ты, блин, даешь, зачем мне твоя такса?»

Сидит *новый русский* и пищит. Друган спрашивает его, почему он пищит. «Да лекарство выпил, а на нем написано: после приема пищи» (ср. омографы [пиши] и [пищий]).

И уж совсем плохо понимают *новые русские* слова, связанные с непривычными для них реалиями – книгами, театром или музеем, ср.:

Новый русский говорит продавщице книжного магазина, что хочет купить другу в подарок книжку. «Вам что-нибудь легкое?» – спрашивает продавщица. – «Неважно, я на машине».

Новый русский покупает билеты в театр. «Вам на „Ромео и Джульетту“?» – спрашивает кассир. «Нет, мне на меня и на мою бабу».

Гардеробщица в театре спрашивает *нового русского*: «Вам бинокль нужен?» – «Да нет, спасибо, у меня с оптическим прицелом».

Важной особенностью речевого портрета *нового русского* помимо употребления новорусских слов и непонимания обычных русских слов, является жестикуляция разведенными пальцами: *пальцовка* или *пальцы веером*.

видит эротическую картинку, садист – орудия пытки... В это время заходит пациент. «Ну, что здесь нарисовано?» – спрашивает врач. «Ну, ты че, братан, оборзел. Я столько бабок не срублю!»

Пальцовка является настолько важной чертой речевого поведения *новых русских*, что о ней существует целый ряд анекдотов (ср. анекдот о том, как *новый русский* заказывает себе перстень с бриллиантом в 10 каратов с одной стороны и с тремя бриллиантами по десять каратов с другой, внутренней стороны пальца, потому что ему же «с деловыми людьми разговаривать», или многочисленные анекдоты о том, как *новый русский*, попавший в аварию, прежде всего просит сложить ему пальцы веером, потому что только после этого он может говорить).

Как же соотносятся речевые портреты реальных представителей вновь появившегося социального слоя и фольклорных *новых русских* (а также *новых русских* как персонажей художественной литературы)? По-видимому, здесь, так же, как и в анекдотах о народах-соседях, реальные речевые и поведенческие особенности определенной этнической или социальной группы трансформируются в гиперболизованные, преувеличены свойства мифических персонажей, не утрачивая при этом некоторой связи с оригиналом.

Заключение

Л. П. Крысин

Завершая изложение результатов проведенного нами исследования социальной структуры современного русского языка и соотношений этой социальной структуры с функциональным членением речи, необходимо сделать некоторые выводы.

1. Взаимоотношения языка и общества, коммуникативные потребности которого обслуживает этот язык, отражаются, во-первых, в расслоении единого национального языка на социально обусловленные подсистемы (в русском языке это литературно обработанная форма, территориальные диалекты, городское просторечие, профессиональные и социальные жаргоны); во-вторых, — в социальной маркированности языковых единиц, а также в принятии или неприятии говорящими тех или иных форм и способов языкового выражения; в-третьих, — в функциональном и жанрово-стилистическом разнообразии речи, которое определенным образом коррелирует с социальной расслоенностью языка; в-четвертых, — в формировании речевых стереотипов, каждый из которых характеризует какую-либо социальную группу и может быть назван социально-речевым портретом.

2. Перечисленные виды корреляции между языком и обществом получают специфическое преломление в русском языке современности.

Так, литературный язык конца XX в. испытывает значительное влияние некодифицированных языковых подсистем, в особенности социальных жаргонов, в связи с чем исследователи русского языка отмечают жаргонизацию литературной речи и констатируют возникновение так наз. общего жаргона — как своеобразного промежуточного образования между литературным языком и собственно социальными жаргонами. В то же время территориальные диалекты, испытывая сильнейшее нивелирующее воздействие «городских» форм речи — прежде всего, литературного языка и просторечия, — перестают существовать как самодостаточные коммуникативные подсистемы русского языка и сохраняются в виде более или менее целостных фрагментов лишь у части сельских жителей старшего возраста.

Миграция сельского населения в города, наблюдавшаяся в последние десятилетия, способствует процессу смешения в условиях языковой жизни города разнодialectных речевых стихий, в результате чего формируются